
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 16. № 2

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина,
В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бусыгина Ирина Марковна, д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филос.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор Л. А. Фадеева

© Редакционная коллегия, 2022

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

<i>Яркеев А. В.</i> Политическая теология: генезис концепта	5
<i>Хайнауцкая Т. И.</i> Экологическая идентичность как ресурс кризисного регулирования	14
<i>Фадеева Л. А., Думлер Д. А.</i> «Консервативная демократия» как вариант политического консерватизма	27

Политические институты, процессы, технологии

<i>Соловьев А. И.</i> «Государственное управление» и «управление государством»: конфликты концептов и практик	39
<i>Фролова Е. В., Рогач О. В.</i> Институциональное доверие в российских регионах	49
<i>Горбунова Е. А.</i> Городская политика Лондона в области иммиграции	59

Международные отношения

<i>Фролова Ю. Н.</i> Этнополитические конфликты в Северной Ирландии и Стране Басков: сравнительный анализ	70
<i>Плотичкина Н. В.</i> Национальная молодежная политика в европейских странах: планирование, мониторинг, ответные меры на кризис Covid-19	80
<i>Матюхова Е. И.</i> Экологическая миграция: германский опыт управления	94
<i>Toklo S.</i> The effects of corruption perception on political participation: evidence from Africa	109

Обзоры и аналитика

<i>Пунина К. А.</i> Political and natural sciences: трансдисциплинарный подход в учебном процессе	123
К сведению авторов	127

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Busygina Irina (Higher School of Economics – Saint Petersburg, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Political History and Theory

<i>Yarkeev A. V.</i> Political theology: genesis of the concept	5
<i>Khaynatskaya T. I.</i> Environmental identity as a tool for crisis management	14
<i>Fadeeva L. A., Dumler D. A.</i> “Conservative democracy” as a kind of political conservatism	27

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Solovyev A. I.</i> «State management and public administration: conflicts of concepts and practices	39
<i>Frolova E. V., Rogach O. V.</i> Institutional trust within Russian regions	49
<i>Gorbunova E. A.</i> Urban immigration policy: the case of London	59

International Relations

<i>Frolova Yu. N.</i> Ethnopolitical conflicts in the Northern Ireland and the Basque Country: comparative analysis	70
<i>Plotichkina N. V.</i> National youth policy in European countries: planning, monitoring, response to the Covid-19 crisis	80
<i>Matiukhova E. I.</i> Environmental migration: German experience of regulation	94
<i>Toklo S.</i> The effects of corruption perception on political participation: evidence from Africa	109

Reviews and Analysis

<i>Punina K. A.</i> Political and natural sciences: transdisciplinary approach in teaching process	123
Information for the authors	131

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-5-13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ: ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТА

А. В. Яркеев

Яркеев Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права, Уральское отделение Российской академии наук (УрО РАН), Россия, Екатеринбург.
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0068-468X. Researcher ID: K-2735-2018).

Аннотация

В современных общественно-политических науках актуализация термина «политическая теология» связывается прежде всего с обратной стороной того процесса, который характеризует секуляризацию социального мира. Сакрализация и теологизация политики позволяют говорить о формировании политической религиозности светского типа, замещающей традиционное вероисповедание в социуме. Консервация религиозного регистра в современном обществе является симптомом его неопределенности, случайности и фрагментарности, инициирующих постоянное стремление к трансцендентности, воплощенной в новых формах власти. В теоретико-методологическом отношении политическая теология понимается как способ размышления об основах власти в современных обществах, символические структуры которых, отвечая за фундамент социального порядка и поддержание его согласованности, разрушаются и переживают кризис легитимности. В статье предпринимается попытка проследить генезис понятия политической теологии, начиная с греко-римской античности, посредством экспликации ключевых позиций, повлиявших на его внутреннюю смысловую динамику и концептуальное развитие. В результате автором делается вывод о том, что все ключевые социально-политические категории и оппозиции, лежащие в основе структурно-символического порядка светского общества, так или иначе оказываются связанными с теолого-политической проблематикой. Утверждается, что все попытки отделить политическое от теологического, а теологическое – от политического или подчинить одно другому заранее обречены на провал, но именно эта борьба между политическим и теологическим, предполагающая «единство противоположностей», и определяет функционирование теолого-политической «машины» западного общества.

Ключевые слова: политическая теология; политика; теология; секуляризация; христианство; эсхатология; государство.

Введение: актуальность теолого-политического

Актуализация понятия политической теологии в политической философии XX – нач. XXI вв. в существенной степени является маркером того процесса, который в качестве изнаночной стороны сопровождает то, что М. Вебер назвал «расколдовыванием» мира (*Entzauberung der Welt*), а именно: мы живем в условиях все возрастающей интеллектуализации, рационализации, калькуляции и господства технических средств как определяющих характеристик современности, очищенной от всего таинственного и сверхъестественного (Вебер, 1990: 703–735). Ограниченность веберовского тезиса подтверждается сакрализацией и теологизацией политики, формированием политической религиозности светского толка, замещающей собой место традиционного вероисповедания в социуме (Э. Джентиле, Э. Фёгелин, П. Тиллих, Р. Арон, М. Гоше и др.). Концепция суверенитета, разработанная в Новое время теоретиками абсолютного государства с использованием секуляризованных теологических понятий, а также гуманистическая идеализация греческой и римской гражданской религии в эпоху Просвещения заложили фундамент для сакрализации политики (Джентиле, 2021: 94–95). По мнению К. Лефора, современное демократическое общество, сформировавшееся в XVIII в., устранило онтологическую определенность предыдущих порядков и вместо этого основало себя на гете-

рогенности и разделении власти, права и знания, вследствие чего оно больше не может быть репрезентировано как единый социальный организм. Важный момент, на который здесь обращает внимание К. Лефор, заключается в том, что разделение между религией и политикой, выработанное на протяжении длительного процесса, посредством которого мистическое тело церкви было сначала воплощено в политическом теле короля, а затем передано новому политическому телу народа, оставило своего рода теологический след, отпечаток в современном политическом пространстве. Данное обстоятельство не означает автоматически, что современная светская демократия – просто перенос религии из одного регистра в другой. Тем не менее, оно структурировано символически пустым местом власти, отсутствующим телом короля. Это пустое пространство породило в то же время стремление к абсолютным основаниям, к когда-то обеспечиваемой религией трансцендентности, которая могла бы объединить фрагментированный социальный порядок и справиться с опытом неопределенности. Именно поэтому в разное время идеи нации, сообщества, народа, класса, расы, суверенного государства и т.п. заменяют собой религию, пытаясь заполнить пустое место власти и тем самым объединить общество. Такие идеи, которые свидетельствуют о реальном, но неизбежном структурно-символическом дефиците в обществе, рождаются в те моменты, когда воспринимаемая потеря легитимности рассматривается как угроза социальному порядку. Однако иллюзия того, что твердая идентичность и абсолютное единство могут быть восстановлены, продуцирует постоянную опасность, связанную с тем, что эти представления настолько наполняются энергией и желанием, что открывают путь к тоталитарному стремлению принудительно воссоздать социальный порядок. Таким образом, консервация религиозного присутствия является симптомом неопределенности и случайности, лежащих в основе светского демократического общества, при этом религия сохраняется, скорее, в форме своего собственного отсутствия, маркируя пустое пространство в социальном порядке и иницируя постоянное стремление к трансцендентности, воплощенной в новых формах власти. Именно это К. Лефор называет «постоянством теолого-политического» в светском обществе (Лефор, 2000: 269–323). Соответственно, можно сказать, что политическая теология как направление в философско-политических исследованиях¹ – это способ размышления об основах власти в современных обществах, символические структуры которых, отвечая за фундамент социального порядка и поддержание его согласованности, разрушаются и переживают кризис легитимности (Newman, 2019: 17).

На сегодняшний день концептуальное наполнение термина «политическая теология» представлено широким репертуаром теоретических позиций (текстов и контекстов). Ввиду этого, обстоятельный историко-философский и герменевтический анализ концепта политической теологии – задача довольно сложная и слишком амбициозная, поэтому, по вполне понятным причинам (и прежде всего по причине ограниченного объема журнальной статьи) не претендуя на исчерпывающий охват, мы ограничимся лишь некоторым общим генеалогическим наброском, акцентируя внимание на ключевых моментах в его смысловой эволюции.

Об истоках политической теологии

Как справедливо полагает А. Филиппов, сегодня приходится «заново восстанавливать одни и те же исторические связи, забвение которых, как кажется, носит не столько естественный, сколько противоестественный, насильственный характер», и это в полной мере относится к связи политической философии с политической теологией (Филиппов, 2021: 20–21). С самого начала теология возникла как проблема именно политической теории (Taubes, 1955: 57), поскольку политическая власть с архаических времен отождествлялась со сферой божественного или же рассматривалась как его непосредственная эманация (Джентиле, 2021: 42). Термин «теология» впервые появляется в платоновском трактате «Государство», в диалоге между Сократом и Адимантом, обсуждающих место поэзии и литературы в государстве. Платон считает, что основателям государства следует знать основные черты поэтического мифотворчества и не допускать их искажения. Именно в этой связи Адимант задает Сократу вопрос: «Но вот это – основные черты, каковы они в учении о богах?» (ἀλλ' αὐτὸ δὴ τοῦτο, οἱ τύποι περὶ θεολογίας τίνες ἄν εἴεν)² (Платон, 2018: 93). На что Сократ устами Платона отвечает: бог во всех формах словесного искусства – эпического, лирического, трагического – всегда должен изображаться только таким, каков он есть, так как бог, будучи в высшей степени прекрасным и

¹ Следует иметь в виду, что понятие политической теологии функционирует в двух формах: как понятие политическое, или практическое, и как понятие дескриптивное, или описательно-теоретическое (Ассман, 2022: 52–53).

² ΠΛΑΤΩΝΟΣ. ΠΟΛΙΤΕΙΑ. В II. 379a5. URL: https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet_pdf/404RP_II.pdf.

превосходным, всегда пребывает в своей собственной форме. По Платону, судьба государства зависит от образа жизни его граждан, поэтому воспитание юношества должно быть ограждено от ложных символов и избитых клише, искажающих природу божественного. Таким образом, для Платона теология внутренне связана с политической теорией и политической практикой. «Важно держать в уме, – пишет Я. Таубес, – оригинальный контекст теологии чтобы видеть, что ее отношение с политической теорией является не производным, но затрагивает саму суть обоих. Фактически, не существует теологии, которая не была бы релевантной для порядка общества. Даже теология, которая провозглашает собственную аполитичность и понимает божественное как абсолютно чуждое, абсолютно иное по отношению к человеку и миру, может иметь политические импликации. <...> Как нет теологии без политических импликаций, так и нет политической теории без теологических пресуппозиций» (Taubes, 1955: 58). Своеобразным девизом для имманентной связи теологии и политики является упоминаемый Х. Д. Кортесом в самом начале его «Очерка о католицизме, либерализме и социализме» тезис Прудона о том, что мы всегда обнаруживаем теологию во всех наших политических вопросах (Кортес, 2006: 91).

Происхождение же самого термина «политическая теология» восходит к древнеримскому ученому-энциклопедисту Марку Теренцию Варрону, который посредством понятия *theologia politica (civilis)* обозначил совокупность основополагающих мифов и религий Рима, имеющих политическую функцию. Он выделил три вида теологии: мифическую, физическую и гражданскую. Мифическую теологию употребляют поэты, физическую (естественную) – философы, а гражданскую – народы. Пространством функционирования мифической теологии является театр, физической теологии – мир (универсум), гражданской теологии – город (Августин, 1998: 254–256). «В греческих полисах и в республиканском Риме, – отмечает Э. Джентиле, – религиозное измерение целиком совпадало с политическим в пределах городской религии: священный характер политической власти встраивался в гражданские институты» (Джентиле, 2021: 42–43). С приходом христианства между религией (теологией) и политикой возникло напряжение: с одной стороны, августиновское учение о двух градах предполагало не только их безусловное разграничение, но даже противопоставление; с другой стороны, церковная власть и светская власть всегда боролись между собой, претендуя на первенство в вопросах мирской политики посредством апелляции к божественной инвеституре.

Этот термин снова появляется – значительно позже и в совершенно ином контексте – в теолого-политическом трактате Спинозы (*Tractatus theologico-politicus*), написанном на фоне религиозных конфликтов XVII в. Здесь мы находим попытку отделить философию – пространство разума и свободного исследования (*libertas philosophandi*) – от религиозной веры и библейского определения, которые, по мнению Спинозы, ведут к суеверию и слепому повиновению. Это разделение должно быть сохранено государством и защищено от вторжения фанатичного духовенства. Отстаивая принцип разделения между религией и политикой, церковью и государством, Спиноза, тем не менее, признавал политическую целесообразность религии в деле сохранения верности государству, которое регулирует только внешнюю сторону культа в интересах спокойствия и порядка (Спиноза, 1998: 224–234).

«Богословско-политический трактат» Спинозы в общем строится на принципах, разработанных Т. Гоббсом (с той только существенной разницей, что Спиноза не считает верным переносить на суверена абсолютно все права – право на свободу мысли и совести должно сохраняться за индивидуумом). Несмотря на то, что Т. Гоббс не использует термин «политическая теология», именно его учение о государстве как «смертном Боге», полагает Я. Таубес, следует считать отправной точкой «для любой политической теологии сегодня» (Taubes, 2017: 49). Теория суверенитета К. Шмитта, актуализировавшего понятие политической теологии в XX в., во многом обязана учению Т. Гоббса, полагавшего абсолютного суверена единственным источником мира и безопасности. К. Шмитт особенно любил ссылаться на знаменитое изречение Т. Гоббса *auctoritas non veritas facit legem* [авторитет, а не истина, создает закон] как на обозначение исключительного права суверена принимать решение и определять государственный закон. Мысль Т. Гоббса вращается вокруг постоянной угрозы миру и безопасности, исходящей от религиозных источников власти. Конфликт между духовным и гражданским, между церковью и государством опасен и недопустим, поэтому может быть только одна власть – политический суверен, в компетенцию которого входит право «быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира, и, следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться к народной массе и кто должен расследовать доктрины всех книг, прежде чем они будут опубликованы» (Гоббс, 2020: 176). Но именно в этой точке суверенной власти, соединяющей религиозное и политическое,

скрывается, по мнению К. Шмитта, фундаментальный изъян гоббсовской конструкции абсолютной государственной власти. Отдавая безусловный приоритет суверену, Т. Гоббс, однако, вводит различие между внутренней верой и внешней конфессией, понимая под внутренней верой право верить или не верить в частном порядке, наедине с собой. Поэтому, как пишет К. Шмитт, «в течение следующих веков все остальное, вплоть до либеральной идеи правового и конституционного государства логически отсюда вытекает» (Шмитт, 2006: 192). Так, Спиноза, испытавший сильное влияние политической философии Т. Гоббса, ухватился за эту дистинкцию и выстроил собственную теорию политической власти на основе неотъемлемого права для граждан публично высказывать свои мнения и отстаивать их правоту. Таким образом, эта оговорка Т. Гоббса по поводу внутренней свободы совести и мысли «и стала зерном смерти, изнутри разъевшей грозного Левиафана и погубившей смертного Бога» (Шмитт, 2006: 193).

Михаил Бакунин и Карл Шмитт: теология революции и контрреволюции

В современный период, как уже отмечалось, термин «политическая теология» начал устойчиво ассоциироваться с именем немецкого правоведа К. Шмитта, для которого амбивалентные и проблематичные отношения между религией и политикой стали более острыми во времена секуляризации, достигшей своей высшей точки в двадцатом столетии (Newman, 2019: 5). В работе «Политическая теология» (1922) К. Шмитт заявил, что все важнейшие понятия современной теории государства представляют собой секуляризованные теологические понятия (Шмитт, 2000: 57). Впрочем, окончательной ясности относительно генеалогии термина «политическая теология» в современный период до сих пор нет (Филиппов, 2016: 479), хотя сам К. Шмитт и «признавался» в письме к А. Молеру, что выражение «политическая теология» было введено им (Таубес, 2021: 115). В исследовательских кругах существует, однако, широко укоренившееся мнение, что все-таки первым его ввел М. Бакунин в полемическом сочинении «Политическая теология Мадзини и Интернационал» (1871). Поскольку К. Шмитт неоднократно обращался с критикой к анархическим идеям М. Бакунина и цитировал его работы, постольку логично предположить, что именно у последнего он позаимствовал данное словосочетание (Meier, 2011: 170–171). В этом эссе М. Бакунин упрекает итальянского политика и республиканца Дж. Мадзини в незаконном смешении религии и политики. Революционная роль Дж. Мадзини в формировании итальянского государства была омрачена, в представлении М. Бакунина, его христианством и религиозным идеализмом – теологической абстракцией, которая вынудила его обратиться против эмансипации человечества и прогресса. Дж. Мадзини, пишет М. Бакунин, был «последним первосвященником исчезающего религиозного, метафизического и политического идеализма» (Bakunin, 1871). Идеалист, будь он религиозного, философского или политического толка, – для М. Бакунина это все равно – это тот, кто абстрагирует моральные принципы от материальности жизни, возвышая их, словно с небес, над живыми силами общества, и обращает их против человечества. Вот почему, по словам М. Бакунина, религия традиционно была на стороне государства, вот почему теолог также является политическим абсолютистом и почему суверенитет скрывается под религиозной идеологией. Точно так же, как Бог превосходит мир и природу, государство превосходит общество и стоит над ним; в обоих случаях действует один и тот же принцип абсолютного суверенитета. Более того, причина, по которой религиозные идеалисты и политические абсолютисты приходят к одним и тем же выводам, заключается в том, что и те, и другие исходят из доктрины первородного греха: человеку нельзя доверять, и поэтому ему нужен моральный авторитет в виде религии и политический авторитет в виде сильного государства. Эта метафизическая абстракция в границах реального мира, невыносимая для М. Бакунина, и побудила его объявить себя сторонником Сатаны в своем восстании против власти Бога. Сатана, считает М. Бакунин, был первым настоящим гуманистом и анархистом. Современные революции – примером которых является Парижская коммуна 1871 г. – были, таким образом, «дерзким воплощением сатанинского мифа, восстанием против Бога; и сегодня, как всегда, две противоборствующие стороны находятся в рядах, одна под знаменем сатаны или свободы, другая под божественным знаменем власти» (Bakunin, 1871).

Непримиримая критика М. Бакуниным политической теологии вызвала у К. Шмитта серьезную озабоченность. Действительно, М. Бакунин раскрывается в «Политической теологии» К. Шмитта и в других его работах как один из главных идейных антагонистов, как тот, кто лучше всего воплощает нападение прогрессивной современности на священный характер государства. По существу, весь теолого-политический аппарат К. Шмитта и его теория суверенного чрезвычайного положения представляют собой интеллектуальную мобилизацию, направленную именно против угрозы, исхо-

дящей от атеистической и материалистической революционной политики, которую представляет М. Бакунин (Newman, 2019: 22–23). По К. Шмитту, как, впрочем, и по М. Бакунину, мы находимся в самом центре войны за сам смысл и выживание политического. Эта война разворачивается между двумя видами «экстремизма», или «абсолютизма»: с одной стороны, радикальный консерватизм, который утверждает абсолютный суверенитет и сильное авторитарное государство; с другой стороны, атеистический революционный анархизм, который стремится свергнуть государство во имя имманентной материальности жизни. Однако эти антагонистические позиции объединены общим абсолютизмом, что, по мнению К. Шмитта, приводит к парадоксальным выводам, особенно для анархизма, потому что анархист должен полностью отвергнуть суверенное решение, поскольку оно нарушает имманентность жизни, но это «принуждает его самого решительно принять решение против решения», тем самым Бакунин теоретически «должен был стать теологом антитеологического, а на практике – диктатором анти-диктатуры» (Шмитт, 2000: 98).

Карл Шмитт и Эрик Петерсон: гигантомания вокруг политической теологии

В теолого-политической войне угроза, исходящая от М. Бакунина и атеистического анархизма, действует как интенсификатор политического напряжения. В концепции К. Шмитта именно экзистенциальная борьба с врагом превращает религиозные организации в политические организации, а религиозные конфликты – в политические конфликты. Наглядной иллюстрацией данного тезиса явился заочный спор между К. Шмиттом и другим его идейным оппонентом – католическим мыслителем Э. Петерсоном. Полемика между ними стала важной вехой в развитии концепта политической теологии. В работе «Монотеизм как политическая проблема» (1935) Э. Петерсон решительно отверг возможность христианской политической теологии, поскольку эсхатологический характер христианства дезавуирует значение светской власти. Кроме того, согласно Э. Петерсону, политическая теология возможна только на почве язычества, так как христианский тринитарный монотеизм не позволяет установить корреляцию между Богом и земным монархом. Иными словами, идея земного суверена как единого лица в христианско-теологической перспективе не имеет под собой оснований. Параллель, проведенная К. Шмиттом между метафизическими и политическими концепциями на основе идеи божественной монархии, была в действительности эллинистической трансформацией еврейского монотеизма (Peterson, 1935). В своей последней книге «Политическая теология II: Миф о закрытии любой политической теологии» (1970) К. Шмитт, запоздало отвечая на выпады со стороны Э. Петерсона уже после смерти последнего, обвинил того в фундаментальном непонимании сущности политической теологии. Критика Э. Петерсоном монотеизма как теологической основы монархии относится только к монарху как к индивидуальному лицу, а не к идее суверена как юридического лица, в чем К. Шмитт заинтересован в первую очередь. К. Шмитт «инкриминирует» Э. Петерсону стремление во что бы то ни стало сохранить предельно рафинированный характер христианской теологии, полагаясь на августиновское разделение двух градов – небесного и земного. Церковь существует в этом мире – в мире человеческой истории, и вопрос собственного выживания ей приходится решать политическими средствами. По мнению К. Шмитта, чистый «беспроблемный догматизм» стал для Э. Петерсона своего рода убежищем, в котором тот попытался укрыться от политических коллизий своего времени и от политического решения. Но, подобно М. Бакунину, в своем намерении дистанцировать теологию от политики Э. Петерсон, напротив, оказался втянутым в политико-теологическую связь, которой он стремился избежать: решение о том, что политической теологии положен конец, является политическим решением *par excellence* (Schmitt, 2008).

Подводя итог, К. Шмитт утверждает, что Э. Петерсон хотел спасти чистоту христианского богословия, однако все, что он сделал, – это убедился в ее бесполезности и бессилии. Более того: решительно отвергнув христианскую политическую теологию, Э. Петерсон фактически переутвердил ее посредством установления связи небесного града и церкви с литургией, характеризуя эту связь в мирских политических терминах. «Греческий термин *leitourgia* происходит от *laos* (“народ”) и *ergon* (“дело”) и означает “исполнение общественной обязанности, служение народу”. Термин с самого начала относится к политической лексике и означает услуги, которые имущие граждане должны были оказывать *полису* (организация общественных игр, снаряжение триремы, подготовка хора для городских праздников)» (Агамбен, 2020: 121). В литургической перспективе христианская церковь описывается Э. Петерсоном посредством политических образов как «собрание полноправных граждан небесного града, которые встречаются с целью совершения культовых действий», поэтому «христианское богослужение изначально связано с политической сферой» (цит. по: Агамбен, 2019: 241–243).

Невозможность политической теологии с этой точки зрения объясняется нелегитимностью экстраполяции политической сущности культового отношения между церковью и небесным градом в мирскую сферу. Иными словами, для Э. Петерсона христианская политическая теология если и возможна, то только в регистре богослужения.

Заслуживающий внимания аргумент в пользу доводов Э. Петерсона в полемике против К. Шмитта связан с обращением к политической теологии мученичества, изложенной Э. Петерсоном в работе «Свидетель истины» (1937), представляющей собой контрмодель политической теологии суверенитета К. Шмитта (Passos, 2018). Для Э. Петерсона, когда политическое, как у К. Шмитта, приобретает абсолютный характер, а суверен требует абсолютного политического послушания и религиозной преданности, мученичество становится необходимым понятием для обоснования церковной автономии. Вдохновленный исследованиями С. Кьеркегора, Э. Петерсон утверждает, что существование означает страдание и смерть за истину, и что эта истина находит свое соответствие в жизни мучеников и святых. Мученик – это высшая форма сближения с Христом (то, что С. Кьеркегор называл «одновременностью с Христом», *die Gleichzeitigkeit mit Christus*). В этом смысле можно сказать, что мученик – «самый человечный». Мученик, что в переводе с греческого буквально означает «свидетель» (*μάρτυρ*), используя общественное пространство, *свидетельствует* перед государственными властями и даже церковными властями, что высшее благо человека не политическое, а эсхатологическое. Однако мученичество не следует рассматривать просто как акт обвинения, направленный против тирана, нарушающего закон или справедливость; такая интерпретация отделила бы событие от его эсхатологического значения, превратив его в банальный акт протеста против политических властей. Отличительной чертой христианского мученичества является «откровение новой реальности». Следуя примеру жертвы Христа, мученики свидетельствуют перед алтарем правителей этого мира, что нынешний порядок не представляет истинного порядка и что государственная власть утратила свою власть над человеческой душой. Для Э. Петерсона символическим в этом отделении истины от политики является момент, когда Понтий Пилат повернулся к Иисусу и спросил его: «Что есть истина?». Пилат «формулирует теоретический вопрос о том, что такое сама истина, но избегает практического решения в пользу царя, который пришел в мир, чтобы явиться свидетелем истины» (cited in Passos, 2018: 506). С этого момента земные власти отрицают возможность метафизического союза между истиной и политическим сообществом. С тех пор ни одно политическое сообщество не может претендовать на то, чтобы быть истинным политическим порядком или народом Божьим. Итак, мученик раскрывает силы, которые правят этим миром, а также свидетельствует о превосходстве грядущего. Это не означает, что княжества и престолы утратили свою релевантность для человека. Политическая власть по-прежнему необходима для того, чтобы дать человеку единство и порядок, но она утратила свои притязания на воплощение истинного смысла человеческого существования. Таким образом, теология Э. Петерсона не является аполитичной теологией, как утверждает К. Шмитт. Мученичество – это публичное требование и утверждение истины.

Суверен К. Шмитта и мученик Э. Петерсона вступают в прямой конфликт друг с другом, потому что у них противоположные взгляды на источник истины. Поскольку воля суверена К. Шмитта определяет диспозицию «друг-враг», она также решает, что является истиной, а что не является. Конфликт между мучеником и сувереном становится неизбежным, потому что мученик хочет сделать истину Христа видимой в публичной сфере, в то время как суверен К. Шмитта, претендующий на политическую монополию на истину, не может мириться с публичностью христианского откровения, которое делегитимирует его власть и разоблачает ее мимолетность. Однако эта делегитимация суверенной власти не означает, что цель церкви и свидетельства мученика состоят в том, чтобы уничтожить нынешнюю политическую систему и установить другую политическую конституцию. Дело не в том, чтобы заменить власть суверена теократией, сосредоточенной в церкви, а в том, чтобы сохранить общественную сферу открытой для эсхатологической веры. Мученики хотят преодолеть мировоззрение, которое сделало власть суверена единственным источником истины. Для Э. Петерсона «дверь», которую Т. Гоббс оставил открытой в «Левиафане» (разграничение внешней конфессии и внутренней веры), является необходимым элементом для христианского понимания политики. Поскольку возможность суверенитета Христа в этом мире была отвергнута Им, когда Он ответил Пилату, что Его царство не от мира сего, выживание церкви зависит от невозможности восстановления первоначального единства между духовным и политическим в этом мире. Существование «косвенных полномочий» (*potestas indirecta*), которые К. Шмитт считает смертельными врагами суверенного государства, фактически является тем самым, что позволяет исторически существовать церкви как суверенному и свободному институту.

Когда государство стремится к религиозной преданности, а его отношения с церковью перерастают в открытый конфликт и преследования, тогда формой борьбы бессильных против сильных оказывается «свидетельство крови». Жертвуя своей жизнью ради свидетельства истины, как это сделал Христос, мученики демонстрируют, что человеческая совесть не связана волей суверена. Акт мученичества показывает, что государь может требовать повиновения только потому, что он обладает жестокой силой. Однако применение силы против мученика в конечном счете обнаруживает слабость государя, ибо, больше не обладая монополией на представление истины, он может навязывать свою волю только с помощью физического насилия. Это разрушает политическую теологию суверенитета К. Шмитта, демонстрируя, что суверен больше не является источником истины.

Карл Лёвит и Якоб Таубес: политическая теология как эсхатология

Как видно из предыдущих рассуждений, эсхатологическая проблематика для христианской политической теологии носит принципиальный характер. Общим для К. Шмитта и Э. Петерсона является представление о том, что история человечества есть некое временное состояние, основанное на откладывании конца света (ἔσχατον). По К. Шмитту, именно эта отсрочка открывает возможность для светской политики. В теолого-политических дискуссиях по поводу эсхатологии наибольший интерес представляют собой взгляды К. Лёвита и Я. Таубеса. Как и К. Шмитт, К. Лёвит рассматривает политическое в качестве проекции теологического: идея прогресса, лежащая в основе модерна, – не что иное, как форма секуляризованной христианской эсхатологии. Наша современная вера во всеобщий прогресс, особенно убежденность в том, что история имеет какой-то высший смысл или конечную цель, все еще основаны на пророческом и мессианском обещании Искупления и Спасения. Нами управляет «эсхатологический компас», который «дает ориентацию во времени, указывая на Царство Божье как на конец или цель» (Löwith, 1949: 18). Эта теологическая параллель совершенно очевидна, например, в революционной эсхатологии К. Маркса: история эксплуатации – это история несправедливости и зла, которое будет окончательно преодолено в мессианском исполнении коммунизма – нового вида небесного царства на земле.

Для Я. Таубеса, чье интеллектуальное взаимодействие и последующая переписка с К. Шмиттом начались в 1948 г., и он сам, и К. Шмитт являются апокалиптическими мыслителями, но только К. Шмитт мыслит «сверху», тогда как он сам мыслит «снизу». Для К. Шмитта думать об апокалипсисе «сверху» значит мыслить контрреволюцию, призванную посредством суверенного исключения защитить государственный порядок от угрозы революции. И все же в конечном счете такая контрреволюция санкционировала нацистский апокалипсис, который в итоге разрушил немецкое государство. Согласно Я. Таубесу, революции в их разрушении существующего порядка, в их свержении иерархий являются, конечно же, апокалиптическими событиями. В интерпретации послания апостола Павла к римлянам Я. Таубес обнаруживает эсхатологический регистр, действующий как прямой революционный контрапункт контрреволюционной политической теологии К. Шмитта, которая пытается предотвратить революцию, даже если она должна стимулировать определенную форму правовой анархии – чрезвычайное положение – для того, чтобы захватить и удержать в рамках порядка власти реальную анархию революции. В теологических терминах суверен играет роль катехона (κατέχων) – «сдерживающей силы», которая предотвращает пришествие Антихриста, событие, предшествующее Апокалипсису и приходу Мессии. Однако Я. Таубес смотрит на это по-другому. В эсхатологической перспективе становится очевидной мимолетность и незначительность мирской политической власти. Как известно, для апостола Павла пришествие Мессии сопровождается разрушением Римской империи. Для Я. Таубеса мессианизм Павла – это своего рода революционное чрезвычайное положение, в котором рушится порядок власти (Taubes, 2003).

Заключение

Краткий генеалогический анализ понятийного аппарата политической теологии позволяет сделать вывод, что все ключевые социально-политические категории и оппозиции, лежащие в основе структурно-символического порядка светского общества, так или иначе оказываются связанными с теолого-политической проблематикой, уходящей своими корнями в греко-римскую античность. Все попытки отделить политическое от теологического, а теологическое – от политического или подчинить одно другому заранее обречены на провал, но именно эта борьба между политическим и теологическим, предполагающая «единство противоположностей», и определяет функционирование теоло-

го-политической «машины» западного общества на всем протяжении его исторического развития, из которой – по принципу *deus ex machina* – постоянно возникают все новые и новые «божества», фундирующие структуры власти.

Список литературы / References

- Агамбен, Дж. (2019) *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. Москва; Санкт-Петербург: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. [Agamben, G. (2019) *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government* [TSarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ehkonomiki i upravleniya]. Moskva; Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU. (In Russ.)].
- Агамбен, Дж. (2020) *Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни*. Москва; Санкт-Петербург: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. [Agamben, G. (2020) *The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life* [Vysochajshaya bednost'. Monasheskije pravila i forma zhizni]. Moskva; Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU. (In Russ.)].
- Ассман, Я. (2022) *Политическая теология между Египтом и Израилем*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. [Assmann, J. (2022) *Political theology between Egypt and Israel* [Politicheskaya teologiya mezhdud Egiptom i Izrailem]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Блаженный Августин (1998) *Творения (том третий). О граде Божием. Книги I-XIII*. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс. [St. Augustine. (1998) *City of God. Tvoreniya (tom tretij)* [O grade Bozhiem]. Knigi I-XIII. Sankt-Peterburg: Aletejya; Kiev: UTSIMM-Press. (In Russ.)].
- Вебер, М. (1990) *Избранные произведения*. Москва: Прогресс. [Weber, M. (1990) *Selected works* [Izbrannye proizvedeniya]. Moskva: Progress. (In Russ.)].
- Гоббс, Т. (2020) *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. [Hobbes, T. (2020) *Leviathan* [Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo]. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.)].
- Джентиле, Э. (2021) *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. [Gentile, E. (2021) *Political Religions* [Politicheskije religii. Mezhdud demokratiej i totalitarizmom]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Кортес, Х. (2006) *Сочинения*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. [Cortes, J. (2006) *Essays* [Sochineniya]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Лефор, К. (2000) *Политические очерки (XIX – XX века)*. Москва: РОССПЭН. [Lefort, C. (2000) *Political essays* [Politicheskije ocherki]. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Платон (2018) *Государство*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. [Plato (2018) *State* [Gosudarstvo]. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.)].
- Спиноза, Б. (1998) *Трактаты*. Москва: Мысль. [Spinoza, B. (1998) *Treatises* [Traktaty]. Moskva: Mysl'. (In Russ.)].
- Таубес, Я. (2021) *Ad Carl Schmitt. Сопряжение противостремительного*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. [Taubes, J. (2021) *Ad Carl Schmitt* [Ad Carl Schmitt. Sopryazhenie protivostremitel'nogo]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Филиппов, А. (2016) 'К истории понятия политического: прошлое одного проекта' в: Шмитт, К. *Понятие политического*. Санкт-Петербург: Наука, сс. 433–551. [Filipov, A. (2016) 'On the history of the concept of the political: the past of one project' [K istorii ponyatiya politicheskogo: proshloe odnogo proekta] in: Schmitt, C. (2016) *The Concept of the Political* [Ponyatie politicheskogo]. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 433–551. (In Russ.)].
- Филиппов, А. (2021) 'Якоб Таубес: к политической теологии' в: Таубес, Я. *Ad Carl Schmitt. Сопряжение противостремительного*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, сс. 19–72. [Filipov, A. (2021) 'Jacob Taubes: Towards political theology' [Yakob Taubes: k politicheskoy teologii] in: Taubes, J. (2021) *Ad Carl Schmitt* [Ad Carl Schmitt. Sopryazhenie

- protivostremitel'nogo]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 19–72. (In Russ.).
- Шмитт, К. (2000). *Политическая теология*. Москва: КАНОН-пресс-Ц. [Schmitt, C. (2000) *Political Theology* [Politicheskaya teologiya]. Moscow. (In Russ.)].
- Шмитт, К. (2006) *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. [Schmitt, C. (2006) *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes* [Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Bakunin, M. (1871) *The Political Theology of Mazzini And The International* [online]. Available at: URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/mikhail-bakunin-the-political-theology-of-mazzini-and-the-international> (Accessed: 12.10.2021).
- Löwith, K. (1949) *Meaning in History*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Meier, H. (2011) *The Lesson of Carl Schmitt. Four Chapters on the Distinction between Political Theology and Political Philosophy*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Newman, S. (2019) *Political Theology. A Critical Introduction*. London: Polity.
- Peterson, E. (1935). *Der monotheismus als politisches problem: ein beitrag zur geschichte der politischen theologie im Imperium romanum*. Leipzig: Hegner.
- Passos, S. E. (2018) 'The Blood of the Martyrs: Erik Peterson's Theology of Martyrdom and Carl Schmitt's Political Theology of Sovereignty', *The Review of Politics*, 80, pp. 487–510, doi:10.1017/S0034670518000220.
- Schmitt, C. (2008). *Political Theology II. The myth of the closure of any political theology*. London: Polity.
- Taubes, J. (1955) 'Theology and Political Theory', *Social Research*, Vol. 22, 1, pp. 57–68.
- Taubes, J. (2003) *The Political Theology of Paul*. Stanford: Stanford University Press.
- Taubes, J. (2017) 'Leviathan as Mortal God: On the Contemporaneity of Thomas Hobbes', *Telos*, 181, pp. 48–64, doi:10.3817/1217181048.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 10.03.2022

Статья принята к печати: 26.04.2022

POLITICAL THEOLOGY: GENESIS OF THE CONCEPT

A. V. Yarkeev

A. V. Yarkeev, Doctor of Philosophy Sciences, leading researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg.
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0068-468X. Researcher ID: K-2735-2018).

Abstract

Modern socio-political sciences associate «political theology» with the secularization of the social world. The sacralization and theologization of politics allow us to talk about the formation of a secular type of political religiosity, replacing the traditional religion in society. Political theology is understood as a way of thinking about the foundations of power in modern societies, whose symbolic structures, responsible for the foundation of social order and maintaining its coherence, are being destroyed and experiencing a crisis of legitimacy. The article attempts to trace the genesis of the concept of political theology, starting from Greco-Roman antiquity, by explicating key positions that influenced its internal semantic dynamics and conceptual development. As a result, the author concludes that all the key socio-political categories and oppositions underlying the structural and symbolic order of secular society are somehow connected with the theological and political issues. It is argued that all attempts to separate the political from the theological, and the theological from the political, or to subordinate one to the other are doomed to failure in advance, but it is this struggle between the political and the theological, that presupposes the «unity of opposites», that determines the functioning of the theological-political «machine» of Western society.

Keywords: political theology; politics; theology; secularization; Christianity; eschatology; the state.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-14-26

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС КРИЗИСНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Т. И. Хайнацкая

Хайнацкая Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН.
E-mail: tkhaynatskaya@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6364-4765).

Аннотация

В числе проблем окружающей среды, с которыми сегодня сталкивается человечество – изменение климата и сокращение биоразнообразия. Это свидетельствует о нарушении хрупкого природного баланса и наступлении системного экологического кризиса, связанного с безудержным ростом потребительского отношения к природе и ее ресурсам. Деграция окружающей среды заставляет искать новые паттерны взаимоотношений человека и природной среды. На основе анализа научных дискурсов о социальной составляющей природы кризиса и концепций развития рассматривается роль экологической идентичности в антикризисном управлении. Несмотря на то, что категории идентичности и ее составляющим посвящены многочисленные исследования, понятие экологической идентичности появилось в лексиконе социальных наук относительно недавно. Изучается ее природа, методы формирования и оценки состояния, однако потенциал самой категории как способа решения политико-управленческих задач остается малоизученным. Важность исследования экологической идентичности в предметном поле политической науки обусловлена объяснительным потенциалом этого концепта для политического процесса, поскольку экологические проблемы находятся сегодня в центре политической повестки дня. Автор показывает, что формирование индивидуальной экологической идентичности, переход от когнитивного к деятельностному компоненту самоидентификации способствуют становлению групповой экологической идентичности, которая может приобретать политизированные формы, оказывая непосредственное влияние на процесс принятия политических решений. Экологическая идентичность выступает в качестве саморегулятора поведения индивида, а проэкологическое поведение снижает экологическую нагрузку, что в дальнейшем может способствовать разрешению экологического кризиса и/или смягчению его последствий.

Ключевые слова: экологическая идентичность; экологическая политика; антикризисное регулирование; экологические дискурсы; политизация идентичности.

На протяжении многих веков человек и природа выступали частью одной экосистемы, но с течением времени люди все больше отчуждались от нее. Изначально считалось, что технологический прогресс имеет только положительное влияние на общество, стимулируя его дальнейшее развитие (Goldblatt, 1996). Однако с технологическим и производственным прогрессом, а также в ходе промышленных революций разрыв между обществом и окружающей средой только углубился, вследствие чего люди перестали ощущать себя ее частью. В дальнейшем это породило конъюмеристское отношение к природному капиталу и привело к вхождению человека в эпоху экологического и климатического кризисов на рубеже XX–XXI вв. Окружающая среда сегодня продолжает деградировать. Согласно докладу «Глобальная экологическая перспектива б», подготовленному Программой ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП) в 2019 г. экологическая ситуация в мире продолжает ухудшаться (ЮНЕП, 2019). Истощение природных ресурсов, экологические катастрофы и изменение климата были следствием подобного одностороннего отношения.

В 1990-е гг. широкое распространение получила концепция «общества риска», которое У. Бэк определяет как «систематический способ борьбы с опасностями, вызванными модернизацией» (Бек, 1992: 21). При этом сами риски непрерывно продуцируются. Они делятся на средовые, внешние и искусственные (Giddens, 1999), последние отличаются значительным участием человека как в их создании, так и в снижении их уровня.

В ответ на такие риски и изменения стали зарождаться идеи энвайроментализма, биоцентризма, биоконсерватизма, концепции об альтернативных траекториях развития, основанные на устойчивых отношениях человека с природой и на устойчивом потреблении природных ресурсов. Новые «зеленые» движения побудили государства, международные организации и некоторые корпорации задуматься о причиняемом ущербе и приступить к принятию мер по защите окружающей среды и рациональному природопользованию. Появился запрос на формирование «постматериальной» модели развития. При этом актуализируется роль человека в кризисном урегулировании. Идея о необходимости сохранять окружающую среду, избегая непоправимого ущерба и заботясь о будущих поколениях, прочно закрепились в сознании людей.

Существует два диаметрально противоположных подхода к конструированию экологической политики, которые поддерживают дихотомию – «антропоцентризм – экоцентризм». Идеи антропоцентризма основаны на человеческом превосходстве и восприятии мира с точки зрения их ценности для человека, когда животный и растительный мир, ископаемые ресурсы используются для удовлетворения потребностей. Характер взаимодействия строится на экономическом императиве (Кудрявцева и др., 2017). В рамках данного подхода экологическая политика ставит своей целью сохранение природы как ресурса для комфортного существования человечества. В противовес этому экоцентризм, известным представителем которого считается основатель глубинной экологии А. Насс, распространяет принципы этики и на животных, и на природные системы. Однако этот подход критикуют за утопизм и «безнадежный поиск» (Grey, 1993).

Важно отметить, что большинство современных экологических концепций и стратегий имеют преимущественно антропоцентрическую направленность, ввиду этого сохраняется кризисное состояние природных систем (McShane, 2016). Отмечается незначительный прогресс по итогам осуществляемых на современном этапе мер, таких как стандартизация и регулирование. С 1972 г. количество законов, направленных на защиту окружающей среды, увеличилось в 38 раз, однако неспособность полностью реализовать и обеспечить соблюдение этих законов является одной из самых серьезных проблем (UNEP, 2019). Низкие показатели проэкологического поведения, указывают на разрыв между осведомленностью об экологических проблемах и реальной деятельностью по защите окружающей среды (Mikuła & Utzig, 2021). Эксперты уже давно заявляют о важности экологического просвещения для всех групп граждан и формирования экологического сознания и идентичности (Iizuka, 2000), сегодня это приобретает особое значение.

Мировоззрение – это система взглядов и представлений индивида на мир, ценностные ориентиры, а идентичность проецируется на бытие в этом мире. Экологические ценности отражают личные убеждения и коллективные представления о значении природы и как люди должны к ней относиться. «Здоровая» окружающая среда напрямую связана с благосостоянием и процветанием человечества. Бережное отношение к окружающей среде основано на идентификации с природой и мировоззрении, побуждающем людей воспринимать себя как ее часть и действовать в ее защиту.

Данное исследование основано на анализе эколого-политических дискурсов. В последние десятилетия экологические проблемы находятся в поле зрения ученых и экспертов из различных отраслей науки. Особое внимание уделяется экологическому кризису, его последствиях и способов предотвращения. В данном исследовании за основу взято понимание экологического кризиса как «состояние бифуркации экосистемы, обусловленное изменением ее биогенных констант» (Борзова, Олейников, 2017: 122). Вокруг него образовался алармистский дискурс, который осложняет процесс принятия политических решений. Без высокого уровня экологической озабоченности/чувствительности и сформированной экологической идентичности форсированные правительствами меры не будут полностью реализованы.

Экологический кризис

У. Бэк отмечает, что общество развивается с сопутствующими процессами «распределения богатства» и «распределения риска» (или же избегание риска) (Beck, 1992: 9), при этом стремление к распределению богатства направлено на обеспечение материальных потребностей общества. Такая логика оправдывает сложившуюся экономическую модель, которая не предполагает ограничение производства товаров. Соблюдение этих принципов сохраняется до тех пор, пока общие материальные потребности не снижаются за счет роста производительности труда и/или перераспределительной политики государства всеобщего благосостояния (Marshall, 1999). После удовлетворения материальных потребностей целесообразность распределения богатства теряет свою актуальность, уступая

место необходимости распределения риска (Beck, 1992). В обществе риска появляется опасность и потенциальные угрозы, высвобождаемые экспоненциальным ростом производительных сил в процессе модернизации, что приводит к кризисной ситуации вокруг экологических проблем.

Увеличение числа экологических катастроф подтолкнуло ученых и экспертов к анализу антропогенного влияния на экологические системы. Работы, посвященные будущему человечества, неминуемым изменениям в экосистемах, такие, как «Безмолвная весна» Рейчел Карсон (1962), «Трагедия общин» Гаррета Хардина (1968) и известный доклад Римскому клубу «Пределы Роста» (1972) стали частью научного, околонучного и политического дискурсов и стимулировали появление различных вариантов экологических мониторингов, индексов и сценариев. Сегодня наиболее известными представляются доклады МГЭИК (Межправительственной группы экспертов по изменению климата), которые говорят о неминуемом повышении глобальной температуры на 1,5° и глобальной катастрофе, что ставит под угрозу существование людей. По прогнозам большинства экспертов, современное общество движется к точке невозврата, которая изменит сложившийся жизненный уклад и политический порядок.

Рассматривая категорию экологического кризиса, можно выделить три основных типа проблем: 1) вызванные чисто природными условиями, 2) вызванные или усугубленные деятельностью человека, и 3) возникающие в результате растущего спроса человека на источники энергии для питания инфраструктур, приобретающих со временем все большую энергозависимость (Bentley, 2009). Если углубиться в изучение причин экологического кризиса, то корнем проблемы являются фундаментальные взгляды, убеждения и ценности, на которых базируется культура потребления и экономического роста. Ввиду процесса глобализации экологические проблемы только усугубились. Согласно выводам ученых Университета Южного Уэльса, большой ущерб исходит от богатых домохозяйств в развитых странах (Wiedmann et al, 2020). Приблизительно 1/3 выбросов в развитых странах приходится непосредственно на индивидуальное потребление (Vandenbergh et al, 2010), за которыми стоят модели рыночной экономики (Конашев, 2019).

Опасность экологического кризиса заключается в том, что он углубляет социальные размежевания в обществе. В непропорционально большей степени кризис оказывает влияние на уязвимые слои населения, поскольку ведет к ухудшению качества жизни и росту давления на семейные бюджеты. По большей части люди хотят стимулов для изменения своего поведения и поддержки лучшей инфраструктуры, а не запретов или новых налогов. В силу этого в обществе могут возникать противоречия между теми, кто имеет доступ к процессу принятия решений и тех, кто не имеет. Это ведет к усилению позиций правых популистских партий, которые преподносят климатическую повестку как элитарную, к примеру как партия «Альтернатива для Германии». Государство должно убеждать граждан в необходимости и справедливости роста цен на важные для жизнеобеспечения ресурсы, чтобы поддерживать политическую стабильность и согласие в обществе. Для климатической и экологической политики актуальным остается поиск сбалансированного подхода к решению проблем окружающей среды.

На современном этапе развития главными измерениями экологического кризиса представляются изменение климата, снижение биоразнообразия и мусорное загрязнение. В совокупности все экологические проблемы меняют «химию» планеты. Как отмечено в алармистских докладах, если в течение ближайших восьми лет мы не снизим выбросы CO₂, то мир ждут колоссальные изменения. Тайфуны, ураганы, лесные пожары, экстремальные значения температуры будут спутниками человеческой жизни, и человеку придется приспосабливаться к новым реалиям. Уже сегодня наблюдаются такие аномальные явления, как наводнения в Германии, рекордные значения температуры, которые приводят к увеличению масштабов природных пожаров в России, Австралии, Греции, Италии (Sen Gupta, 2020) и др.

Общественные настроения свидетельствуют о растущем осознании рисков, связанных с неограниченным экономическим ростом и модернизацией. Это подтверждается принятием Целей устойчивого развития (2015), их продвижением на всех уровнях, особенно в бизнесе. Компании уже давно признают ответственность за причиняемый экологический ущерб, и его минимизация стала императивом ведения бизнеса. В настоящее время 21% крупнейших публичных компаний мира из 2 тыс. имеют обязательства по нулевым выбросам (The Energy & Climate Intelligence Unit, 2021). Корпорации символически окрашивают свою продукцию в зеленый цвет и принимают экологические концепции развития – это неотъемлемая часть бизнес-процесса, в то время как на уровне индивида экоповедение только начинает укореняться в повседневной жизни. В ЕС только 5 стран демонстрируют высокий уровень про-экологического поведения (например, Швеция, Дания, Финляндия и

т. д.), 14 стран имеют низкие показатели (Испания, Греция, Румыния, Польша и т. д.) (Mikula & Utzig, 2021). Очевидно, что шаги по преодолению кризиса должны инициироваться самим человеком. Переориентация ценностей, изменения мышления и формирование экологической идентичности являются способом выхода из экологического кризиса.

Концепт экологической идентичности

Сегодня ученые нередко обращаются к категориям и концепциям, отражающим субъективный уровень восприятия человеком окружающей среды, таким, как экологическое сознание, экологическая культура, экологическая грамотность и другие, затрагивая те или иные аспекты экологической идентичности. Эти понятия описывают разные аспекты общего исследовательского поля. Для понимания истоков интереса к концепту экологической идентичности в научном дискурсе важно сопоставить эти концепты друг с другом.

Впервые термин «экологическое сознание» появился в работах, посвященных экологической проблематике, в 70-х гг. XX в. в ответ на отделение человека от природных систем и как следствие – экологический кризис (Devall, 1983). Термины «ecological consciousness» и «environmental consciousness», описывающие экосознание, можно перевести одинаково, однако их смысловые категории отличаются. Если понятие «ecological consciousness» подразумевает практикоориентированный подход, который включает в себя ответственное потребление и природопользование, то «environmental consciousness» имеет философское наполнение. Экологическое сознание может выступать как «очень сложная, саморегулирующаяся система, сформированная для решения задач установления, стабилизации или изменения взаимоотношений с природой и ее объектами, возникающих в процессе удовлетворения потребностей человека» (Дерябо, Ясвин, 1996: 21). Особенность экологического сознания заключается в том, что оно включает в себя как антропоцентричный, так и эоцентричный компоненты (см. там же).

Другим важным понятием выступает «экологическая культура». Как отмечал российский социолог О. Н. Яницкий, экологическая культура – это «этические основания отношения общества и среды его обитания, в которой оно живет и которую оно формирует» (Яницкий, 2007: 6). Таким образом, экологическая культура помогает выстраивать базовые паттерны отношения с природой.

Приобретение экологической грамотности является важной основой для формирования про-экологического образа жизни. Экологическая грамотность представляет собой совокупность знаний об окружающей среде и природопользования, а также об индивидуальных и коллективных способах ее сохранения. Высокая экологическая культура и полученные экологические знания позволяют выстраивать устойчивые отношения с природной средой.

Данные категории являются предикторами экологической идентичности. Современное представление об экологической идентичности основано на работах в области психологии и в основном опирается на работы психологов и экологов, таких как С. Клейтон (2003), А. Фрид (2015), М. Томашоу (1995) и М. Мацубы (2012). В российском научном дискурсе экологическая идентичность трактуется в широком смысле, отражающем как социальную составляющую вопроса, так и проблему взаимовлияния природных экосистем и человека, в то время как в западной науке оно разделено на «environmental identity» и «ecological identity». В данной работе понятие **экологической идентичности** рассматривается как «связь индивида/группы людей с природной средой, идентификация себя как ее неотъемлемой части, которая отражается на восприятии проблем окружающей среды и индивидуальном/групповом поведении, стимулирует природозащитную деятельность и другие формы экологической активности» (Хайнацкая, 2021: 203).

Американский психолог Клейтон видит экологическую идентичность как элемент процесса формирования Я-концепции и ощущения связи с некоторыми составляющими нечеловеческого природного мира, основанного на личной истории, эмоциональной привязанности и/или близости. Эта связь, в свою очередь, накладывает отпечаток на восприятие и поведение человека по отношению к природному миру. Другими словами – это убежденность в том, что окружающая среда важна для человека и является значимой частью его сущности (Clayton, Orotow, 2003). Экологическая идентичность проявляется в ценностях, действиях и самовосприятии личности (Thomashow, 1995) и состоит из аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов.

В последнее десятилетие в российской науке категория экологической идентичности стала объектом пристального изучения, авторы рассматривали ее через призму политических и экономических процессов. В отечественном эколого-политическом дискурсе экологическая идентичность рас-

считается как «ощущение единства с природой и окружающей природной средой, (которое) создает определенные социальные нормы, максимизируя полезность действий индивида в том случае, если они соответствуют нормам» (Терешина, Башмаков, 2017: 9). Среди ключевых элементов, на которые опирается экологическая идентичность – «желание заботиться об окружающей среде» (Саворская, 2017: 620). В планировании и прогнозировании результатов экологической политики исследование экологической идентичности играет значительную роль в силу ее способности объяснять поведение граждан на основе анализа их мотивации. Сильная экологическая идентичность стимулирует более дружественное для экологии (eco-friendly) поведение, продвижение экологических инициатив.

Растущее беспокойство по поводу глобальных и локальных экологических проблем стимулировало правительства (Kulin et al, 2021) и неправительственные организации по продвижению проэкологического поведения. Если обратиться к шкале экологической идентичности, предложенной Клейтон, то такие проэкологические действия, как сокращение и раздельный сбор отходов, ответственное потребление, компостирование, использование экологичных видов транспорта, проведение времени на природе, экотуризм, поддержка идей энвайроментализма (Clayton, Orotow, 2003: 62), можно расценивать как индикаторы наличия экологической идентичности.

В последние годы разрастается дискуссия о соотношении экологических и экономических приоритетов. Во многих странах наряду с внедрением экологического просвещения на всех уровнях образования – от детских садов до выпускных курсов университетов ведется активная «экологическая пропаганда». Тем не менее в странах и даже регионах существуют разные подходы, продиктованные различиями в уровне экономического развития, политической культуры, ресурсном обеспечении. И, как следствие, результаты такой информационной и образовательной политики также сильно отличаются.

Укоренение в обществе экологической идентичности влияет на трансформацию эколого-политических дискурсов (Ефременко, 2006) и повестку дня экологической политики, меняя общий вектор политического процесса. Лица, принимающие политические решения, рассматривают экологические и климатические проблемы в качестве приоритетных. Это представляется позитивным аспектом, но он может приобретать и негативную окраску. Алармистский климатический дискурс сегодня доминирует не только в научном поле, но и среди экономической и политической элиты, и в обществе. С одной стороны, это стимулирует разработку и усиление мер по защите окружающей среды, с другой – форсирует процесс принятия решений. Ярким примером является принятие Еврокомиссией под предводительством Урсулы фон дер Ляйн экологических приоритетов и Европейской зеленой сделки (далее ЕЗС) и дальнейшего продвижения зеленой траектории. Алармизация климатической проблемы создала импульс «снизу» (через экологические протесты, митинги и движения), что подтолкнуло ЕС к принятию этой амбициозной стратегии. Ввиду «необходимости срочных» действий многие аспекты проблемы этой политики не изучаются должным образом, что приводит к серьезным просчетам уже в реальности.

В России ситуация складывается иначе. В целом исследование, проведенное Клейтон и психологами из ВШЭ, показали результаты экологической идентичности ниже, чем в США или Канаде (Clayton et al, 2019). Отличается также доминирующий дискурс в политическом поле и приоритеты в формировании экологической идентичности. Если в большинстве стран доминирует климатический дискурс, то в России он слабо развит и основной акцент делается на проблему обращения с отходами.

Социальное измерение экологической идентичности раскрывается в ином виде, в отличие от остальных категорий идентичности. Связи устанавливаются не с социальной группой, а с неодушевленным объектом – природной средой. Благодаря переходу от когнитивного компонента к деятельностному, возникает групповая идентичность, которая выступает одной из движущих сил политических изменений. В результате процесса политизации экологических и климатических проблем возникает «коллективная политико-экологическая идентичность».

Политизированная идентичность рассматривается как отождествление себя с группой, вовлеченной в коллективную борьбу с несправедливостью и неравными властными отношениями (Klandermans, 2014). Кроме того, политизированная идентичность предполагает наличие более многочисленной группы, которая включает в себя как политизированных, так и неполитизированных членов (Dunlap, 2000). Коллективная идентичность (Пантин, 2017: 271) может принимать разные формы выражения – от экопротестных движений и экоактивизма до различных природоохранных инициатив. На процесс политизации экологической идентичности могут воздействовать как внешние факторы, которые влияют на форму, развитие организации (например, экологические катастрофы, алармистские доклады, политические меры и др.), так и внутренние (настроения в самой организа-

ции, как скандалы или успехи отдельных членов или группы в целом и т. п). Формирование коллективной экологической идентичности трансформируется благодаря появлению сетевого взаимодействия, которое способствует продвижению и распространению экологических ценностей. Показательным является деятельность молодежного международного движения «Пятницы для будущего», возникшее в 2018 г. со школьных забастовок, борющееся против политического бездействия государств в вопросе изменения климата (Короткова, 2020). Их сетевая структура позволяет им расширяться без каких-либо ограничений, привлекая новых единомышленников, которые взаимодействуют самыми разными способами.

Важно определить круг участников и акторов, их активность, включение в повестку дня и т. д. Каждый из них использует разные подходы и методы, которые зависят от их доступа к политическим инструментам и ресурсам. При этом круг акторов, участвующих в конструировании экологической идентичности, шире, чем традиционный круг вовлеченных в процессе формирования экологической политики субъектов. Посредством создания политических сетей они усиливают эффективность продвижения экологических принципов и проэкологического поведения. Анализируя вовлеченность акторов в политический процесс, можно проследить разные направления коммуникаций как «сверху вниз» (от государства и его институтов, органов власти и управления разных уровней), так и «снизу вверх» (от населения, ученых и экспертов), которые формируют государственную и региональную политику, как правительства государств, муниципалитетов, международные организации и др. Способ этих коммуникаций зависит от конкретного вопроса и от политической ситуации в стране.

При разработке стратегий формирования экологической идентичности в стране, местности, регионе следует принимать во внимание национальные и локальные культурные различия во взаимодействии с окружающей средой, характер политической культуры, ценностные ориентиры населения, но также остроту экологических проблем и их восприятия, уровень экономического развития и ресурсной обеспеченности экономики. Изучение феномена экологической идентичности, а также способов его конструирования представляется важным для реализации экологической и климатической политики.

Экологическая идентичность и политическое управление

Исследования политического процесса преимущественно основываются на изучении поведения его субъектов и акторов, механизмов продвижения интересов и деятельности политических институтов. Классические теории и подходы к изучению публичной политики, такие как теория рационального выбора, включают в политический анализ стимулы, мотивацию субъекта, его систему убеждений, которые оказывают влияние на процесс принятия решений. Идентификация с группой людей, придерживающихся схожих ценностей представлений о мире, политических взглядов, оказывает существенное влияние на установки и поведение человека в отношении окружающей среды, подталкивая членов группы к действиям в большей или меньшей степени в отношении окружающей среды (Fielding, Hornsey, 2016).

Выделяются четыре типа экологически ориентированного поведения: «непосредственный экологический активизм, неактивистское поведение в публичной сфере (поддержка существующей государственной экологической политики), частный экологизм (покупка, использование и утилизация предметов, влияющих на окружающую среду) и другие способы влияния и участия» (Stern, 2000; Donno et al, 2010).

В ответ на экологический и климатический кризисы можно наблюдать активизацию общественных климатических и экологических движений. Данные социологических опросов указывают на экспоненциальный рост экологической осведомленности (*environmental awareness*), которая влияет на электоральный выбор в пользу «зеленых» партий или тех, у кого вопросы экологии и климата включены в предвыборную программу. Экологическая политика (*policy*) была определена как ключевая основа постматериалистической политики (*politics*) (Inglehart, 1995). Укоренение постматериальных ценностей сформировало более образованный, интеллигентный, не склонный к подчинению и критически настроенный электорат, который не склонен голосовать за традиционные партии просто в силу привычки или из уважения к политической власти и, как следствие, находит альтернативные пути политической идентификации (Нау, 2007). Поэтому традиционные партии активно включают в свои предвыборные программы зеленую составляющую. Если посмотреть на предвыборную гонку в Германии в 2021 г., то можно увидеть огромное количество вопросов, связанных с экологией и клима-

том, в программах большинства партий. Также успехи зеленых партий на выборах связывают с их предполагаем экспертностью в вопросах отношения к окружающей среде.

Климатические вопросы в предвыборных программах (2021 г.) партий Германии

Партия	Климатические цели
ХДС/ХСС	а) достижение климатической нейтральности к 2045 г.; б) значительное расширение возобновляемых источников энергии; в) замена в промышленности водородом угля; д) поэтапный отказ от производства электроэнергии на угле к 2038 г.
СДПГ (Социал-демократическая партия Германии)	а) переход на возобновляемые источники энергии к 2040 г.; б) установка солнечных панелей в подходящих местах; в) превращение Германии к 2030 г. в «ведущий рынок» водорода; д) продвижение железнодорожных перевозок; е) продвижение электромобилей и инфраструктуры для них; ж) ограничение скорости на немецких автомагистралях. до 130 км/ч з) отказ от угля к 2038 г.
Союз 90/Зеленые	а) сокращение выбросов на 70% к 2030 г.; б) постепенный отказ от угля к 2030 г.; в) улучшение железнодорожного сообщения к 2030 г. (инвестиции в железные дороги должны достичь 100 млрд евро к 2035 г.); г) расширение использование возобновляемых источников энергии (приоритет ветряная и солнечная энергии), 100% переход на возобновляемые источники энергии к 2035 г.
СвДП (Свободная демократическая партия Германии)	а) свободный рыночный инструмент торговли квотами (распространение этой системы на все сектора).
«Левая»	а) достижение климатической нейтральности к 2035 г.; б) сокращение на 80% выбросов к 2030 г.; в) национализация крупных энергетических компаний.
АдГ (Альтернатива для Германии)	а) отторжение повестки защиты климата, ориентация на адаптацию к климатическим изменениям; б) сохранение электроэнергии, работающей на угле; в) выход из Парижского соглашения и от принятого плана правительством Германии по декарбонизации; г) против отказа от двигателей внутреннего сгорания в долгосрочной перспективе.

Источник: составлено автором на основе предвыборных программ партий Германии^{1,2,3,4,5,6}.

С одной стороны, все больше европейских политиков высказываются за усиление охраны окружающей среды, даже если это будет происходить в ущерб экономическому росту. С другой, молодые люди берут на себя ведущую роль в политике, включаясь в политический процесс (Marrism, 2019). Молодое поколение в большинстве случаев располагает более широким арсеналом доступных средств политического участия (бойкоты, онлайн-петиции, забастовки, «культура отмены», онлайн-участие и др.). Здесь прослеживается прямая связь с поколенческой идентичностью. Исследования,

¹ Grünes Wahlprogramm zur Bundestagswahl (2021) [Online]. Available at: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf.

² Afd. Unser Programm zur Bundestagswahl (2021) [Online]. Available at: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_Afd_Programm_2021.pdf.

³ Die Linke. Die Linke Wahlprogramm zur Bundestagswahl (2021) [Online]. Available at: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2021/Wahlprogramm/DIE_LINKE_Wahlprogramm_zur_Bundestagswahl_2021.pdf.

⁴ Freie Demokraten FDP. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2021 [Online]. Available at: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf.

⁵ SPD. Das Zukunftsprogramm (2021) [Online]. Available at: <https://www.spd.de/programm/zukunftsprogramm/>.

⁶ CDU/CSU. Das Programm für Stabilität und Erneuerung. [Online]. Available at: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf>.

проведенные Pew Research Center, показали, что молодые поколения по сравнению со старшими, как правило, больше заботятся об окружающей среде (Pew Research Center, 2021). Беспокойство современной молодежи по поводу изменения климата отражает общий набор ценностей, таких, как социальная справедливость, чувство глобальной ответственности и важность сохранения природной среды (Ross et al, 2019). Экологический активизм для многих молодых людей – это шаги, направленные на то, чтобы передать свою экологическую культуру через личный пример, который может вдохновить и мотивировать других изменить свои приоритеты (Heather et al, 2009).

Активисты и экологические организации сыграли значительную роль в продвижении социальных и политических изменений для решения климатического кризиса и других экологических проблем. Массовое распространение протестов в защиту окружающей среды в сочетании с интегрированием актуальных вызовов в социально-политическую повестку дня делает релевантным научное осмысление природы эоактивизма, мотивации протестующих и их ценностные ориентиры. Новый зеленый курс ЕС показал, что «общественность» была услышана и политические элиты готовы идти на конкретные меры по разрешению кризисной ситуации.

В ряде стран экологическая политика направлена на повышение уровня экологической осведомленности, однако для разрешения кризиса ее одной недостаточно. Экологическая осведомленность является первой ступенью на пути к формированию экологической идентичности. Доступ к знаниям сам по себе не укрепляет нашу связь с природной средой, а знание экологических проблем не обязательно приводит к мерам по их решению, отсутствует прямая связь между знаниями и действиями (Booth, 2021). Так, в странах ЕС люди осознают всю серьезность разразившегося экологического кризиса (Eurobarometer, 2021), однако ограничения, которые они готовы внести в свой образ жизни для борьбы с экологическим кризисом, не столь значительны.

Остро стоит вопрос об изменении потребительских практик и потребительского сознания (Dunlap, 2000). Продвигаемые меры, такие, как вегетарианство, использование общественного транспорта или каршеринга, не стали пока массовыми. Однако такие практики становятся все более доступными массовому потребителю и предлагаются как альтернатива устоявшимся моделям потребления. У людей появляется возможность делать осознанный выбор, в том числе задуматься о «цене вопроса», взвесить издержки и приобретения в личном и общественном масштабах (что не всегда просто сделать, учитывая как «зеленую» пропаганду, так и разнонаправленные лоббистские усилия производителей). Новая политика может изменить статус-кво, напрямую повлиять на экономическое положение индивида или группы людей. По факту «зеленый» курс подразумевает экологизацию всех сфер жизнедеятельности человека и изменение его поведения и жизненных ориентиров. Политизация и радикализация экологической повестки не только способствуют объединению общества ради борьбы с общей проблемой, но и ведет его к расколам. Размежевания образуются ввиду множества факторов, как территориальных, гендерных, возрастных, ценностных, так и идентитарных. Это связано в первую очередь с различием в приоритетах населения. Социальные и экономические проблемы все еще превалируют над экологическими, в особенности в современных условиях.

Экологическая идентичность влияет на разрешение проблем от локального уровня до глобального. Интересным примером является опыт продвижения концепции «Ноль отходов» в маленьком городе Капаннори в Италии, где благодаря настойчивости местных жителей удалось избежать строительства мусоросжигающего завода, который мог нарушить экосистему региона, способствовать загрязнению воздуха, ухудшению здоровья местных жителей. Ввиду этого была представлена новая альтернатива – концепция «Ноль отходов» (Zero Waste), практика которой была успешно внедрена на муниципальном уровне, и в дальнейшем другие итальянские, и не только, города начали перенимать ее. Внедрение концепции «ноль отходов» дало импульс для продвижения других экологических практик и формирования у жителей экологической идентичности. Укореняясь в сознании населения, проэкологическое поведение становится культурной нормой. Во многих странах отдельный сбор отходов, использование общественного транспорта, выбор в пользу продуктов с меньшим экологическим следом, уже является делом привычки. Однако на фоне этого возникает «экобуллинг»⁷ и культура отмены, которая стала новым «общественным регулятором» (регулятором общественного мнения). В последнее время несоблюдение экологических практик или отрицание изменения климата становится фактором социального ostracism. Лидеры мнений или бренды оказываются под угрозой быть «отмененными» за использование неэтичных принципов, методов в своей работе или ресурсов.

⁷ Экобуллинг – осуждение, травля и критика за неэкологичный выбор или неэкологичное поведение.

Окружающая среда является частью «широкого социального и информационного контекста», который способен воздействовать на формирование проэкологического поведения. При этом у экспертов есть опасения, что распространение идей радикального экологизма может привести к новым эгоцентристским формам управления. Некоторые авторы считают, что единственным вариантом выхода из экологического кризиса станет экодиктатура или экологический авторитаризм (Beeson, 2010; Aydurmus, 2016). Формирование экологического сознания и идентичности может способствовать разрешению дилеммы в пользу обращения к более сбалансированным политико-управленческим подходам.

Таким образом, на современном этапе экологическая идентичность проявляется в политическом процессе в протестной деятельности, продвижении экоинициатив через локальный уровень на государственный, поддержке партий и движений, имеющих «зеленые» ориентиры развития. Множество работ свидетельствует о том, что отчуждение людей от окружающей среды может еще больше усугубить глобальный экологический кризис, способствуя распространению неустойчивых моделей поведения (Riechers et al., 2020). Открываются возможности для борьбы с экологическими и климатическими кризисами. Посредством укоренения в сознании граждан проэкологического выбора снижается риск экологических катастроф, связанных с климатом, и формируется новая модель поведения, основанная на ответственности за свои решения, действия и выбор.

Экологическая идентичность в дискурсах развития

С пониманием масштабов экологического ущерба, причиненного окружающей среде, человечество начало искать альтернативные пути развития. Новые концепции возникли на горизонте научных дискурсов, фокусируясь на разных проблемных аспектах существующего бытия. Еще в начале прошлого века В. И. Вернадский предложил свое видение общественного развития, которое основывалось на гармонии сосуществования человека и природы и на разумном использовании ресурсов (Грачев, 2015). В дальнейшем похожие идеи были закреплены в концепции устойчивого развития, которая стала всемирным императивом в реформировании и преобразовании современных подходов ведения экономической и политической деятельности. Отношения между людьми и природой являются центральными для экоидентичности, и природа должна быть жизненно важной для парадигмы устойчивого развития, а не просто контекстом для исследований (Alastair, 2006).

Однако ориентиры устойчивого развития в этических рамках, основанных на инклюзивности, разнообразии и интеграции, размываются под давлением преобладающей экономической логики, где центральное место занимает этика финансов (Ratiu, Anderson, 2014). Одной из проблем концепции устойчивого развития являются отсутствие баланса и перевес в пользу экологических мер, а также его глобалистская направленность. Особенности культур и традиций плохо вписываются в эту концепцию. Несмотря на все преимущества, она остается утопичной и нереализуемой в современных реалиях. Принимаемые меры рассматриваются либо как запаздывающие и уже не релевантные, либо как недостаточные.

В кругах отечественной науки была представлена концепция «ответственного развития», которая основывается на «нравственной мотивации при выборе приоритетов и ориентации на развитие личностного потенциала человека, на нематериальные (интеллектуальные) ресурсы в производстве и потреблении, на политико-институциональное обеспечение вовлеченности граждан в реализацию важных для сообщества решений на основе гражданской идентичности» (Семененко, 2019: 7). Экологическая идентичность связана с идеями ответственности как на уровне индивида, так и на коллективном уровне. Будущее развитие не представляется оторванным от идей защиты и сохранения природы и природного капитала ввиду надвигающегося экологического кризиса. В настоящее время при реализации модели ответственного развития очевидной трудностью является переход от формулирования этических принципов к их реализации, продвижению на политико-управленческий уровень (Maila, Pitsoe, 2012).

Право на справедливые экономические условия и развитие отражается в инклюзивной, устойчивой экономике и инновационной среде. Существующей в настоящее время диспропорции в эксплуатации природных ресурсов ради краткосрочной выгоды в ущерб будущим поколениям противостоит ответственность за управление водными, океаническими и наземными экосистемами, биоразнообразием и ресурсами. Процессы глобализации создали возможность обхода национальных законов и налогообложения, в то время как международные механизмы работают с трудом. Это оставляет реализацию этических принципов и ценностей развития за человеком (Maila, Pitsoe, 2012). Индивидуальные ценностно мотивированные изменения неизбежно будут предшествовать структурным

сдвигам и стимулировать их трансформацию. Ценности передаются в семье от родителей, друзей и близких, сознательно или бессознательно, на личном примере или через нарративы и закрепляются в рамках системы образования.

В эпоху серьезных и потенциально катастрофических глобальных изменений окружающей среды стимулирование проэкологического поведения является одной из важных задач для разрешения кризиса. Экологическая идентичность проявляется тогда, когда люди осознают последствия своих решений для состояния окружающей среды и принимают на себя ответственность за свой вклад в достижение общих благ. Как бы человек ни отдалялся от природы, от нее зависит его здоровье, благосостояние и сам вопрос дальнейшего существования. Для реализации поставленных целей важно выстраивать систему взаимной ответственности и личного нравственного выбора как культурной нормы.

В современном мире происходит переосмысление ценностных ориентиров и траекторий развития. Экологическая составляющая уже стала ключевым системообразующим направлением политики развития. Экологическая идентичность оказывается одной из основных элементов такой политики, саморегулятором поведения индивида, базирующимся на его ответственности перед другими людьми и перед природой. Однако в условиях алармизации проблемы и безудержного форсирования ее решения, как это происходит сегодня в «развитом мире», изменение поведения и образа жизни в кратчайшие сроки представляется идеалистичным.

Список литературы / References

- Ашхамаф, А. Р. (2010) 'Экологическое сознание: к проблеме определения понятия', *Вестник Адыгейского государственного университета, Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, (3), сс. 15–18. [Ashkhamaf, A. R. (2010) 'Ecological consciousness: to the problem of defining the concept' [Ekologicheskoe soznanie: k probleme opredeleniya ponyatiya], *Bulletin of Adygeya State University, Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, (3) pp. 15–18. (In Russ.)].
- Грачев, В. А. (2015) 'Учение В. И. Вернадского о ноосфере как основа устойчивого развития'. *Юг России: экология, развитие*, 10(3), сс. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2015-3-16-23>. [Grachev, V. A. (2015) 'Vernadsky's V.I. theory of noosphere as the basis for sustainable development' [Uchenie V. I. Vernadskogo o noosfere kak osnova ustojchivogo razvitiya], *South of Russia: ecology, development*, 10(3) pp. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2015-3-16-23> (In Russ.)].
- Дерябо, С. Д., Ясвин, В. А. (1996) *Экологическая педагогика и психология*. Ростов-на-Дону: «Феникс» [Deryabo, S. D., Yasvin, V. A. (1996) *Environmental Pedagogy and Psychology* [Ekologicheskaya pedagogika i psihologiya], Rostov-on-Don: Phoenix (In Russ.)].
- Пантин, В. И. (2017) 'Коллективные и групповые идентичности' в: Семенов, И. С. (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание, Москва: «Весь Мир», сс. 271–274. [Pantin, V. I. (2017) 'Collective and Group Identities' [Kollektivnye i grupovye identichnosti] in: Semenenko, I. S. (eds) *Identity: Personality, Society, Politics*. Encyclopedic Edition [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie]. Moscow: «Ves' Mir», pp. 271–274. (In Russ.)].
- Короткова, А. В. (2020) 'Экодвижение «Пятницы ради будущего»: первые итоги', *Мировая экономика и Международные отношения*, 64(4), сс. 119–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-119-131. [Korotkova, A. V. (2020) Eco-Movement «Fridays for Future»: The First Results [Ekodvizhenie «Pyatnicy radi budushchego»: pervye itogi], *World Economy and International Relations*, 64(4), pp. 119–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-119-131 (In Russ.)].
- Конашев, М. Б. (2019) 'Эволюционная теория, экологический кризис и экономика', *Россия: тенденции и перспективы развития*, 14(1), сс. 113–118. [Konashev, M. B. (2019) 'Evolutionary Theory, the Ecological Crisis, and Economics' [Evolucionnaya teoriya, ekologicheskij krizis i ekonomika], *Russia: Trends and Development Prospects*, 14(1), pp. 113–118. (In Russ.)].

- Кудрявцева, В. И., Мельник, Н. Б., Циплакова, Ю. В., Язовская, О. В. (2017) 'Антропоцентризм vs биоэкоцентризм: анализ экологического сознания молодежи', *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, vol. 170, 19(4), сс. 46–56. [Kudriavtseva, V. I., Melnik, N. B., Tsiplakova, U. V., Yazovskaya, O. V. (2017) 'Anthropocentrism vs bioecocentrism: an analysis of young people's ecological consciousness' [Antropocentrizm vs bioekocentrizm: analiz ekologicheskogo soznaniya molodezhi], *Izvestia Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, vol. 170, 19(4), pp. 46–56. (In Russ.)].
- Олейников, Ю. В., Борзова, Т. В. (2007) 'Сущность и содержание глобального антропогенного экологического кризиса', *Юг России: экология, развитие*, (4), сс. 16–24. [Olejnikov, U. V., & Borzova, T. V. (2007) 'The essence and content of the global anthropogenic ecological crisis' [Sushchnost' i sodержanie global'nogo antropogennoego ekologicheskogo krizisa], *The South of Russia: ecology, development*, (4), pp. 16–24. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2019) 'Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению', *Полис. Политические исследования*, (3), сс. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02. [Semenenko, I. S. (2019) 'Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance' [Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu], *Polis. Political Studies*, (3), pp. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02> (In Russ.)].
- Терешина, М. В., Башмаков, И. С. (2017) 'Экологическая идентичность местных сообществ как ресурс развития «Зеленой» экономики', *Человек, Сообщество. Управление*, 18(1), сс. 6–16. [Tereshina, M. V., Bashmakov, I. S. (2017) 'Ecological identity of local communities as a resource of "Green" economy development' [Ekologicheskaya identichnost' mestnyh soobshchestv kak resurs razvitiya «Zelenoj» ekonomiki], *Human. Community. Governance*, 18(1), pp. 6–16. (In Russ.)].
- Хайнацкая, Т. И. (2021) 'Формирование экологической идентичности в Германии и Италии: акторы и практики', *Современная Европа*, (6), сс. 201–210. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021201210> [Khaynatskaya, T. I. (2021) 'The shaping of environmental identity in Germany and Italy: actors and practices' [Formirovanie ekologicheskoy identichnosti v Germanii i Italii: aktory i praktiki], *Modern Europe*, (6), сс. 201–210. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021201210> (In Russ.)].
- Яницкий, О. Н. (2007) *Экологическая культура*. Москва: Наука. [Yanickij, O. N. (2007) *Environmental Culture* [Ekologicheskaya kul'tura]. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Alastair, B. (2006) 'The Americanisation of Anti-Racism? Global Power and Hegemony in Ethnic Equity', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 32(7), pp. 1083–1103. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830600821778>.
- Ayudrums, D. (2016) 'Survival Despite the People: Democratic Destruction or Sustainable Meritocracy', *CreateSpace Independent Publishing Platform* [online]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330578951_Survival_Despite_the_People_Democratic_Destruction_or_Sustainable_Meritocracy (Accessed: 10 February 2022).
- Beeson, M. (2010) 'The coming of environmental authoritarianism', *Environmental Politics*, 19(2), pp. 276–294. DOI: 10.1080/09644010903576918.
- Bentley, J. H. (2013) 'Environmental Crises in World History', *Procedia Social and Behavior Science*, 77, pp. 108–115. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.03.067.
- Booth, D. E. (2021) 'Post-materialism's Social Class Divide: Experiences and Life Satisfaction', *Journal of Human Values*, 27(2), pp. 141–160. DOI: 10.1177/0971685820946180.
- Devall, B. (1982) 'Ecological consciousness and ecological resisting: Guidelines for comprehension and research', *Humboldt Journal of Social Relations*, 9(2), pp. 177–196.
- Dono, J., Webb, J., Richardson, B. (2010) 'The relationship between environmental activism, pro-environmental behaviour and social identity', *Journal of Environmental Psychology*, 30(2), pp. 178–186. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.11.006>.
- Dunlap, R. E., Van Liere, K. D., Mertig, A. G., Emmet Jones, R. (2000) 'Measuring endorsement of the new ecological para-

- digm: A revised NEP scale, *Journal of Social Issues*, 56(3), pp. 425–442. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00176>.
- The Energy & Climate Intelligence Unit (2021) Taking stock: A global assessment of net zero targets [online]. Available at: https://ca1-eci.edcdn.com/reports/ECIU-Oxford_Taking_Stock.pdf?mtime=20210323005817&focal=none (Accessed: 27 April 2022) Eurobarometer: Climate Change. (2021) European Union [online]. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2273> (Accessed: 2 March 2022).
- Fielding, K. S., Hornsey, M. J. (2016) ‘A Social Identity Analysis of Climate Change and Environmental Attitudes and Behaviors: Insights and Opportunities’, *Frontiers in Psychology*, 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00121.
- Grey, W. (1993) ‘Anthropocentrism and Deep Ecology’, *Australasian Journal of Philosophy*, 71(4), pp. 463–475. DOI: 10.1080/00048409312345442.
- Arnold, H. E., Cohen, F. G., Warner, A. (2009) ‘Youth and Environmental Action: Perspectives of Young Environmental Leaders on Their Formative Influences’, *The Journal of Environmental Education*, 40(3), pp. 27–36. DOI: 10.3200/JOEE.40.3.27-36.
- Hay, C. (2007) *Why we Hate Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Inglehart, R. (1995) ‘Public Support for Environmental Protection: Objective Problems and Subjective Values in 43 Societies’ *PS: Political Science and Politics*, 28 (1), pp. 57–72. DOI:10.2307/420583.
- Clayton, S., Opatow, S. (eds.) (2003) *Identity and the Natural Environment*. Cambridge: MIT Press.
- Clayton, S., Irkhin, B., Nartova-Bochaver, S. (2019) ‘Environmental Identity in Russia: Validation and Relationship to the Concern for People and Plants’. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(1), pp. 85–107. DOI: 16.10.17323/1813-8918-2019-1-85-107.
- Iizuka, M. (2000) *Role of Environmental Awareness in Achieving Sustainable Development*. DOI: 10.13140/RG.2.1.3156.6484.
- Klandermans, P. G. (2014) ‘Identity politics and politicized identities: Identity processes and the dynamics of protest’, *Political Psychology*, 35(1), pp. 1–22.
- Kulin, J., Sevä, I. (2021) ‘Quality of government and the relationship between environmental concern and pro-environmental behavior: a cross-national study’, *Environmental Politics*, 30(5), pp. 727–752. DOI: 10.1080/09644016.2020.1809160.
- Mailam, M. W., Pitsoe, V. J. (2012) ‘Globalization, Sustainability and Ethics: What are the Critical Links for Present and Future Generations?’, *Journal of Human Ecology*, 40(1), pp. 43–51. DOI: 10.1080/09709274.2012.11906522.
- Marris, E. (2019) ‘Why young climate activists have captured the world’s attention’, *Nature* [online]. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02696-0> (Accessed: 15 March 2022).
- Marshall, B. K. (1999) ‘Globalisation, Environmental Degradation and Ulrich Beck’s Risk Society’, *Environmental Values*, 8(2), pp. 253–275.
- Matsuba, M. K., Pratt, M. W., Norris, J. E., Mohle, E., Alisat, S., McAdams, D. P. (2012) ‘Environmentalism as a context for expressing identity and generativity: patterns among activists and uninvolved youth and midlife adults’, *Journal of personality*, 80(4), pp.1091–1115. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2012.00765.x.
- Mikuła, A., Raczowska, M., Utzig, M. (2021) ‘Pro-Environmental Behaviour in the European Union Countries’, *Energies*, 14, p. 5689. DOI: 10.3390/en14185689.
- McShane, K. (2016) ‘Anthropocentrism in Climate Ethics and Policy’. *Midwest Studies In Philosophy*, 40(1), pp. 189–204. DOI:10.1111/misp.12055.
- Pew Research Center (2021) ‘Gen Z, Millennials Stand Out for Climate Change Activism, Social Media Engagement with Issue’, *Pew Research Center* [online]. Available at: <https://www.pewresearch.org/science/2021/05/26/gen-z-millennials-stand-out-for-climate-change-activism-social-media-engagement-with-issue/> (Accessed: 20 March 2022).
- Ratiu, C. Anderson, B. (2014) ‘The identity crisis of sustainable development’, *World Journal of Science*, 11. DOI: 10.1108/WJSTSD-08-2013-0033.
- Riechers, M., Á., Balázs, Abson, D. J., Fischer, J. (2020) ‘The influence of landscape change on multiple dimensions of human–nature connectedness’, *Ecology and Society* 25(3), 3. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-11651-250303>.
- Ross, A. D., Rouse, S. M. and Mobley, W. (2019) ‘Polarization of Climate Change

- Beliefs: The Role of the Millennial Generation Identity', *Social Science Quarterly*, 100 pp. 2625–2640. DOI:10.1111/ssqu.12640.
- Sengupta, S. (2020) 'How Europe Turned into a Perfect Landscape for Wildfires', *The New York Times* [online]. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/02/05/climate/forests-europe-climate-changed.html> (Accessed: 15 March 2022).
- Stern, P. C. (2000) 'Theory of environmentally significant behavior', *Journal of Social Issues*, 56(3), pp. 407–424. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.
- Thomashow, M. (1995) *Ecological identity: Becoming a reflective environmentalist*. Cambridge: MIT Press.
- UNEP (2019) 'Global Environment Outlook 6', *UNEP* [online]. Available at: https://www.unep.org/resources/global-environment-outlook-6?_ga=2.75305813.633314003.1647342880-1682040374.1645095995 (Accessed: 27 April 2022).
- UNEP (2019) 'Environmental Rule of Law: First Global Report', *UNEP* [online]. Available at: <https://www.unep.org/resources/assessment/environmental-rule-law-first-global-report> (Accessed: 27 April 2022).
- Vandenbergh, M. P., Cohen, M. A. (2010) 'Climate Change Governance: Boundaries and Leakage', *18 New York University Environmental Law Journal*, p. 221.
- Wiedmann, T., Lenzen, M., Keyßer, L. T. et al. (2020) 'Scientists' warning on affluence. *Nat Commun*', 11, p. 3107. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-020-16941-y>.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 03.05.2022

Статья принята к печати: 10.05.2022

ENVIRONMENTAL IDENTITY AS A TOOL FOR CRISIS MANAGEMENT

T. I. Khaynatskaya

T. I. Khaynatskaya, Junior Research Fellow,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science.

E-mail: tkhaynatskaya@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6364-4765).

Abstract

Climate change, consumerism, and the decline of biodiversity may indicate a disruption of the fragile balance of nature and the onset of a systemic ecological crisis. Environmental degradation is forcing the search for new patterns in the relations between humans and the natural environment. Based on the analysis of scientific discourses on the societal dimension of crisis and development concepts, the article examines the role of environmental identity in anti-crisis management. A large number of studies are devoted to the analysis of its nature, methods of formation and measurement, but the potential of the category itself as a way to solve practical problems remains understudied. The importance of examining environmental identity in political science is determined by its explanatory potential of the political process around environmental issues. The article shows that the formation of individual environmental identity and the consistent transition from cognitive to active component contributes to the emergence of group environmental identity, which may subsequently acquire a politicized form. While collective politicized identity has a direct influence on the decision-making process, environmental identity acts as a self-regulator of individual behavior. Whereas pro-environmental behavior reduces environmental burdens, which can further contribute to resolving the crisis and/or mitigating its consequences.

Keywords: environmental identity; environmental policy; crisis management; environmental discourses; politicized environmental identity.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-27-38

**«КОНСЕРВАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ»
КАК ВАРИАНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

Фадеева Л. А., Думлер Д. А.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3382-750 X. Researcher ID: K-3482-2016).

Думлер Денис Андреевич, преподаватель-исследователь в области политических наук.
E-mail: dumlerden@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-1995-1028).

Аннотация

Дана характеристика консервативного дискурса в современной России, сфокусированного на поиске адекватной для страны консервативной модели, который осуществлялся с 2014 до 2022 г. на виртуальной площадке Русская idea. Используется обширный материал, размещенный на этом сайте, при этом особое внимание уделено анализу позиции руководителя проекта Бориса Межуева, одного из наиболее известных вдохновителей «консервативного поворота». Опираясь на идеи Вадима Цымбурского, Межуев выстраивает самостоятельную линию консервативного дискурса, с учетом современной ситуации. Авторы считают важным достижением проекта то, что в него удалось вовлечь множество представителей разных профессий и, что особенно значимо, разных идейно-политических взглядов. Причину этого мы видим в акценте на национальной идентичности, заявленной в названии проекта и ресурса. В то же время широкое дискуссионное поле позволило Борису Межуеву формировать свой концепт «консервативной демократии» с учетом разных позиций. Существенный момент в формировании концепта представляет желание его автора совместить теорию и практику, включающую консервативный крен партии «Единая Россия», и делать это не на сервильных основаниях, а на том, в чем он видит основные ценности консерватизма как политической идеологии. Изменение политической ситуации 24 февраля 2022 г. обусловило решение Межуева закрыть проект. Если уроки Вадима Цымбурского были, по словам Межуева, не усвоены, то концепт консервативной демократии находился в стадии разработки. Мы считаем, что этот опыт полезен для политической науки, тем более, что судьбы виртуальных площадок могут быть краткими, поэтому необходимо осуществлять их научный скрин-шот.

Ключевые слова: консерватизм; Русская idea; идеология; консервативный поворот; Межуев; Цымбурский; консервативная демократия.

Запрос на консерватизм в современной России

Консерватизм как идеология, система ценностных ориентаций, политический курс обладает и своеобразием, и разнообразием, обусловленными как историческим контекстом, так и национальной спецификой (Rampton, 2016). В XXI в. и в России это разнообразие отчетливо проявилось, поэтому сводить консерватизм лишь к какому-то одному варианту, например, более растиражированному, было бы значительным упрощением (Grenier, 2015).

«Консервативный поворот» и «консервативный тренд» – понятия, относимые разными учеными, публицистами, политиками к периоду третьего президентства В. В. Путина, отражают сдвиги как в политическом курсе, так и в массовом политическом сознании. А. Ю. Мельвиль считает, что есть несколько ключевых векторов, которые работают на закрепление консерватизма. Запрос власти и элит подкрепляется стремлением к сохранению статус-кво бюрократического класса, усиливается

эффективной массовой пропагандой и сочетается с запросом на консерватизм в массовом сознании¹. Предположение, что «в массовом сознании произошла реанимация архетипического массового сознания, проявляющаяся в ценностях укрепления державы, антизападничества, русского мира» высказали социологи на основании долговременных исследований (Byzov, 2017).

Авторы коллективной монографии «Консервативный поворот в России и Восточной Европе» под редакцией К. Блум и М. Варги включили в понимание консервативного поворота интерпретации национальной идентичности и соответствующих ценностей, посредством которых дается объяснение, почему современные либеральные ценности с их акцентом на права меньшинств, не соответствуют национальным моделям (Bluhm K., Varga, 2019). Так, применительно к России вместо прав человека предлагается такая ценность, как «правда», а вместо демократии – «реальная власть народа» (Bluhm, K., Varga, 2019: 43). Исследователи уделяют существенное внимание «интеллектуальной оснастке», идейным вдохновителям консервативного поворота, которые в России, на их взгляд, «вышли» из Изборского клуба и создали свои центры и проекты анализа консерватизма, предлагая разные его модели применительно к современной ситуации в России.

Задача данной статьи – конкретизировать консервативный дискурс, представленный на портале Русская idea, который стал своего рода экспериментальной лабораторией по выработке консервативной идеологии и поиске ее соединения с политической практикой.

Реабилитация консерватизма в российском дискурсе

В характеристике консерватизма российская традиция долгое время была представлена достаточно слабо. Нередко можно было встретить суждение, что в России консерватизма не было и нет. И в советское время, и в годы перестройки «консерватор» был своего рода идеологическим ярлыком, который использовался по отношению к политическому оппоненту. Рассуждая о политическом консерватизме в России, Б. В. Межуев решительно пишет: «Я живу на свете уже 40 с лишним лет, и я не помню на самом деле такого момента в своей жизни, когда слово «консерватизм» не было в высшей степени респектабельным, когда представители самых передовых кругов в нашей стране гордо не величали себя «консерваторами», возводя свою идейную родословную либо к Достоевскому с Вл. Соловьевым, либо к Берку с Хайеком»². Можно согласиться в том, что поскольку во второй половине 1980-х гг. в стране произошел поворот к консерватизму в науке и общественном мнении, то в 1990-е гг. слыть консерватором стало если не респектабельно, то, по крайней мере, не зазорно.

Однако, ставить знак равенства между охлаждением «революционаризма» и модой на консерватизм в СССР, начиная с 1960-х гг. – явное преувеличение, сделанное, очевидно, в полемическом задоре. Слово «консерватор» в советское время было синонимом ретрограда применительно к своей стране и реакционера – в отношении Запада. И в эпоху перестройки консерваторами называли тех, кто противился духу перестройки и препятствовал реформам Горбачева. На этом основании в идейно-ценностном плане к консерваторам были причислены люди разных политических взглядов: писатели В. Г. Распутин, В. И. Белов, А. А. Проханов, В. В. Кожинов, А. И. Солженицын; математик И. Р. Шафаревич; философы А. А. Зиновьев и А. С. Панарин; геополитик А. Г. Дугин, публицист С. Г. Кара-Мурза, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.

Факторы вненаучного характера оказывали влияние и на научный дискурс, элементы которого проявляются до сегодняшнего времени, когда некоторые авторы по советской традиции склонны добавить определение «реакционный» к тем или иным представителям российского консерватизма. А в СМИ и сейчас разговор о консерватизме предваряется таким введением: «Какие ассоциации обычно возникают при словах «консерватизм», «консерватор»? Закостенелость, рутинность и даже косность. Не зря отношение к консерватизму долгое время было не так чтобы очень одобрительным. Ведь именно его считали виновником, тормозящим прогресс и развитие, и не случайно антиподом консервативных взглядов считались передовые»³. Социологические данные фиксировали почти равное деление рес-

¹ Мельвиль, А. Ю. *Как консерватизм в России соотносится с консерватизмом в Европе и США*. URL: <https://russian-council.ru/analytiks-and-comments/comments/kak-konservativnyy-povorot-v-rossii-sootnositnya-s-konservativizmom-v-evrope-i-ssha/> (дата обращения: 20.04.2022).

² Межуев, Б. *Политический консерватизм и русская утопия*. Ч. 1. URL: <https://politconservatism.ru/thinking/politicheskiy-konservativizm-i-russkaya-utopiya-chast-pervaya> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Глезерев, С. *Прошлое как перспектива*. Историк об истоках консерватизма. Санкт-Петербургские ведомости URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/proshloe-kak-perspektiva-istorik-ob-istokakh-konservativizma/> (дата обращения: 12.01.2022).

пондентов на 3 части по негативному, безразличному или позитивному отношению к понятию «консерватор» (Byzov, 2017).

Первые серьезные исследования консерватизма относятся к анализу зарубежного опыта. В отечественной исторической науке исследования консерватизма в западных странах проводились профессионально и зачастую в обход идеологической парадигмы. Так, одной из фундаментальных, несмотря на скромный объем, работ можно считать вышедшую в 1987 г. монографию А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира «Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны» (Галкин, Рахшмир, 1987). Авторы не только дали сжатый и емкий обзор становления консервативной политической мысли, но и предложили важные с методологической точки зрения позиции: наличие идейно-политической общности современного консерватизма при сохранении внутренней неоднородности. Ученые отмечали: «Более того, течения, которые по ряду позиций значительно разнятся друг от друга, существуют даже в рамках правого, традиционалистского консерватизма. Наличие, например, различия между старым консерватизмом и модернизированным неоконсерватизмом. Первый ориентируется главным образом на старое и привычное. Второй пытается реализовать свои цели, учитывая изменившиеся обстоятельства и, по возможности, приспособляясь к ним» (Галкин, Рахшмир, 1987: 17). И Галкин, и Рахшмир ранее занимались проблематикой фашизма, которая представлена и в одной из глав коллективной монографии – «Консерватизм и фашизм». Если научные интересы А. А. Галкина позже развернуло в другие научные сферы (демократии, социал-демократии и т.п.), то для П. Ю. Рахшмира консерватизм стал основной сферой научного интереса.

В 1980–2000-е гг. он исследовал разные национальные и политические варианты консерватизма⁴, доказывая, что, отличаясь реактивным характером, консерватизм тем не менее имеет все основания претендовать на статус политической идеологии. Под руководством Рахшмира подготовили и защитили кандидатские диссертации М. Н. Лукьянов «Проблемы британского консерватизма в современной идейной борьбе» (1986), О. Б. Подвинцев «Типология послевоенного британского консерватизма» (1992), Г. А. Янковская «Культурный консерватизм в США в 1960–80-е гг.» (1995), Г. И. Мусихин «Консерватизм Германии и России: общее и особенное» (1997), М. В. Дегтярева «Консервативная адаптация Ж. де Местра» (1998). Проблематика консерватизма была включена в лекционные курсы по новой и новейшей истории, а у студентов, не знающих имен Лоренца фон Штайна или Меллера ван дер Брука, не было шанса сдать экзамен.

В 1994 г. под руководством П. Ю. Рахшмира в Пермском государственном университете был открыт Центр исследования консерватизма, под эгидой которого в 1997–2003 гг. было проведено семь международных конференций, на которых выступали, помимо российских ученых, консерваторы с разных концов света: Робин и Мэрри Кейв из «Солсбери Ревью» (*The Salisbury Review*), Ричард Пайпс, Пол Вайрих и другие, менее известные представители западного консерватизма. Они приезжали в Пермь, пораженные тем, что в этом уральском городе есть не просто интерес к консерватизму, но и специалисты мирового уровня.

В 2000-е гг. консерватизм действительно входит в политическую моду, соответственно, создаются центры, клубы, виртуальные площадки, разрабатываются учебные курсы и защищаются диссертации. Так, Центр консервативных исследований при социологическом факультете МГУ был создан в 2008 г., дискуссионный Изборский клуб – в 2012. С деятельностью этого клуба, определяющего свое идеологическое направление как социальный консерватизм, аналитики связывают формирование идеологических предпосылок для современного консервативного поворота на том основании, что из Изборского клуба вышли, на их взгляд, ключевые фигуры современного российского консерватизма А. Дугин, А. Проханов, Б. Межуев, М. Ремизов и др. (Bluhm, 2019; Robinson, 2020). В отношении анализа консерватизма как политического течения и как идеологии можно видеть, как факторы вненаучного характера, прежде всего, характер публичного дискурса, влияют на развитие научного дискурса.

Вдохновители «консервативного поворота»

Наибольшее внимание в анализе российских консерваторов уделяется А. Г. Дугину и А. А. Проханову, чьи книги изданы большими тиражами. Дугин предлагает множество идей, таких, как «Российская империя», в которой «этнорелигиозные общины имеют равный статус и которая ру-

⁴ За 1984–2007 П.Ю.Рахшмир опубликовал 10 монографий, таких, как «Типология консерватизма» (1984), «Исторические метаморфозы консерватизма» (1994), «Вариации на тему консерватизма» (2004).

ководствуется беспристрастными принципами имперской гармонии и справедливости» (Дугин, 2000). Дугин пытался ввести в научный оборот и общественный дискурс понятие «органическая демократия», которая «рассматривает народ не как механическую совокупность свободных личностей, но как живой организм, который нельзя расчленить на атомы» (Дугин, 2006).

Однако другим вдохновителям консервативного поворота уделяется значительно меньше внимания, хотя они представляют значительный интерес для понимания российского консерватизма. В 2014 г. практически одновременно были созданы интернет-ресурсы по исследованию политического консерватизма – Альманах «Тетради по консерватизму», поддержанный Институтом социально-экономических и политических исследований и интернет-ресурс «Русская idea». Альманах продолжает свою работу, а «Русская idea» свернул ее 24 февраля 2022 г. Эти ресурсы во многом схожи как по составу публикуемых авторов, так и по обсуждаемым в статьях и на разных мероприятиях сюжетам, но есть и серьезные различия, объясняющие разные судьбы проектов. Альманах сосредоточен на научном анализе российского консерватизма в сравнительной перспективе.

Цель проекта «Русская idea», осмысленная и озвученная Б. В. Межуевым по прошествии времени, заключалась в том, чтобы «сделать русский консерватизм в его новой, «разумной», форме основой идеологии национального возрождения России»⁵. Мы считаем важным провести анализ варианта политического консерватизма в виде концепта «консервативной демократии», представленного Борисом Межуевым, прежде всего, (но не исключительно) в рамках интернет-ресурса «Русская idea», главным редактором которого он был с 2014 по февраль 2022 гг. Проект имеет завершенность, сам ресурс может исчезнуть, как это бывает с виртуальными площадками, а идея представляет интерес в научном и политическом плане.

Б. В. Межуев закончил философский факультет МГУ в 1992 г., а в 1996 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Отечественные истоки философии Владимира Сергеевича Соловьёва (социокультурный контекст 70–90-х гг. XIX в.)». Его научный интерес был сосредоточен на изучении наследия русских философов (Н. Бердяева, В. Соловьёва, И. Ильина), позже распространившись на поле современного политического консерватизма. Влияние отца, известного либерального философа Вадима Михайловича Межуева, проявилось в выборе политико-философского поля, но направление Б. В. Межуев выбрал отличное от отцовского. Сочетание научной работы с редакторской деятельностью (журналы «Политические исследования», «Космополис», «Русский журнал», газета «Известия») и с ведением интернет-порталов («Русский архипелаг», Terra America) сформировали потребность в соединении теории с практикой, т.е. в разработке такого варианта политического консерватизма, который бы оказался пригоден для современной России. Темпоральные рамки определены 8-летним периодом существования проекта. Смысловые были, в значительной мере, заданы следованием идее Цымбурского, (последователем которого себя заявляет Межуев), о становлении "острова России", т.е. геополитического конструкта (измерения) политического консерватизма⁶.

При открытии в 2014 г. Б. Межуев так сформулировал цели и задачи проекта *Русская idea*: «Наш сайт посвящен проблематике «политического консерватизма», относительно новой идеологии для России. И поэтому одна из важных задач проекта – знакомство читателя со всем наследием «политического консерватизма», как он развивался в Европе и России. Мы познакомим читателя с основополагающими текстами консервативной мысли и его выдающимися представителями. А заодно покажем – какой консерватизм может и должен возникнуть в современной России, а также, чем русский консерватизм будет отличаться от его западноевропейских и американских аналогов» (Межуев, 2014а). Задачей проекта Б. Межуев считал выход за пределы не просто философии, но и отвлеченной философии как таковой.

Русская идея как проект

Б. В. Межуев неслучайно поставил на первое место в обозначении проекта Русскую идею, а уже затем политический консерватизм. Такой подход позволил привлечь к участию в проекте людей разной идейно-политической ориентации, которые интересуются проблемой самоопределения России, российской идентичностью, как национально-государственной, так и цивилизационной. Как из-

⁵ От редакции сайта «Русская Idea. URL: <https://politconservatism.ru/special/ot-redaktsii-sajta-russkaya-idea> (дата обращения 25.02.2022).

⁶ Цымбурский Вадим Леонидович (1957-2009), российский философ, один из создателей отечественной теоретической политологии, в 1990-е годы ведущий автор журнала «Полис».

вестно, суждения о Русской идее многообразны и многоплановы. Иван Ильин считал, что «Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего* сердца. Сердца, созерцающего *свободно и предметно* и передающего свое видение воле для действия и *мысли* для осознания и слова» В этом он видел главный источник русской веры и русской культуры, главную силу России и русской самобытности. «Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию, – заявлял он. – А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды»⁷.

Николай Бердяев соединял в Русской идее пространство и время, историю и религию: «То, что Россия так огромна, есть не только удача и благо русского народа в истории, но также и источник трагизма судьбы русского народа. Нужно было принять ответственность за огромность Русской земли и нести ее тяготу. Огромная стихия Русской земли защищала русского человека, но и сам он должен был защищать и устраивать Русскую землю. Получалась болезненная гипертрофия государства, давившего народ и часто истязавшего народ. В сознании русской идеи, русского призвания в мире, произошла подмена. И Москва – Третий Рим, и Москва – Третий Интернационал связаны с русской мессианской идеей, но представляют ее искажение. Нет, кажется, народа в истории, который совмещал бы в своей истории такие противоположности» (Бердяев, 2008: 262).

Современные исследователи рассматривают варианты практического воплощения такой идеи. Так, Л. Ионин, анализируя Русскую идею в контексте современного российского консерватизма, предостерегал, что если такой идеей «интересуются политики и администраторы, это становится свидетельством глубокого духовного нездоровья». По его мнению, это может повлечь за собой очередную утопию, которую политики потребуют безоглядно начать воплощать в жизнь: «Такая, спешно найденная и официально признанная «Русская идея» в лучшем случае послужит идеологической ширмой, средством легитимации старой политики, а в худшем – основанием нового авторитаризма, логически вытекающего из традиционного российского авторитаризма». Особое внимание он уделяет тому, как повлияет искусственная «Русская идея» на консерватизм: «Суть консерватизма заключается в том, что он каждый раз новый, ибо является ответом на актуальную ситуацию сегодняшнего дня, и консервативная стратегия в целом, как и консервативные стратегии в отдельных сферах жизни, преследуют своей целью не создание новых (или воссоздание старых) утопий, а стабилизацию и совершенствование существующих структур и способов жизни» (Ионин, 2005).

Б. Межуев считает, что русской философии так и не пришлось всерьез осуществить переосмысление Русской идеи. Он выразил сожаление, что ему самому «не удалось написать всестороннего исследования творчества Н. А. Бердяева и о «русской идее» конкретно в его понимании». В то же время, на его взгляд, удачной оказалась попытка «взять определенную нишу ... истории славянофильского течения русской мысли, убедительно продемонстрировать актуальность этой темы, и уже из этой ниши осуществлять экспансию в другие сюжеты»⁸.

В рамках проекта в значительной степени удалось то, что в 2022 г. Межуев назвал одной из важных целей проекта – «убрать разделение между патриотами и демократами, найти новые пути русского культурного поиска, свободные от бюрократического прессинга и либерального скепсиса»⁹.

За время работы проекта на его площадке выступили более сотни авторов – политологи Ольга Малинова, Олег Балабанов, Алексей Громыко, Леонид Бляхер, Александр Лукин, Федор Лукьянов, Сергей Маркедонов, Петр Осколков, Леонид Поляков, Михаил Ремизов, философы Петр Гречко, Мария Дегтярева, Леонид Ионин, Борис Капустин, Константин Крылов, Александр Перцев, Александр Филиппов, историки Елена Ананьева, Иван Курилла, Андрей Ганин, Борис Колоницкий, Алексей Миллер, Аркадий Минаков, социологи Борис Докторов, Борис Кагарлицкий, писатели Кирилл Бенедиктов, Роман Злотников, Игорь Круглов, Вадим Левенталь, Сергей Лукьяненко, Вадим Панов, Леонид Юзефович, культурологи Дмитрий Замятин, Александр Эткинд, журналисты Андрей Бабицкий, Максим Соколов, политики Максим Григорьев, Олег Матвейчев, Вячеслав Игрунов, Алексей Кочетков, Алексей Чалый и многие другие. В этом, далеко не полном, списке удивляет не то, что публикуют статьи, дают интервью, участвуют в дискуссии представители разных профессий, но то, что это делают люди разных мировоззренческих позиций и идейно-политических взглядов.

⁷ Ильин, И. *О Русской идее*. URL: https://imwerden.de/pdf/iljin_o_russkoj_idee.pdf (дата образования: 10.01.2022).

⁸ Межуев Б. За все пять лет мы никогда не имели пустой портфель. URL: <https://politconservatism.ru/interview/za-vse-pyat-let-my-nikogda-ne-imeli-pustoj-portfel> (дата образования: 15.12.2021).

⁹ От редакции сайта «Русская Идея». URL: <https://politconservatism.ru/special/ot-redaktsii-sajta-russkaya-idea> (дата обращения: 15.02.2022).

Идею относительно формирования некоего консенсуса среди различных идейных течений предложила со-редактор проекта Любовь Ульянова. Она считает, что перестройка и развал Советского Союза не привели к созданию в России научного исторического института, специализирующегося на изучении недавнего прошлого вследствие исторического проигрыша нашей страны, полной идейной дезориентированности. «Почему бы теперь, после возвращения Крыма – вероятно, важнейшего события в истории современной России – не учредить, скажем, Институт истории 2014 г., который займется изучением последних 30 лет нашей истории? – вопрошала она. – Можно собрать под одной крышей историков российской государственности и историков-методологов, специалистов по коллективной памяти и коллективной идентичности, истории повседневности, визуальной истории, истории образов, историков-регионалистов. Такое объединение будет не простым: представители обеих научных традиций относятся друг к другу с заметным скепсисом» (Ульянова, 2015).

Б. Межуев и его идеи подвергались критике со всех флангов политического спектра. Он дискутирует с авторами, критикующими т.н. «национальную идею» как проявление национализма, предлагает не путать национальную идею с национальным интересом, играющим важную роль в политической практике любого государства, особенно в области межгосударственных отношений. «Различие между идеей и интересом трудно установить в границах существования одной нации, но оно становится очевидным с учетом принадлежности данной нации к более широкой общности цивилизации. При всем несходстве своих интересов, нации, принадлежащие к одной цивилизации, выражают принадлежность к ней в общей для них идее, – поясняет он. – Идея, следовательно, это осознание разными нациями своей цивилизационной идентичности, которую следует отличать от их национальных интересов» (Межуев, 2014b).

«Русская idea» оказалась площадкой для конструктивных дискуссий и обмена мнениями по широкому спектру вопросов обществознания (истории, философии, политологии и культурологии). (Бабицкий, 2018, Гущин, 2018, Караулов, 2017). Однако наиболее важным для ее организатора моментом было формирование консервативного дискурса в России: «Да, социальный консерватизм, безусловно, актуален, люди хотят видеть ценности, связанные с традициями и при этом с реализацией запроса на социальную справедливость». Б. Межуев отметил возникшие у общества четыре важных запроса, связанных со страхом потери благосостояния, опасением, что власть и элита оторвутся от интересов народа, запросом на справедливость и на личную инициативу. «Когда чиновники о деле думают в последнюю очередь, а занимаются только тем, как бы прикрыться от ответственности, то это огромнейшая проблема, – отмечал он. – Необходимо, чтобы на их место приходили люди, умеющие самостоятельно ставить и решать задачи. И хочется надеяться, что наша административная система все-таки найдет способ таких людей в себя интегрировать и использовать их энергию» (Межуев, 2020). На таком подходе базировалось формирование идеи «консервативной демократии».

Надежды на достижимость «консервативной демократии»

Б. Межуев в статье «Политический консерватизм и конец русской весны» в 2014 г. говорил об опасности того, что консерватизм станет не только естественной оборонительной идеологией России, но также и прибежищем разного рода испуганного элемента. И есть опасность, что слово «консерватизм» станет ассоциироваться именно вот с этим самым испугом, что, конечно, едва ли будет служить пользе консервативного дела, как бы это дело ни трактовать»¹⁰. Он призывал к «необходимости для русских консерваторов сохранять трезвость в эпоху всяческих «революционных натисков» при понимании того, что любой радикальный наскок на Европу обречен и потому попросту вреден»¹¹. Из этого вытекала, на его взгляд, потребность заняться обустройством России, как советовал Солженицын (Солженицын, 2008), и тогда «консервативное возрождение России» будет реализовано.

К. Крылов был настроен более скептически: «История новейшего российского консерватизма как более-менее самостоятельного идейного течения была недолгой. По самым оптимистичным оценкам, «консерватизм» прожил самостоятельно где-то с 2003 по 2009 гг., когда власть наложила на бренд свою руку уже официально. На самом же деле всё случилось раньше. Уже в 2007 г. прошла сепарация: жилистые и щетинистые идейки были изгнаны на мороз, а более аппетитные – отправлены на откорм, сальный или беконный. По завершению какого состоялось недружественное погло-

¹⁰ Межуев, Б. Политический консерватизм и конец «русской весны». URL: <https://politconservatism.ru/articles/politicheskiy-konservativizm-i-konec-russkoy-vesny>.

¹¹ Там же.

щение всего консерватизма разом, начиная с повестки и кончая отдельными тезисами, мемами и прочими аксессуарами и причиндалами» (Крылов, 2020).

Не прагматический интерес к «аппетитным идейкам», но темы сохранения Отечества, приверженность консервативному курсу, способность пройти этим курсом занимают существенное место в размышлениях Б. Межуева, высказанных в 2015–2016 гг., чтобы быть оформлены в понятие «консервативной демократии». Это происходит в международном контексте, в особенности, на фоне электоральной кампании и победы Трампа, что давало, на взгляд Межуева, возможность соединения демократии и консерватизма. Однако такое соединение вызывало протест и справа, и слева, а в ходу оказалось понятие нового популизма, по словам Межуева, разновидности идеологического вируса. Резюмирует победу «трампизма» он такими словами: «Консервативная демократия» достигла первых крупных побед, сейчас она будет окапываться на завоеванных позициях. Сила была продемонстрирована, но серьезной рефлексии по поводу того, чем была обусловлена эта сила, не было. Поэтому сама эта сила не оказалась введена в системное, устойчивое поле. Невостребованность термина «консервативная демократия» приведет к тому, что идеологическая работа в этом направлении будет приостановлена» (Межуев, 2017).

Разумеется, главным оставался вопрос о судьбе России и перспективах консервативной идеологии. Межуев заметил, что в стране часто входят в резонанс разные идеологические лагеря, парализуя ее продвижение в сторону консервативной демократии. Международное измерение консервативной демократии он определял со ссылкой на идеи Вадима Цымбурского, которые он продвигает и популяризирует на протяжении многих лет, организуя дискуссии по его книге и диссертации, материалы которой его усилиями были опубликованы, сетуя на то, что уроки Цымбурского не были освоены и выучены политической элитой и даже политическими идеологами (Межуев, 2019 б).

Анализируя работы В. Цымбурского, в частности концепцию «Остров Россия», Б. Межуев называет его подход «цивилизационным реализмом»: «Россия и Евроатлантика признаются отдельными цивилизациями, со своей орбитой тяготения, в случае России – гораздо более скромной, но тем не менее реальной. «Русский мир» в этом смысле освобождается от узко-этнической трактовки, поскольку в это пространство могут быть включены и другие народы, тяготеющие к российской цивилизации» (Межуев, 2017).

Развивая эти идеи, Межуев писал: «Залог демократической интеграции России – переход от дискурса «цивилизационного выбора» к дискурсу «национальных интересов». «Островная» модель геополитики позволяет русским европейцам считать себя вынужденно отделенными от Европы европейцами в согласии с теми, кто, принимая ту же модель, могут относить себя к «особому человечеству на особой земле», не претендуя на присоединение новых земель» (Межуев, 2015).

Это мир, «в котором Россия будет претендовать на определенное пространство для собственного независимого цивилизационного развития, не претендуя при этом, однако, на возвращение территорий лимитрофов¹² под непосредственный политический контроль» (Межуев, 2017). Для метафоры относительно роли России понадобились ссылки не только на Цымбурского, но и на Киссинджера. Последний призывал российскую политическую элиту определиться, что если Россия понимается как «отброшенная империя», которая ждет часа, чтобы наброситься на лимитрофные территории, как леопард на добычу, то надо быть готовым к сдерживанию ее «всеми возможными силами, в том числе батальонами НАТО в Прибалтике». Межуев предлагал использовать метафору Цымбурского, сравнивающего Россию с дикобразом, неудобным и неживчивым животным, но не хищным: «Россия – это не реваншистское государство-леопард, но это изоляционистское государство-дикобраз... Россия хочет развивать собственную территорию суверенно и независимо, но для этого для нее важно иметь пояс безопасности и важны гарантии самоопределения тех, кто, жертвуя в том числе и личными благами, готов бороться за присоединение к российской цивилизации» (Межуев, 2017).

Определенные надежды на достижимость консервативной демократии давал ему идеологический дрейф «Единой России». В 2016 г. Б. Межуев отметил, что президент употребил слово «консерватизм» в отношении «Единой России» в том значении, когда консерватизм – синоним слова «стабилизатор», а консерватор – тот, кто поддерживает стабильность. Или тот, кто поддерживает баланс сил и интересов». По мнению Межуева, «идеология государственного консерватизма, которую можно было связать с именем Путина, сводится к трем аспектам: территориальная целостность, госу-

¹² Лимитрофы – это территории с разным цивилизационным тяготением, в которых значительная часть населения в ситуации выбора между Евро-Атлантикой и Россией выберет Россию.

дарственный суверенитет и стабильность – экономическая, финансовая и социальная. Это, условно говоря, и есть консерватизм в понимании президента» (Межуев, 2016). Относительно политики «Единой России» было им высказано суждение, что партия выступает как стабилизатор системы в большей степени, нежели носитель правоконсервативной идентичности.

Обсуждение практических вопросов сочеталось с необходимостью продолжать обсуждать варианты и типы консерватизма, специфику консервативной идеологии. Этому посвящены круглые столы и дискуссии, организованные ИСЭПИ, материалы которых были опубликованы в Альманахе «Тетради по консерватизму». Хантингтон, Берк, Бисмарк, Кирк, Ротбард – идеологи и политики, чей подход к консерватизму подвергался анализу, равно как и американский и венгерский современные варианты.

В 2017 г. *Русская Idea* предлагает читателям поразмыслить над повесткой «консервативной демократии», считая необходимым, к примеру, сосредоточиться на укреплении институтов низовой гражданской самоорганизации. Пояснялось это следующим образом: «Консерватизм и демократия – явления вроде бы разнопорядковые; во всяком случае, в рамках европейской идеологической жизни люди, именующие себя консерваторами, обычно выступали в защиту разного рода традиционно сложившихся иерархий, оберегая их от нападков адептов радикального уравнивания. Тем не менее, есть один пункт, в котором эти две идеологии сходятся: речь идет о локальной демократии, демократии малых пространств»¹³. В качестве примера взят г. Севастополь, где общественные активисты объединились для защиты городской среды и создали консервативно-демократическую оппозицию. «Воспользовавшись примером севастопольских общественников и депутатов, возможно, удастся остановить аналогичные разрушительные процессы и в других регионах России: главное, чтобы консервативно-демократические силы сознавали свою солидарность и понимали, что у них есть своя особая – политическая – повестка, и она отличается как от той, что предлагают коммунисты, так и той, что продвигают либеральные оппозиционеры»¹⁴.

В честь 5-летия сайта в 2019 г. было опубликовано интервью, которое Любовь Ульянова взяла у Бориса Межуева. Свой интернет-ресурс со-редакторы охарактеризовали как «интеллектуально-около-политический», а к его заслугам отнесли демонстрацию актуальности консервативного течения русской мысли, соединение в живом диалоге русского консерватизма с консервативной мыслью других стран, доказательство, что консерватизм не равен конформизму, развернутое обсуждение актуальных перспектив консервативного реформизма. Помечтали они о консервативно-демократической сшивке элиты и населения под знаменами всех, кто пытался соединить консерватизм и демократию – Ивана Аксакова, Николая Игнатьева, Дмитрия Шипова, Александра Солженицына, Евгения Примакова¹⁵.

Борис Межуев предложил определяющие признаки консервативной демократии: «Демократия начинается с того момента, когда люди отказываются быть пассивным объектом манипуляции со стороны технократов. А если люди еще и апеллируют при этом к каким-то традиционным ценностным установкам, которые оказываются выше власти, выше технологий и манипуляций, то тогда демократия становится демократией консервативной, по большому счету единственно устойчивой»¹⁶. Концепт «консервативной демократии» выглядел многообещающим, но, очевидно, нуждался в доработке и конкретизации в условиях «живого диалога».

Заключение

24 февраля 2022 г. произошел резкий разворот российской политики: если следовать метафоре Цымбурского-Межуева – от изоляционистского дикобраза к леопарду. Нашли воплощение другие идеи и настроения, которые были присущи как части политической элиты России, так и части российского населения (Diesen, 2020). Эти идеи продвигались, а настроения усиливались пропагандистской деятельностью консерваторов другого типа, таких, как А. Дугин, А. Проханов, З. Прилепин, Н. Михалков, в их выступлениях в традиционных и новых медиа, в телепрограммах Прилепина «Уроки русского» и Михалкова «Бесогон».

¹³ Межуев, Б. *Обучение консервативной демократии*. URL: <https://politconservatism.ru/thinking/obuchenie-konservativnoj-demokratii> (дата обращения: 21.11.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Межуев, Б. *За все пять лет мы никогда не имели пустой портфель*. URL: <https://politconservatism.ru/interview/za-vse-pyat-let-my-nikogda-ne-imeli-pustoj-portfel> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁶ Там же.

24 февраля 2022 г. Б. Межуев принял решение закрыть ресурс, объяснив свое решение в редакционной статье тем, что «Русская Весна» пришла к своему завершению, и начался какой-то новый этап истории страны, континента и всего человечества, для постижения смысла которого нужны иные подходы, которые нам только предстоит обнаружить. «Очевидно, что прежний дискурс, который мы могли бы назвать консервативным, уже не адекватен реалиям нынешней ситуации. Условно говоря, России нужен сейчас свой «разумный» палеоконсерватизм, который был бы в чем-то похож на палеоконсерватизм американский, который некоторые его критики называли «изоляционизмом» или «анти-интервенционизмом» (Межуев, 2022).

Б. Межуев пытается найти адекватный времени вариант, активно вступая в дискуссии в социальных сетях. В соответствии со спецификой коммуникативных каналов, полемика в них принимает острый характер, временами переходит в перепалку со стороны несогласных с позицией, выражаемой в постах в профиле автора. Процесс поиска сложный и долгий, далеко не безболезненный. Однако и предыдущий поиск в рамках проекта Русская idea, и разрабатываемая модель «консервативной демократии» вошли в копилку российского консерватизма, а их «научный скрин-шот» расширяет исследовательский инструментарий его анализа.

Список литературы / References

- Бабицкий, А. (2018) 'Россия как Россия', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 07 мая. [Babickij, A. (2018) "Russia as Russia" [Rossija kak Rossija], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 07 maja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/blogs/rossiya-kak-rossiya> (Accessed: 13.01.2022). (In Russ.)].
- Бенедиктов, К. (2014) 'Лев возвращается за своей долей', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 26 октября. [Benediktov, K. (2014) "A lion returns for his share" [Lev vozvrashhaetsja za svoej dolej], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 26 oktjabrja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/lev-vozvrashchaetsya-za-svoey-doley> (Accessed: 08.01.2022) (In Russ.)].
- Бердяев, Н. А. (2008) *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века*. Москва: Директ-Медиа. [Berdjaev, N. A. (2008) *The Russian idea. The main problems of Russian thought of the 19th – early 20th century* [Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka]. Moskva: Direkt-Media. (In Russ.)].
- Бирюков, С. (2018) 'История «вечного возвращения»: венгерский консерватизм', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 17 января. [Birjukov, S. (2018) "History of the "eternal return": Hungarian Conservatism" [Istorija «vechnogo vozvrashhenija»: vengerskij konservatizm], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 17 jan-
- varja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/hungry-nazi> (Accessed: 04.01.2022) (In Russ.)].
- Галкин, А. А., Рахшмир, П. Ю. (1987) *Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях неоконсервативной волны*. Москва: Наука, 1987. [Galkin, A. A., Rahshmir, P. Ju. (1987) *Conservatism in the past and present: on the social ground of the neoconservative wave* [Konservatizm v proshlom i nastojashhem: o sotsial'nykh kornyakh neokonservativnoi volny]. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Гущин, А. (2018) 'Россия и постсоветское пространство: в точке бифуркации', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 01 марта. [Gushhin, A. (2018) "Russia and the post-Soviet Space: at the point of bifurcation" [Rossija i postsovetskoe prostranstvo: v tochke bifurkacii], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 01 marta. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/rossiya-i-postsovetskoe-prostranstvo-v-tochke-bifurkatsii> (Accessed: 16.01.2022) (In Russ.)].
- Дугин, А. Г. (2000) *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством*. Москва: АРКТОГЕЯ-центр. [Dugin, A. G. (2000) *The fundamentals of geopolitics. The geopolitical future of Russia. Thinking through space* [Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii. Myslit' prostranstvom]. Moscow: ARKTOGEJA-centr. (In Russ.)].

- Дугин, А. Г. (2006) 'Соучастие, соборность, самобытность', *Аргументы и факты*, 16. [Dugin, A. G. (2006) "Participation, conciliarity, uniqueness" [Souchastie, sobornost', samobytnost'], *Argumenty i fakty*, 16. (In Russ.)].
- Иванов, В. (1994) *Родное и вселенское*. Москва: Республика. [Ivanov, V. (1994) *The native and the universal* [Rodnoe i vselenskoe]. Moscow: Respublika. (In Russ.)].
- Ионин, Л. (2005) 'Консерватизм', *Логос*, 3 (48), сс. 3–73. [Ionin, L. (2005) 'Conservatism' [Konservatizm], *Logos*, 3 (48), pp. 3–73. (In Russ.)].
- Караулов, И. (2017) 'Идеология умолчания', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 20 декабря. [Karaulov, I. (2017) "Ideology of silence" [Ideologija umolchaniya], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 20 dekabrja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/ideologiya-umolchaniya> (Accessed: 16.01.2022) (In Russ.)].
- Межуев, Б. (2014 а) 'Политический консерватизм и конец «русской весны»', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 11 июня. [Mezhuev, B. (2014) "Political conservatism and the end of the "Russian Spring"" [Politicheskij konservatizm i konec «russkoj vesny»], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 11 ijunja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/politicheskij-konservatizm-i-konec-russkoj-vesny> (Accessed: 23.01.2022) (In Russ.)].
- Межуев, Б. (2014 б) 'Русская идея и политический консерватизм', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 20 мая. [Mezhuev, B. (2014) "Russian idea and political conservatism" [Russkaja ideja i politicheskij konservatizm], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 20 maja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/russkaya-ideya-i-politicheskij-konservatizm> (Accessed: 21.01.2022) (In Russ.)].
- Межуев, Б. (2016) 'Путин придерживается консервативного понимания консерватизма', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 16 апреля. [Mezhuev, B. (2016) "Putin adheres to a conservative understanding of conservatism" [Putin priderzhivaetsja konservativnogo ponimaniya konservatizma], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 16 aprelja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/interview/putin-priderzhivaetsja-konservativnogo-ponimaniya-konservatizma> (Accessed: 23.01.2022) (In Russ.)].
- Межуев, Б. (2017) 'Россия – не реваншист-«леопард», но изоляционист-«дикобраз»', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 09 января. [Mezhuev, B. (2017) "Russia is not a revanchist "leopard", but an isolationist "porcupine"" [Rossija – ne revanshist-«leopard», no izoljacionist-«dikobraz»], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 09 janvarja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/interview/rossiya-ne-revanshist-leopard-no-izolyatsionist-dikobraz> (Accessed: 19.01.2022) (In Russ.)].
- Межуев, Б. (2018) 'Интеллектуальный класс и основное противоречие эпохи', *Русская idea* (сайт консервативной политической мысли), 06 июня. [Mezhuev, B. (2018) "The intellectual class and the main contradiction of the epoch" [Intellektual'nyj klass i osnovnoe protivorechie jepohi], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj politicheskoj mysli), 06 ijunja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/blogs/intellektualnyj-klass-i-osnovnoe-protivorechie-epohi> (Accessed: 17.01.2022) (In Russ.)].
- Межуев, Б. (2018) '«Остров Россия» и российская политика идентичности. Неусвоенные уроки Вадима Цымбурского', *Россия в глобальной политике*, 6. [Mezhuev, B. (2018) "Russia Island and the Russian politics of identity. The undeveloped lessons of Vadim Tsymbursky" [Ostrov Rossiya I rossijskaja politika identichnosti. Neusvoennye uroki Vadima Tsymburskogo]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostrov-rossiya-i-rossijskaya-politika-identichnosti-2/>. (In Russ.)].
- Оукшот, М. (2002) *Рационализм в политике*. Москва: Идея-Пресс. [Oakshott, M. (2002) *Rationalism in Politics* [Racionalizm v politike]. Moscow: Ideja-Press. (In Russ.)].
- Память и предупреждение' (2012), *Международный литературно-культурологический альманах-антология «История совести»*, 5. ["Memory and Warning" [Pamjat' i preduprezhdenie]

- (2012), *Mezhdunarodnyj literaturno-kul'turologičeskij al'manah-antologija «Istorija sovesti»*, 5. [online]. Available at: URL: http://historyofconscience.blogspot.ru/p/blog-page_1105.html (Accessed: 21.01.2022) (In Russ.).
- «Русская идея» в европейском контексте: обсуждение доклада Вадима Межуева «Русская идея» и универсальная цивилизация» (2011) в: Клямкин, И. (ред.) *Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов*. Москва: Новое издательство, сс. 427–497. [“The “Russian idea” in the European context: Discussion of Vadim Mezhuyev’s report “The Russian Idea” and Universal Civilization”] (2011) [«Russkaja ideja» v evropejskom kontekste: obsuzhdenie doklada Vadima Mezhueva «Russkaja ideja» i universal'naja civilizacija] in: Kljamkin, I. (red.) *Kuda vedet krizis kul'tury? Opyt mezhdisciplinarnyh dialogov*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 427–497. (In Russ.).
- Русская идея* (сайт консервативной политической мысли). [Russian idea (website of conservative political thought) [Russkaja idea (sajt konservativnoj političeskoj mysli)]. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/> (Accessed: 14.01.2022) (In Russ.).
- Солженицын, А. И. (2008) ‘Что нам по силам’, *Аргументы и факты*, 5, 3. [Solzhenicyn, A. I. (2008) “What can we do” [Chto nam po silam], *Argumenty i fakty*, 5, 3. (In Russ.).
- Ульянова, Л. (2015) ‘«Русская весна» как предмет современной истории’, *Русская идея* (сайт консервативной политической мысли), 01 апреля. [Ul'janova, L. (2015) “Russian Spring” as a subject of contemporary history [«Russkaja vesna» kak predmet sovremennoj istorii], *Russkaja idea* (sajt konservativnoj političeskoj mysli), 01 aprelja. [online]. Available at: URL: <https://politconservatism.ru/articles/russkaya-vesna-kak-predmet-sovremennoj-istorii> (Accessed: 16.01.2022). (In Russ.).
- Хантингтон, С. (2016) *Столкновение цивилизаций*. [Huntington, S. (2016) *The Clash of Civilizations* [Stolknovenie civilizacij] [online]. Available at: URL: <https://ecocri>
- [sis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization/](https://ecocri.sis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization/) (Accessed: 10.01.2022) (In Russ.).
- Цымбурский, В. Л. (2015) ‘Основания российского геополитического консерватизма’ *Тетради по консерватизму*, 1. [Tsymbursky, V. L. (2015) ‘Foundations of Russian Geopolitical Conservatism’ [Osnovaniya rossiiskogo geopoliticheskogo konservatizma], *The books on Conservatism*, 1. (In Russ.).
- Bluhm, K., & Varga, M. (2019) *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. London & New York: Routledge.
- Bysov, L. (2017) ‘Conservative Trends in Contemporary Russian Society’, *Sociological Review*, 56, Issue 1.
- Diesen, G. (2020) ‘Russia as an international conservative power: the rise of the right-wing populists and their affinity towards Russia’, *Journal of Contemporary European Studies*, 28, Issue 2.
- Engström, M. (2014) ‘Contemporary Russian Messianism and the New Russian Foreign Policy’, *Contemporary Security Policy*, 35(3), pp. 357–379.
- Evans, A. (2015) ‘Ideological Change under Vladimir Putin in the Perspective of Social Identity Theory’, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 23(4), pp. 401–426.
- Grenier, P. (2015) *The Varieties of Russian Conservatism*. *The American Conservative*, 19 June. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-varieties-of-russian-conservatism/> [Accessed: 11 February 2022].
- Laruelle, M. (2022) ‘A grassroots Conservatism? Taking a fine-grained view conservative attitudes among Russians’, *East European Politics*, March.
- Rampton, Vanessa (2016) ‘The Impossibility of Conservatism? Insights from Russian History’, *The Monist*, 99, pp. 372–386.
- Robinson, Paul, F. (2020) ‘Russia’s emergence as an International Conservative power. Russian Conservatism: An Ideology or a Natural Attitude?’, *Russia in Global Affairs*, Vol. 18, 1, January-March.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2022

Статья принята к печати: 10.05.2022

“CONSERVATIVE DEMOCRACY” AS A KIND OF POLITICAL CONSERVATISM

L. A. Fadeeva, D. A. Dumler

L. A. Fadeeva, Professor of Politics, Political Science Department at the Faculty of History and Policy, Perm State University.

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3382-750 X. Researcher ID: K-3482-2016).

D. A. Dumler, lecturer and researcher in Political Science.

E-mail: dumlerden@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-1995-1028).

Abstract

The article describes the conservative discourse in modern Russia, focused on finding an adequate conservative model for the country, taking place from 2014 to 2022 on the virtual platform - ‘Russian idea’. The article uses extensive materials of the web-site, with focus on the position of the project manager Boris Mezhuyev, one of the most famous inspirers of the conservative turn.

Relying on the ideas of Vadim Tsymbursky, Mezhuyev builds an independent line of conservative discourse, taking into account current situation. The project managed to include many representatives of different backgrounds and views, which allowed Boris Mezhuyev to form his concept of “conservative democracy” taking into account different positions. The formation of the concept is based on the Mezhuyev’s desire to combine theory and practice, including the conservative bias of the United Russia Party, and to do so based on what they see as the main values of conservatism as a political ideology. The change in the political situation on February 24, 2022 caused Mezhuyev’s decision to close the project.

We believe that this experience is useful for Political Science, especially since the life of virtual platforms can be short, so it is necessary to carry out their scientific screen shot.

Keywords: conservatism; Russian idea; ideology; conservative turn; Mezhuev; Tsymburskiy; conservative democracy.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323:354

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-39-48

«ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» И «УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ»: КОНФЛИКТЫ КОНЦЕПТОВ И ПРАКТИК

А. И. Соловьев

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
E-mail: solovyev@spa.msu.ru (ORCID 0000-0001-7146-0299).

Аннотация

Наращение разнообразных версий реформирования системы государственного управления не столько сохраняет основные акценты на монопольные полномочия центров верховной власти, сколько слабо отражает позиционирование и активность локальных центров влияния. Такая аналитическая – и одновременно прикладная – стратегия снижает эффективность государственного управления, не позволяя в должной степени агрегировать конструктивную энергию общества. В то же время фактическая диверсификация регулятивных возможностей множественных территориальных и социальных локалитетов демонстрирует наличие дополнительных альтернатив по целенаправленному развитию общества в рамках реально складывающейся макроуправленческой архитектуры. Эпистемологическим требованием, вытекающим из констатации разрозненного характера общественной власти и нормативной легитимации ее Центров, является разработка зонтичного понятия, обладающего как более релевантным характером по отношению к сложившейся управленческой реальности, так и повышенной теоретической емкостью, позволяющей рассматривать динамику взаимоотношений Центра и локальных структур в рамках волатильной динамики иерархических и гетерархических взаимосвязей. Переход от модели «государственного управления» к широкой политико-управленческой конструкции – «управлению государством» позволяет полнее истолковывать всю палитру складывающихся в рамках национального государства взаимоотношений властвующих и подвластных, управляющих и управляемых. При этом различные возможности современных политий в деле институализации вертикально-горизонтальных политико-административных конструкций позволяют не только полнее оценивать управленческую роль и эффект местных управленческих инициатив (в т.ч. различных форм гражданского активизма), но выявить и существующие в этих странах изъяны в области демократических отношений государства и общества, конкретизировать возможности предотвращения рисков политической дестабилизации.

Ключевые слова: власть; государственное управление; локальные структуры; принятие государственных решений; управление государством; демократия.

Диверсифицированная природа общественной власти

Деятельность государства по управлению общественным развитием, стабилизации социальных порядков, конструированию структур и институтов всегда находилась в центре внимания научного сообщества, постоянно предлагающего различные направления реформирования государственного управления и даже соответствующие варианты организации публичной власти. За последние десятилетия мир пережил всплеск самых разных теоретических идей (new public management, good governance, new public government, public science government и др.), тяготеющих либо к моделям public administration (предполагающих централизацию (state-centric approach) или децентрализацию государственного управления (decentering governance), либо к конструкциям общественно-политического толка (public policy). При этом многие из этих предложений, так или иначе, находили свое место в практическом преобразовании институтов власти и управления, хотя и не смогли создать гибкую и универсальную модель госрегулирования.

Представляется, что известная нерелевантность теоретических моделей современным вызовам складывается как в силу разнообразия национальных политий, затрудняющих выравнивание реформаторских требований к системам государственного управления, так и по причине институционального недоверия некоторым универсальным параметрам государственной власти. Коротко говоря, исходная идея большинства претендующих на доминирование управленческих моделей исходит из непререкаемой монополии легальных институтов государственной власти (особенно ее высших центров, действующих на суверенной территории) и имеющихся у них принудительных инструментов целенаправленного регулирования общественных отношений. В конечном счете, эти основания институционально закреплённого порядка и признавались достаточными основаниями целенаправленного регулирования государством социальных конфликтов и взаимоотношений, обуславливая способность властей к «производству намеренных действий» (Б. Рассел).

Сохраняя в теоретической «чистоте» эти утверждения, отметим, однако, некоторые аспекты функционирования системы государственного управления, сопутствующие целенаправленному «прокладыванию» правительством своего политического курса. В частности, нельзя забывать, что государственное управление является институциональной иномформой государственной (публичной) власти, которая, в свою очередь, представляет собой результат трансформации власти политической, проецирующей на государство конфликтную природу власти общественной и усугубляющей внутренние противоречия последней за счет подвижных интерпретаций групповых интересов. Сложные взаимодействия этих модусов власти неизбежно транслируют на систему государственного управления последствия ее изначальной диверсификации, демонстрирующей наличие множества локальных зон влияния (претендующих на доминирующие позиции в отдельных сферах жизнедеятельности социальных, этнических, территориальных, профессиональных и прочих сообществ), образующихся без оглядки на центры легального господства.

Эта внутренняя разнородность первородных общественных отношений обуславливает наличие в государстве базового конфликта, влияющего на все стороны этой формы организации совместной жизни, а именно – противоречия между интеграцией и дезинтеграцией властных связей и коммуникаций (в крайних формах грозящего сепаратизмом, территориальными сколами, отколами и распадом географической целостности страны). Что касается территориальных последствий этого конфликта, то долгое время считалось, что подобные риски в полной мере компенсируются публичными институтами государственного управления, использующими инструменты нормативно-законодательного регулирования и предполагающими использование легального насилия. В целом так было и есть, и государство достаточно уверенно купировало претензии локальных центров влияния на территориальные трансформации. Однако по мере повышения локалитетами своей ресурсной оснащенности и более уверенной апелляции гражданских сообществ к своим правам на самоопределение и микролегитимацию ситуация во многих государствах становилась достаточно напряженной. В том числе и потому, что внутренняя разнородность центров влияния и власти не ограничивалась территориальными пространствами, но и распространялась на идейно-символическое пространство.

Коротко говоря, фактическое позиционирование локальных центров власти – включая и тех, кто «не имеет демократической легитимации» – (Héritier, Lehmkuhl, 2008) качественно усложнила многоуровневую зависимость и организацию интересов в сфере госрегулирования (Streeck, Schmitter, 1985). И хотя у частных центров влияния чаще всего отсутствовало желание распространять свои локальные интересы на более широкие социальные пространства, само их наличие предполагало необходимость определенной согласованности целей локальных структур и государственных институтов (Tosun, Koos, Shore, 2016). Однако такие согласования вели к тому, что «управленческий потенциал частных и государственных субъектов» (Börzel, Buzogány, 2010) мог как способствовать решению общенациональных задач, так и игнорировать замыслы и интересы властей (Euchner, Preidel, 2016). Такое положение демонстрирует, что локальные центры, действуя в рамках своих частных прав и возможностей, обусловленных собственными «критериями нравственности» (которых они придерживаются в процессе «реализации» конкретных целей), способны игнорировать и даже обесценивать «модели управления», предлагаемые властями (Knill, Adam, Hurka, 2015).

Одним словом, сама возможность снижения внутренней целостности и солидарности государства и общества неизбежно ведет к нарастанию издержек государственного управления (Baldwin, Cave, 1999). Таким образом, реальные следствия постепенного увеличения ресурсов локальными центрами власти, демонстрирующих, к примеру, нарастающую активность НКО, городских агломераций, национальных диаспор и других аналогичных акторов, последовательно расширяет зону влияния локальных центров как на общественные отношения, так и на Центры государственной власти.

Причем, в ряде случаев активность локальных структур может демонстрировать и их тяготение к иным – зарубежным и иллегальным – центрам фактического притяжения, то есть, ориентации локалитетов могут касаться не только приграничных территорий (демонстрируя искушение аффиляции с привлекательными иностранными государствами), но и неформальных криминальных сообществ, устанавливающих с ними властную коллаборацию. Между тем такое неравновесное положение сохраняется даже в условиях, при которых государство прибегает к усилению политико-административного надзора за оппортунистической активностью локальных структур в целях предотвращения «потери управляемости» обществом (Е. Эйчнер). Однако в других случаях государству, подчас, приходится отказываться от жестких контрольных функций, передавая локальным центрам часть своих полномочий (особенно при решении задач, где власти не могут добиться нужных результатов).

Так или иначе, но в целом регулятивные практики официального Центра (усиливая целевой характер власти или же снижая жесткость ее применения) совместно с действиями локальных структур формируют своеобразную решетку стабилизации взаимоотношений государства и общества, позволяя смягчать негативные эффекты принудительного регулирования. В то же время отсутствие конструктивного взаимодействия государства с локальными структурами однозначно усиливает трения внутри системы государственного управления, нередко порождая кризисные перегрузки, порождающие неопределенность ее целенаправленной деятельности и провоцирующие риски для всей регулятивной конструкции.

Впрочем, не преувеличивая значение этих перманентных рисков для сложно организованных (полиэтнических) государств, следует отметить еще одно значимое проявление морфологии власти, а именно – пролонгацию ее внутренней диверсификации на аппарат государственного управления, который по этим причинам испытывает организационно-административные и политические разломы. Иначе говоря, отдельные институты государства (в том числе и отдельные подразделения организационной архитектуры), представляя собой относительно самостоятельные центры влияния и силы, также являются угрозой для сохранения целостности этой формы организации территориальной власти.

Внутренние расколы в административном теле государственной власти, с одной стороны, обусловлены негативными последствиями конфликта между институализацией и партикуляризацией (демонстрирующего постоянные искушения статусных акторов использовать официальные возможности структур управления в собственных или корпоративных целях). С другой стороны, эти внутренние кливажи предопределяются и известными свойствами самих структур управления: обладанием у ведомств находящихся в их распоряжении существенных ресурсов и активов; собственными стратегиями и планами (даже при исполнении единого бюджета); наличием инструментов, регулирующих кадровый рекрутинг высших топ-менеджеров (и куда зачастую не могут вмешиваться даже центральные власти); существованием «высоких» ведомственных символов и традиций, укрепляющих внутреннее единство коллективов, а также амбиций руководителей (нередко порождающими ревность и некомплиментарные отношения к конкурирующим ведомствам и их руководителям).

В конечном счете, все проявления этой «территориально-функциональной диффузии» (А. Соловьев), доходящей до состояния «полувраждебной конкуренции» (А. Вилдавски) различных островков «административной силы», создают в государственном аппарате и в государстве в целом непреодолимые (хотя и невидимые обывателю) острые линии конфликтов. Причем такая институциональная интерференция не только слабо регулируется Центром за счет методов императивной координации, но и предполагает затрату центральными властями значительной политической энергии для агрегирования ведомственных интересов при осуществлении общеполитического курса.

В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что ведомственная конкуренция совмещается, а еще чаще серьезно усиливается в связи с влиянием на публичные институты неформальных сетевых коалиций, образующихся как в теле правящего класса (Borzel, 1998)¹ так и гражданских структур (предполагающих продвижение своих целей и предпочтений, не реализуемых через механизмы социального представительства) (Kickert, Klijn, Korpenjan, 1997). Понятно, однако, что в этом контексте

¹ Вспомним попутно, что еще в середине прошлого века Дж. Гэлбрейт писал, что у корпораций исчезают административные барьеры на пути достижения своих целей, а М. Юзим полагал, что представители крупного корпоративного капитала, охватывая всю «национальную межкорпоративную сеть», формируют т.н. «внутренний круг» в социальном сообществе», получающий приоритеты в представлении интересов этой социальной страты, создавая в государстве «особый рычаг политического действия» (Цит.по: Перегудов, 2005: 50). Проникая в центры принятия решений и используя потенциал корпоративной солидарности, охватывающий все сектора бизнеса, такого рода структуры вдобавок еще получают необоснованную защиту от правительства.

наибольшим влиянием обладают неформальные ассоциации правящего класса, в конечном счете, стремящиеся даже колонизировать официальные центры власти и управления. Промежуточным – на пути полного установления контроля над государственными институтами – итогом такой экспансии становится широкое распространение «переплетенных» институтов (отражающих наличие неформальных установок и целей в планах государственных менеджеров) и распространение в государственной службе патрон-клиентской этики.

В результате совокупного влияния межведомственных конфликтов и сопутствующих им практик сетевого давления (усиливающих внутреннюю раздробленность аппарата управления) государство обретает возможность проведения не просто различных, но и *противоположных* по своей направленности (отраслевых, региональных и прочих) государственных политик. При этом все эти формы целенаправленного регулирования неизбежно сочетаются с различными программами и проектами локальных центров влияния, оппонировавших официальным инвективам, что по понятным причинам позволяет говорить, как о невозможности государства выстроить всю совокупность целеполагающих действий на фундаменте собственных приоритетов, так и о постоянном наличии диверсифицированной среды гражданских, политических и административных проектов. Таким образом, двойной (территориально-локальный и межведомственный) эффект диверсификации общественной власти ставит под сомнение фактические возможности высших государственных Центров (не к обеспечению территориального суверенитета), а к осуществлению эффективных управленческих стратегий и действий.

Политика и управление: старые споры в новой реальности

Укажем и на другой фактор, в значительной степени определяющий характер функционирования системы государственного управления и обновления его структуры. Речь в данном случае идет о применяемых институтами государства базовых способах макрорегулирования, к которым относится власть, политика и управление.

Учитывая соотносительность этих способов предметного воздействия на объекты госрегулирования, можно констатировать, что власть выступает как форма принудительного влияния, политика как способ символического давления на оппонентов (без которого невозможно осуществить конвертацию групповых предпочтений в коллективное решение (К. Эрроу), а управление как метод целенаправленного воздействия, тяготеющий к рациональным действиям, не зависящим от партийно-политических установок. С одной стороны, совместное применение этих методов обеспечивает эффективный синтез централизованных усилий верхов и низовой самоорганизации (впрочем, не исключаяющую реверсивности или перепозиционирования различных игроков). В то же время, поскольку каждый из них способен выступать в качестве относительно автономного метода воздействия на внешние объекты, в государстве постоянно возникают сложности их скоординированного применения, предопределяющего волатильность их взаимных комбинаций.

Однако, как показывает практический опыт, в рутинизированных формах государственного регулирования в основном доминирует управление, снижающее эффективность как прямых форм властного принуждения и мобилизационного давления, так и минимизирующее политические подходы, основанные на комбинировании баланса сил. К базовым характеристикам управления также относятся учет морально-этических норм и установок субъекта и объекта, наличие возможности воздействия управляемых на управляющих (реординации), что в своей совокупности трансформирует сохраняющуюся там принудительность в форму (содержащей ответственность исполнителей) обязательности. Благодаря этим свойствам, управление включает в себя различные формы и инструменты убеждающей коммуникации, в результате чего сближается с форматом регулирования, складывающимся по принципу «направляю, но не выстраиваю» (*steering, not rowing*).

Более того, сочетая принципы иерархии и гетерархии, управление отражает даже принципиальные «изменения в природе и роли государства», подразумевающие возможность обеспечения социального порядка «без действий со стороны» этого института (Bevir, 2011). Эти свойства управления, активизируют в государственном управлении формы коллективной рациональности, апеллирующий к экспертному знанию, многоуровневым согласованиям и постоянной координации позиций участников.

Видимо, имея в виду эти качества управления, ученые и говорят о тенденции к «обуправлению» политики или о растворении последней в управленческих практиках (Fredriksson, Blomqvist, Winblad 2012: 331). Иначе говоря, использование Центром и локальными игроками регулятивных

возможностей управления ведет к адекватному позиционированию и продвижению своих интересов, характеризует потенциал совместного обустройства общественной жизни.

Конечно, такая тенденция не говорит об илиминации властных и тем более политических методов из арсенала государственного управления. Речь идет, скорее о переформатировании профессиональных компетенций и установок лиц, обладающих правом говорить и действовать от лица государства. В этом контексте отказ госменеджеров от принудительно-силовых способов достижения целей (как универсального метода реализации решений) в общем-то понятен и обоснован. Убедительным доказательством тому служат, к примеру, все более расширяющиеся в демократических государствах практики «доказательной государственной политики» (evidence-based policy), предполагающей необходимость неопременного обоснования предлагаемых властями «вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований, научно обоснованных фактов и широкой доказательной базы» (Волошинская, Комаров, 2015: 91).

В то же время с политической аргументацией ситуация складывается иная. Известно, что в научном мире немало специалистов говорит о поглощении управлением политических форм госрегулирования (на чем настаивает и немало авторитетных российских ученых (Комаровский, Сморгун (ред), 2019). Однако нельзя не видеть, что политические интенции как властвующих / подвластных, так и управляющих/управляемых, действующих на любых аренах государства, постоянно сохраняют возможность достижения групповых интересов (получения дополнительных ресурсов, статусов или ценностей) за счет неконгруэнтного, символического давления на центры легальной и фактической власти. С этой точки зрения политическая инициация активности управляющих, будучи генетически заданным профилем социальной активности людей, сохраняет свое присутствие во всех процессах государственного управления.

Существенно и то, что различные (локальные и даже глобальные) игроки, действующие на национальных аренах и занимающие при решении тех или иных проблем неоднозначные позиции, неизбежно вовлекают государственные институты в свои неравновесные деловые отношения, в конечном счете, влияющие на характер достижения целей и самого государства. В этом смысле политика создает для управленческих решений всех (в том числе локальных) действующих акторов своеобразную деловую среду, которая расширяет их возможности в части использования потенциала договорных практик, позволяющих им решать поставленные задачи за счет активизации коммуникативного потенциала своих партнеров (и что нередко позволяет им обходить жесткие ограничения предписанных норм).

Более того, в деятельности государственных институтов, наделенных «правом контролировать ключевые решения» (Рейни, 2004: 149), политика выступает еще и в качестве своеобразной попечительской власти, позволяющей им оказывать целенаправленную поддержку своим контрагентам (при условии, что их проекты и цели встраиваются в общее русло правительственного курса или же согласуются с подходами бюрократического сообщества). В случае обретения этой помощи локальные стейкхолдеры оказываются способными принимать решения в рамках менее ограниченного набора альтернатив (подчас перевешивающих даже экономические соображения), а государственные институты расширяют использование механизмов (переговоров, согласования позиций, манипулирования и иных способов активизации коммуникативного потенциала своих партнеров), способствующих поддержанию должного уровня легитимации Центров власти.

В историческом измерении практики такого рода сохраняют тенденцию к расширению роли управленческих инструментов, но при этом отнюдь не вытесняют политику из регулятивных механизмов государственного управления, разве что, активизируя гуманистические интенции этой формы внеэкономического регулирования и позволяя ей еще ярче проявлять свой общественный, консенсуальный потенциал. Конечно, при этом не следует забывать, что в повседневном формате взаимодействия государства и общества политика способна создавать и множественные «исторические девиации», усиливая волюнтаризм верхов, раздувая огонь популизма и даже продвигая иррациональные замыслы политических лидеров. Так что присутствие политики (действующей в формате «политического управления») в хитросплетениях государственного управления, способно не только смягчать его внутренние противоречия, но и создавать предпосылки для функционирования государства в виде «стихийной конфедерации бюрократов», провоцировать сепаратизм локальных центров, активизировать коррупционные практики и т.д.

Однако какие бы тенденции в функционировании государственного управления не возникали, эффективность этой системы регулирования напрямую зависит от способности лиц, принимающих

решения, к гибкому совмещению различных методов воздействия на внешние объекты. В то же время даже стремление госадминистраторов придерживаться рациональных методов достижения целей непременно сталкивается с давлением политиков (озабоченных, к примеру, собственными концептуальными установками), неформальных политических инвесторов, локальных центров и иных контрагентов, обуславливающих качественную разнородность акций, складывающихся в теле государственного управления. В условиях же неизбежных организационных нестыковок, вето-пространств, аффилиций чиновников с привилегированными группами и постоянных межведомственных трений внутри административно-политической вертикали такое положение порождает качественную неопределенность создаваемых государством управленческих продуктов. Соответственно условность результативности и эффективности государственных проектов увеличивает дистанцию между властью и населением, ожиданиями людей и итогами масштабной управленческой деятельности.

«Управление государством»: эвристические преимущества концепта

Коротко говоря, система государственного управления (с ее конфликтами Центра с внешними центрами власти, межведомственными противоречиями, асимметричными контактами с неформальными коалициями и подвижным соотношением применяемых методов регулирования) представляет собой весьма подвижную конструкцию, не способную сохранять устойчивый нормативно заданный характер своей совокупной активности. Скажем иначе: постоянное перепозиционирование формальных центров власти и «встроенных автономий» (П. Эванс), увеличение институциональных пустот и усиление дискретности легальных центров управления, нарастание девиаций и форм служебного оппортунизма, а также иные аналогичные параметры государственного управления демонстрируют его социально, организационно и нормативно *открытый* характер, то есть, тот характер государственного управления, при котором нормативно заданные параметры его функционирования практически никогда не совпадают с характером *фактической активности* его институтов. Неудивительно, что при таких условиях волатильность намерений действующих от лица государства политиков и чиновников (а также их полномочия, характер ответственности, размер контролируемого ими социального пространства и др.), не гарантирует обществу приоритета его интересов.

Поскольку, «к возможному удовлетворению «чиновников» в государстве нельзя выстроить профиль власти в точнейшем соответствии с пожеланиями иерархии и гражданского общества» (Михайлов, 1996: 34) к государственному управлению уже невозможно предъявлять требования, превышающие возможности этой системы регулирования для реагирования на сложные вызовы современного мира. Одним словом, в своей институализированной форме государственное управление сегодня скорее *олицетворяет*, чем отражает реальный формат регулирования общественных конфликтов, и уж тем более не способно претендовать на приведение различных объектов в соответствии с замыслами коллективного (общественного) субъекта.

Понятно, что даже в среднесрочной перспективе общество вряд ли устроит такое положение, что потребует легализации иной архитектуры использования верховной властью своих полномочий. В этом смысле активность легальных центров власти, опирающихся на институты, формальные нормы, законы и статусные диспозиции лиц, принимающих решения, оказывается под вопросом. На этом фоне явное преимущество возникает у тех политических порядков, где нормативно поддерживаются различные векторы активности (исходящие из многоликих локальных, региональных и трансрегиональных) центров, обладающих собственным репутационным капиталом и другими атрибутами властного влияния. В пространстве этой мультиплицированной активности различных сил государство может выступать как один из игроков, который, с одной стороны, обязан поддерживать режим безопасности национального сообщества (устраняя радикальные и экстремистские проявления локальной активности), а с другой, должен доказывать гражданам преимущества своих (даже вырабатываемых совместно с сетевыми коалициями) целей и ценностей.

В таком случае речь идет об институализации системы *управления государством*, то есть, упорочении порядков, служащих некоей переходной ступенью от господства институтов национального государства к доминированию совместных форм взаимодействия власти и населения (локальных структур) при разработке государственных решений. Данные порядки должны означать не столько повышение соревновательности идей при разработке правительственной повестки (оценке политических деклараций или ответственности управляющих, которые относятся к форме «демократизации демократии», расширяющей формальные каналы влияния общества на государство), сколько изменение конкретных механизмов разработки целевых показателей правительства на основе расширения

фактического участия граждан в процессе распределении ресурсов и ценностей. В таком случае и государственная власть усиливает характер условного (скорректированного балансом участвующих в макрорегулировании сил) доминирования лидирующих общественных групп, расширяя возможности как для рационального соотнесения общих и локальных интересов, так и усиления собственно управленческих подходов.

Коротко говоря, речь идет не о децентрализации государственного управления, а об институализации разнородного характера общественной и политической власти, обуславливающих иное соотношение полномочий и возможностей Центра и локальных зон влияния.

Понятно, что перспективы институализации модели управления государством зависят от состояния взаимоотношений государства и общества в различных политиях. Так, в демократических государствах тенденция к усилению плюралистических форм правления и активности локальных центров связана с расширением публичными институтами управленческих инструментов и даже повышением уровня «нравственного регулирования». (Engeli, Rothmayr, 2016). В то же время в переходных государствах или глубоко разделенных обществах уместнее говорить не о движении в этом направлении, а о путях преодоления «недостойного правления» (В. Гельман). В таких государствах существуют условия, когда под влиянием сетевых коалиций и давления теневых локалитетов формируются модели «административной инквизиции» (М. Фуко), доводя государственное управление до границ юридического экспансионизма, политического произвола и перетекания последнего в прямое насилие.

Своя ситуация существует и в современной России, где, как показал С. В. Патрушев, власть практически вытеснила политические методы из перечня применяемых государством средств макрорегулирования, в значительной степени девальвируя и рациональное содержание управленческих практик (Патрушев (ред), 2020). Наглядными примерами такого рода становится трансформация административных структур государственного управления (отдающая приоритет кураторам и политическим назначенцам); расширение влияния на институты власти неформальных ассоциаций (обеспечивающих защиту неприкасаемым «королям госзаказов» и аффилированным фигурам и группировкам); укрепление позиций «узлов» решений (подменяющих официальные центры разработки целей); увеличение роли партий-спойлеров и ГОНГов (перестраивающих систему представительства); усиление контроля за общественно-политической активностью населения, а также применение других механизмов, снижающих зависимость управляющих от управляемых и дистанцирующих граждан от рычагов власти. В совокупности такие действия еще больше политизируют процесс государственного управления, сохраняя возможности для различных форм административного оппортунизма (государственного рейдерства) и коррупции.

Информационное прикрытие подобного рода практик (использующее технологии астротурфинга, латерального таргетинга или пропаганды, создающих видимость учета интересов граждан и локальных сообществ), имитирующее ответственность и компетентность управляющих, поощряет у населения стереотипы механического повиновения директивам власти и даже провоцирует активизацию эгологических механизмов самосохранения. Не случайно вместо доказательной политики распространяются практики «политики доказательств», делающие упор не на убедительную коммуникацию и представление населению аргументов в пользу того или иного решения, а на его продавливание любыми доступными для власти способами (Соловьев, 2021). Однако, как показывает опыт, ни используемые управленческие механизмы, ни активное создание проправительственными СМИ публичного капитала действующим властям не ведет к росту доверия граждан ее институтам и укреплению солидарности государства и общества (Волков, 2021; Пушкарева, Михайлова, Батоврина, 2021: 21)². Скорее, следствием такого стиля государственного управления является расширение источников волюнтаризма и других форм «смутной политики».

² Особенно сильно недоверие к институтам власти проявляется у молодежи. Как пишет Д. Волков, «за последние два-три года настроения в российском обществе существенно изменились. Рейтинги властных институтов потеряли в среднем по 20 процентных пунктов, усилился пессимизм по поводу будущего, выросла готовность участвовать в акциях протеста» (Волков, 2021). Существенно, что сохранение у молодых людей недоверия к институтам власти, «вынуждает человека с опаской относиться к политическим институтам, ожидать от них непредсказуемых действий и даже видеть в них угрозу собственному благополучию» (Пушкарева, Михайлова, Батоврина, 2021: 21). По данным этих ученых, подтверждающих и иные исследования, полное доверие Президенту сохраняет только четверть студентов, которых при этом в два с половиной раза меньше тех, кто доверяет Правительству. При этом уровень доверия региональным органам власти в студенческой среде в два раза ниже, чем в целом по стране. При этом лидерами недоверия в студенческой среде стали Государственная дума и Совет Федерации, им не доверяют соответственно 35,29% и 31,14% респондентов (там же).

Одним словом, российская ситуация говорит о нынешнем движении системы государственного управления в сторону ужесточения политико-административного контроллинга и отчуждения общества от государства. В рамках такой тенденции особые формы приобретает даже перспектива конструкции «управления без правительства», означая не расширение гражданского активизма и соучастия населения в управлении, а укрепление власти неформальных сетевых ассоциаций. В рамках такого направления развития событий государственное управление ждет судьба «административной инквизиции» (М. Фуко) и усиление имитационных форм взаимодействия государства и общества (подразумевающих фабрикацию правительственных целей, гражданских ценностей и иных связующих эти стороны представлений). Коротко говоря, сегодняшняя ситуация демонстрирует версию интеграции власти и общества силой «административного захвата». В этом контексте элиминируются даже возможности конструктивного заимствования положительного зарубежного опыта.

Впрочем, практика показывает и то, что сегодня в стране (на региональном и местном уровнях) все-таки складываются – конечно, не модели и институты, а – некие серые зоны, демонстрирующие определенную коллаборацию гражданских и административных структур, отражающих возрастание роли общественного самоуправления (Никовская, Якимец, 2020). Так что, протеев комплекс властно-административного регулирования все-таки подрывается, и реальная диффузия интересов, и раздробленность социального пространства политической власти ищут выход на управленческую поверхность. Представляется, что в дальнейшем под давлением этих новообразований будут корректироваться даже дисфункции государственного управления. Для этого потребуются, конечно, и усилия по развитию интеллектуальной гигиены общества, противопоставляющей агрессии пропаганды здравый смысл и убежденность людей в ценности гражданского самоуважения. Цифровизация сферы управления (где у населения уже сейчас складываются вполне ощутимые преимущества перед государственными структурами), кстати, дает для этого весьма серьезные основания. Нужно только не упустить этот дополнительный шанс.

Список литературы / References

- Волков, Д. (2021) ‘Молодежь от Москвы до Брянска: приведет ли смена поколений к модернизации страны?’, *Левада-центр* (внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента), 25 нояб. URL: <https://www.levada.ru/2021/11/25/molodezh-ot-moskvy-do-bryanska-privedet-li-smena-pokolenij-k-modernizatsii-strany/> (дата обращения: 04.12.2021). [Volkov, D. (2021) ‘The Youth from Moscow to Bryansk: will the change of generations lead to the modernization of the country’ [Molodezh` ot Moskvу` do Bryanska: privedet li smena pokolenij k modernizatsii strany?], *Levada-centr* (vnesen v reestr organizacij, vy`polnyayushhix funkcii inostranogo agenta), URL: <https://www.levada.ru/2021/11/25/molodezh-ot-moskvy-do-bryanska-privedet-li-smena-pokolenij-k-modernizatsii-strany/>. (In Russ.)].
- Волошинская, А. А., Комаров, В. М. (2015) ‘Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы’, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 4, сс. 90–102. [Voloshinskaya, A. A., Komarov, V. M. (2015) ‘Evidence-based public policy: problems and prospects’ (Dokazatel`naya gosudarstvennaya politika: problemy` i perspektivy`)], *Vestnik Instituta e`konomiki Rossijskoj akademii nauk*, 4, pp. 90–102. (In Russ.)].
- Господство против политики: российский случай (2019) / под ред. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой, Москва: РОССПЭН, 318 с. [Domination versus Politics: The Russian Case (2019) [Gosподство protiv politiki: rossijskij sluchaj]] / pod red. S. V. Patrusheva, L. E. Filippovoj, Moscow: ROSSPE`N, 318 p. (In Russ.)].
- Джессопп, Б. (2019) *Государство. Прошлое, настоящее, будущее*. Москва: Дело, 504 с. [Dzhessop, B. (2019) *State. Past, present, future* [Gosudarstvo: proshloe, nastoyashhee i budushhee]. Moscow: Delo, 504 p. (In Russ.)].
- Михайлов, А. П. (1996) ‘Моделирование эволюции распределения власти в государственных иерархиях’, *Вестник фонда «Российский общественно-политический центр*, 2, сс. 26–39. [Mikhailov, A. P. (1996) ‘Modeling the evolution of the distribution of power in state hierarchies’ [Modelirovanie e`volucii raspredeleniya vlasti v gosudarstvenny`kh ierarkhiyakh], *Vestnik fonda «Rossijskij*

- obshhestvenno-politicheskij centr*, 2, pp. 26–39. (In Russ.).
- Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. (2020) 'Особенности институтов и механизмов публичного взаимодействия власти и гражданского общества на муниципальном уровне (по результатам социологического исследования)' в: *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт / отв. ред Н. В. Кефнер*. Омск: Издательство Омского государственного университета, сс. 371–374. [Nikovskaya, L. I., Yakimecz, V. N. (2020) 'Features of institutions and mechanisms of public interaction between government and civil society at the municipal level (based on the results of a sociological study)' *Osobennosti institutov i mexanizmov publichnogo vzaimodejstviya vlasti i grazhdanskogo obshhestva na municipal`nom urovne (po rezul`tatam sociologicheskogo issledovaniya)* in: *Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience* [Razvitie politicheskix institutov i processov: zarubezhny`j i otechestvenny`j opy`t] / Otv. red N. V. Kefner. Omsk: Izdatel`stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 371–374. (In Russ.).]
- Перегудов, С. П. (2005) *Корпоративный капитал в мировой и российской политике*. Москва: ИМЭМО, 99 с. [Peregudov, S. P. (2005) *Corporate capital in world and Russian politics* [Korporativny`j kapital v mirovoj i rossijskoj politike]. Moscow: IME`MO, 99 p. (In Russ.).]
- Политико-государственное управление* (2019) / под ред. В. Комаровского и Л. Сморгунова. Москва: Аспект Пресс, 407 с. [Political and public administration (2019) [Politiko-gosudarstvennoe upravlenie] / pod red. V. Komarovskogo i L. Smorgunova. Moscow: Aspekt Press, 407 p. (In Russ.).]
- Пушкарева, Г. В., Михайлова, О. В., Батоврина, Е. В. (2021) 'Политические ориентации российского студенчества', *Южно-российский журнал социальных наук*, 22 (1), сс. 19–33. [Pushkareva, G. V., Mixajlova, O. V., Batovrina, E. V. (2021) 'Political orientations of Russian students' [Politicheskie orientacii rossijskogo studentchestva], *Yuzhno-rossijskij zhurnal social`ny`x nauk*, 22 (1), pp. 19–33. (In Russ.).]
- Рейни, Х. Дж. (2004) *Анализ и управление в государственных организациях*. Москва: Инфра-М, 401 с. [Rejni, X. Dzh. (2004) *Analysis and management in government organizations* [Analiz i upravlenie v gosudarstvenny`x organizacijax]. Moscow: Infra-M, 401 p. (In Russ.).]
- Соловьев, А. И. (2021) '«Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ', *Контурь глобальных трансформаций*, 14 (5), сс. 61–80. [Solov`ev, A. I. (2021) "'Evidence policy" and "evidence politics": the dilemma of post-Soviet societies' [«Dokazatel`naya politika» i «politika dokazatel`stv»: dilemma postsovetskich obshhestv)], *Kontury` global`ny`x transformacij*, 14 (5), pp. 61–80. (In Russ.).]
- Baldwin, R. and Cave, M. (1999) *Understanding Regulation: Theory, Strategy, and Practice*. Oxford and New York: Oxford University Press, pp.129–135.
- Bevir, M. (2011) *Key Concepts in Governance*. Sage. Los Angeles. London, New Delhi, Singapore, Washington DC, p. 218.
- Börzel, T. A. (1998) 'Organizing Babylon on the Different Conception of Policy Networks', *Public Administration*, vol. 76, pp. 253–273.
- Börzel, T. A. and Buzogány, A. (2010) 'Governing EU Accession in Transition Countries: The Role of Non-State Actors', *Acta Politica*, 45(1–2), pp. 158–182.
- Engeli, I. and Rothmayr, C. (2016) 'When Doctors Shape Policy: The Impact of Self-Regulation on Governing Human Biotechnology', *Regulation & Governance*, 10(3), pp. 248–261.
- Euchner, Eva-Maria and Caroline, Preidel (2016) 'When morality policies meet governance: private governance as response to value-driven conflicts', *Journal of Public Policy*, Cambridge University Press, pp. 1–25.
- Héritier, A. and Lehmkuhl, D. (2008) 'The Shadow of Hierarchy and New Modes of Governance', *Journal of Public Policy*, 28(1), pp. 1–17.
- Fredriksson, M., Blomqvist, P. and Winblad, U. (2012) 'Conflict and Compliance in Swedish Health Care Governance: Soft Law in the «Shadow of Hierarchy»', *Scandinavian Political Studies*, 35(1), pp. 48–70.
- Kickert, W. J. M., Klijn, E. H., Koppenjan, J. F. M (1997) 'A Management Perspective on

Policy Networks' in: *Managing complex networks: Strategies for the public sector* / ed. Kickert, W. J. M., Klijn, E. H., Koppenjan, J. F. M. London. Sage, p. 10, pp. 35–61.

Knill, C., Adam, C. and Hurka, S. (eds.) (2015) *On the Road to Permissiveness*. Oxford: Oxford University Press, 272 p.

Streeck, W. and Schmitter, P. C. (1985) 'Community, Market, State-and Associations? The Prospective Contribution of Interest Governance to Social Order', *European Sociological Review*, 1(2), pp. 119–138.

Tosun, J., Koos, S. and Shore, J. (2016) 'Co-Governing Common Goods: Interaction Patterns of Private and Public Actors', *Policy and Society*, 35, pp. 1–12.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2022

Статья принята к печати: 30.04.2022

«STATE MANAGEMENT» AND «PUBLIC ADMINISTRATION»: CONFLICTS OF CONCEPTS AND PRACTICES

A. I. Solovyev

A. I. Solovyev, doctor of political sciences, professor,
Moscow State University M. V. Lomonosov.
E-mail: solovyev@spa.msu.ru (ORCID 0000-0001-7146-0299).

Abstract

The growth of various versions of the reform of the public administration system, focusing on the monopolistic powers of the centers of supreme power, poorly reflect the positioning and activity of local centers of influence, which reduces the effectiveness of public institutions and does not allow to aggregate the constructive energy of society. The creation of conditions for the institutionalization of the actual influence of local structures on social processes involves a transition from the model of "public administration" to a broad political and managerial structure - "state management", which allows interpreting the entire palette of relations between the ruling/subordinate and the governing/governed within the framework of the national state. Various possibilities of modern polities in the institutionalization of this political and administrative architecture show the flaws in the democratic configuration of relations between the state and society existing in these countries, as well as the possibilities of preventing the risks of political destabilization.

Keywords: power; public administration; local structures; public decision-making; state governance; democracy.

УДК-352.075(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-49-58

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Е. В. Фролова, О. В. Рогач

Фролова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: efrolova06@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8958-4561).

Рогач Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: rogach16@mail.ru (ORCID: 0000-0002-3031-4575).

Аннотация

Анализируется специфика формирования доверия населения к власти. Ведущим методом исследования выбран анкетный опрос (N=587 чел.). Результаты исследования иллюстрируют низкий уровень доверия населения к власти. Оценки респондентов связываются с воспринимаемой несостоятельностью власти в вопросах решения насущных проблем, коррупцией. Сделан вывод, что данные мнения не опираются на целенаправленный поиск и критическое осмысление информации, большинство опрошенных не интересуются деятельностью органов власти, не отслеживают соответствующие новости. При этом выявлено, что наибольшим потенциалом среди информационных источников обладают социальные сети/личные аккаунты политиков, цифровые сообщества. Более половины респондентов состоят в цифровых сообществах города, что рассматривается как ресурс сближения позиций власти и населения. Установлено, что респонденты достаточно высоко оценивают развитие у себя таких качеств, как солидарность, инициативность. Однако реальные практики включения жителей в решение местных проблем ограничены участием в мероприятиях добровольно-принудительного характера (субботники) и иждивенческой активностью (жалобы, обращения на порталы). Данное противоречие указывает на отсутствие целенаправленной политики по развитию потенциала общественного участия, его конвертирования в конструктивные формы гражданской активности. Видится значимым развитие цифровых сетевых взаимодействий как институционального механизма формирования доверия между населением и властью. Принципами формирования доверия в условиях цифровых сетевых взаимодействий являются следующие: информационная открытость власти, достоверность сведений, реальная, а не декларируемая возможность влияния на принятие управленческих решений.

Ключевые слова: доверие; органы власти; цифровые сообщества; сетевое взаимодействие; население; информация.

Введение

Доверие представляет собой значимый элемент взаимодействия власти и общества, «барометром» отношения граждан к деятельности органов управления (Hetherington, Rudolph, 2015; Медведева и др., 2021). В международных исследованиях подчеркивается, что снижение доверия к власти ведет к нарастанию таких негативных тенденций, как деструктивная общественная активность, несоблюдение законов и социальных норм (Widaningrum, 2017), снижает эффективность реализации управленческих решений (Clark, Lee, 2001). В условиях кризиса снижение доверия к власти приобретает особенно яркие проявления, детерминируя социальную аномию, непредсказуемость поведенческих моделей, нарушение устоявшихся паттернов социального взаимодействия (Louis и др., 2022).

В российских исследованиях вопрос формирования доверия к власти также имеет высокую актуальность, предпринимается попытка выделения ключевых факторов его формирования, определения механизмов построения долгосрочных доверительных отношений (Макаренко, 2021; Проказина, 2021). М. Ю. Малкина, В. Н. Овчинников и К. А. Холодilin в качестве ведущего фактора формирования доверия выделяют воспринимаемую гражданами эффективность власти, успешность реше-

ния социально-экономических и политических проблем (Малкина и др., 2020). Н. Н. Розанова обращает внимание на роль репутационного капитала власти, который складывается из таких характеристик, как надежность сотрудничества, стабильность проводимой политики, устойчивость форм взаимодействия (Розанова, 2016). В. О. Киселев выделяет такие ключевые свойства доверия, как инструментальный характер, то есть обусловленность ситуационными факторами, и конструируемость, что предполагает возможность его формирования посредством реализации ряда мероприятий (Киселев, 2014). В частности, дефицит институционального доверия может быть восполнен активизацией неформальных связей, складывающихся в цифровых сообществах (Ушамирский, 2015). Л. Е. Ильичева, А. О. Кондрашов и А. В. Лапин полагают, что решение задачи установления доверительных отношений между властью и обществом видится в создании открытой информационно-коммуникативной площадки, развития экосистемного сетевого взаимодействия (Ильичева и др., 2021).

Аналогичные выводы сделаны и в зарубежных исследованиях. По мнению С. Starke, F. Marcinkowski, F. Wintterlin, политические коммуникации через социальные сети формируют устойчивый фундамент для построения доверительных отношений власти и общества. Репрезентативный онлайн-опрос в Германии показал, что взаимодействие с политиками в социальных сетях повышает воспринимаемую привлекательность образа политического деятеля и доверие к власти (Starke и др., 2020). По мнению L. Estrada и F. Bastida, факторами формирования доверия к местной власти являются открытость органов управления, вовлечение граждан в решение муниципальных вопросов, объективность предоставляемой информации по волнующим общественность вопросам (Estrada, 2020). Данную позицию разделяют и другие исследователи, которые указывают на необходимость предоставления широкого доступа населения к информации. В этом контексте, информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие создание площадок цифрового взаимодействия власти и общества, являются драйвером формирования доверия (Mahmood и др., 2020; Kang and Zhu, 2021).

Методы. В своей работе авторы опирались на комплекс методов исследования (анализ, обобщение, систематизация данных, сравнение и пр.). Ведущим методом исследования выбран анкетный опрос населения (N=587 чел.). Анкета подготовлена на Google.forms, ссылка на которую была размещена в цифровых сообществах муниципальных образований РФ¹. Рекрутинг респондентов осуществлялся по принципу снежного кома, что определило размер выборочной совокупности и территориальный охват исследования (в выборку попали муниципальные образования из 53 регионов РФ)². Характер исследования – разведывательный.

Социально-демографический портрет респондентов представлен следующим образом: 63,5% женщин и 36,5% мужчин. 52% респондентов в возрасте 18-25 лет, 26,4% респондентов в возрастном диапазоне 26-35 лет; 15% – 36-45 лет и 6,6% – старше 46 лет. Среди опрошенных 57,2% проживают в крупных городах; 24,2% – в средних городах и 18,6% – в малых городах России. Из выборки целенаправленно были исключены сельские поселения, что определяется задачами изучения цифровых сетевых взаимодействий. Ограничения исследования связаны с его разведывательным характером, а также с методом рекрутинга респондентов.

Цель исследования: оценка уровня доверия населения к власти и определение перспектив его развития, рассмотрение цифровых сетевых взаимодействий как нового институционального механизма формирования доверия

Авторами ставились в том числе следующие исследовательские задачи:

- оценка вовлеченности граждан во взаимодействие с местными органами власти, определение форм общественной активности, изменение позиции граждан за период пандемии;
- оценка протестной активности населения;

¹ Анкета на Google.forms. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfL3c7g6MDSjzSsqRSG3eNxxqOBZGWzA5SC3XAs29C8pWvOjxA/viewform?usp=sf_link.

² Выборочная совокупность представлена следующими регионами: Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Ивановская область, Иркутская область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Кемеровская область, Костромская область, Краснодарский край, Красноярский край, Крым, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Магаданская область, Москва, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Псковская область, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Республика Тыва, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Смоленская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская область, Чеченская республика.

- анализ цифровых сетевых взаимодействий как институционального механизма формирования доверия к власти;
- оценка населением значимости различных информационных источников при получении сведений о деятельности местных органов власти и формирования доверия населения к ней.

Результаты. Распределение ответов респондентов демонстрирует отсутствие полярных позиций в оценках уровня доверия населения к власти (рис. 1). При этом по отношению к жителям своего города респонденты отмечают более высокий уровень доверия (12,1% – «высокий» и 54,9% – «средний»), нежели к органам власти в целом. Оценка доверия населения к местным органам власти оценивается в средне-низком диапазоне: 45,8% опрошенных выбрали вариант ответа «средний» и 38,4% – «низкий».

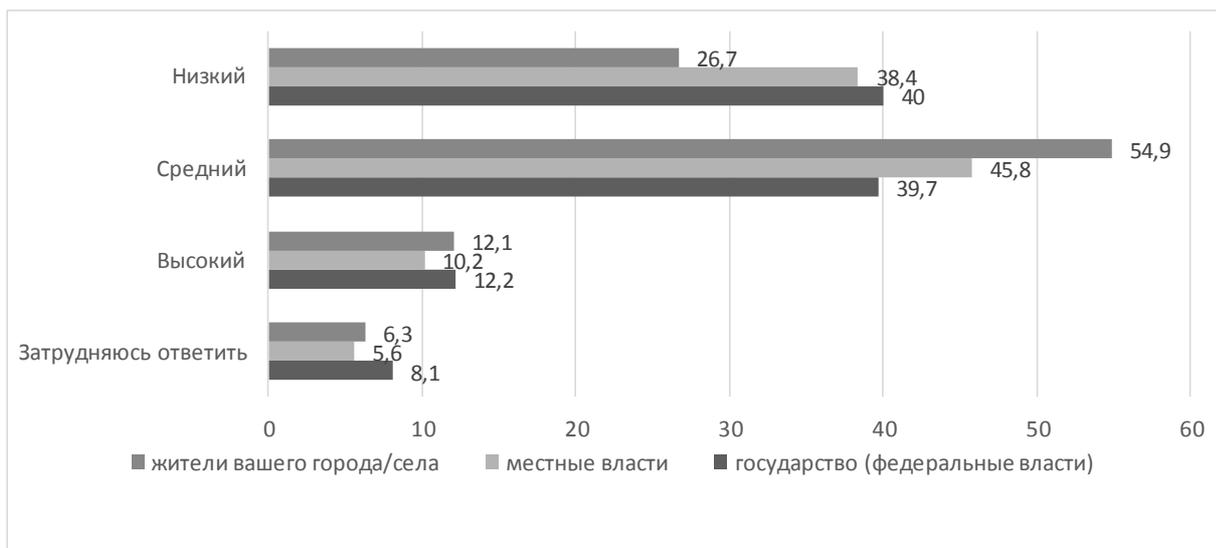

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, уровень доверия к...?», %

Среди опрошенных, выбравших вариант ответа «низкий» при оценке уровня доверия к местным органам власти, были отмечены следующие причины: 41,2% – «никакие предвыборные обещания власть не выполняет»; 48,6% – «много проблем в моем городе/селе, а власть ничего не решает». Несомненное лидерство закреплено за следующей причиной – «во власти всегда есть коррупция и интересы чиновников, тогда как интересы местных жителей не будут соблюдаться» (61,2%).

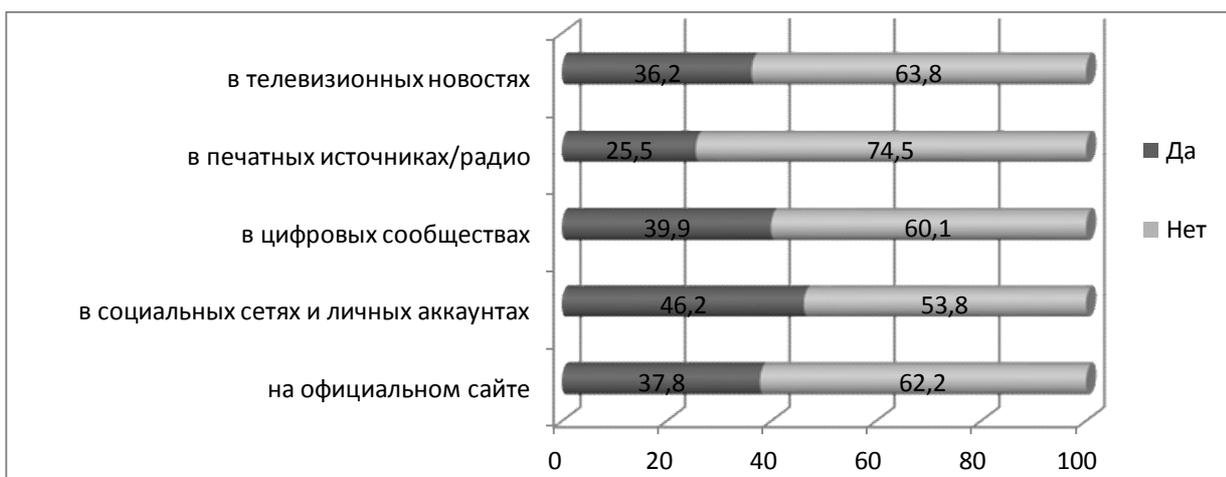

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Распределение ответов на вопрос: «Отслеживаете ли Вы деятельность главы вашего города в различных источниках?», %

Согласно полученным данным, чаще всего респонденты отслеживают информацию о деятельности главы города в таких источниках, как: социальные сети/личные аккаунты (46,2%) и цифровые сообщества (39,9%). Печатные источники и радио как источник информации о деятельности вла-

стей пользуются наименьшей популярностью (25,5%) (рис. 2). Стоит отметить, что 59,3% опрошенных респондентов состоят в цифровых городских сообществах. Таким образом, достаточно высокий уровень включенности населения в цифровые сетевые взаимодействия, а также роль цифровых форм коммуникации (цифровые сообщества, социальные сети и пр.) демонстрирует возможность рассмотрения данных практик как нового институционального механизма формирования доверия населения к деятельности органов власти.

В целом, среди тех респондентов, кто отслеживает деятельность главы города на различных цифровых платформах, уровень доверия к местным органам власти выше, чем в среднем по выборке на 2-3 п.п. (таблица). С некоторой долей вероятности, можно предположить, что обращение граждан к информации на официальном сайте Администрации оказывает влияние на повышение уровня доверия к местным органам власти.

Оценка уровня доверия граждан к местным органам власти в зависимости от внимания к деятельности главы города на различных цифровых платформах, %

Отслеживаете ли Вы деятельность главы вашего города	Оцените, пожалуйста, уровень доверия к местным органам власти				Всего
	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить	
<i>социальных сетях и личных аккаунтах</i>					
да	12,7	49,9	34,7	2,7	100
нет	8,2	42,7	41,2	7,9	100
<i>цифровых сообществах</i>					
да	12,7	46,4	38,6	2,3	100
нет	8,7	45,6	38,1	7,6	100
<i>официальном сайте</i>					
да	13,6	49,4	34,7	2,3	100
нет	8,3	43,8	40,4	7,5	100
Среднее по выборке	10,2	45,8	38,4	5,6	100

Несмотря на демонстрируемое недовольство и низкий уровень доверия к органам власти, практически треть от общей доли респондентов (31,2%) не отмечает у себя наличие протестных настроений, а 28,4% респондентов склоняются к мнению, что в случае проведения в месте их проживания протестных акций, они, скорее всего, не стали бы присоединяться к протесту (рис. 3).

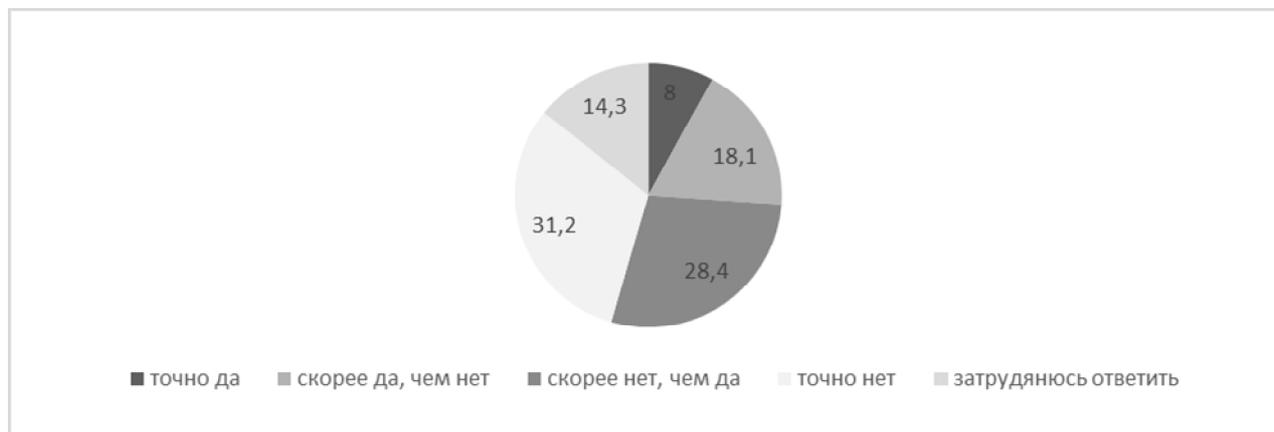

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Если бы в вашем городе / сельском поселении проводились протестные акции, Вы к ним присоединитесь?», %

Возможно, низкая протестная активность населения связана с иным контекстом жизни респондентов. В частности, распределение ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?» демонстрирует следующее распределение: каждого пятого опрошенного (20,4%) полностью устраивает его жизнь, а практически половина респондентов (45%) выбрала вариант ответа – «скорее устраивает». Таким образом, доминирующая доля населения высказалась в положительном ключе, тогда как отрицательная позиция свойственна только 8,5% (выбрали вариант ответа – «совсем не устраивает»).

Интерес представляет тот факт, что у значительной доли опрошенных отмечается ориентация на консолидированное решение проблем своей территории. В частности, респондентам было предложено оценить степень развития у себя таких качеств, как сплоченность, способность к сопереживанию и инициативность в решении проблем. Согласно полученным ответам $\frac{2}{3}$ опрошенных отвечают наличие у себя чувства общности, солидарности с жителями своего района/города (27,3% выбрали вариант ответа «развито в полной мере» и 40,5% – «скорее развито, чем нет»). Схожее распределение ответов наблюдается и по другим критериям (рис. 4).

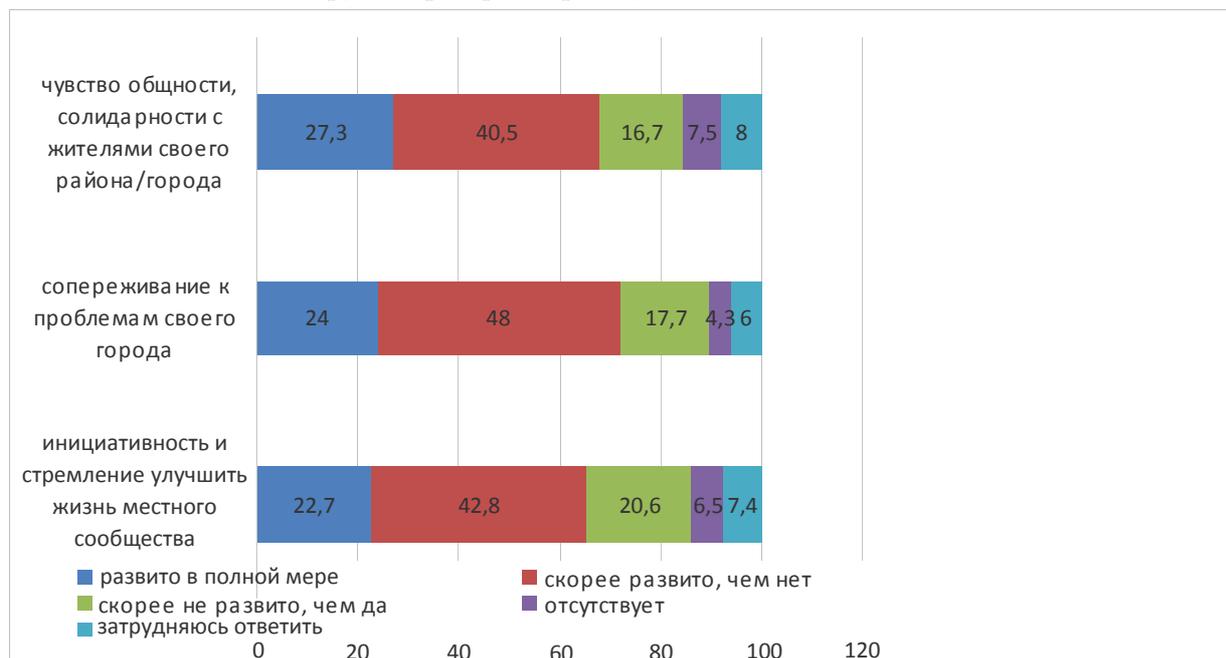

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, развитие у себя следующих качеств...?», %

Для нашего исследования представлялась значимой идентификация изменения позиции населения за период пандемии. Распределение ответов на вопрос «За период пандемии, Вы более активно стали участвовать в жизни города?» не показало наличие таких изменений. В частности, 13,3% отметили, что «никогда не участвовал и не планирую», а 45,5% отметили, что ничего не изменилось. 14,3% всегда активно участвовали в жизни своего города, и пандемия также не изменила их жизненную позицию. Только 16% опрошенных выбрали вариант ответа – «да, стал активнее».

Ввиду того обстоятельства, что респондентами отмечается достаточно активная позиция по вопросам участия в жизни своего города, интерес представляет распределение ответов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, виды общественной активности, в которых Вы принимали участие за последние 5 лет». Указанный промежуток времени охватывает как допандемийный период, так и время эпидемиологического кризиса. Согласно полученным ответам, чаще всего респонденты участвовали в субботниках (55,9%) (рис. 5).

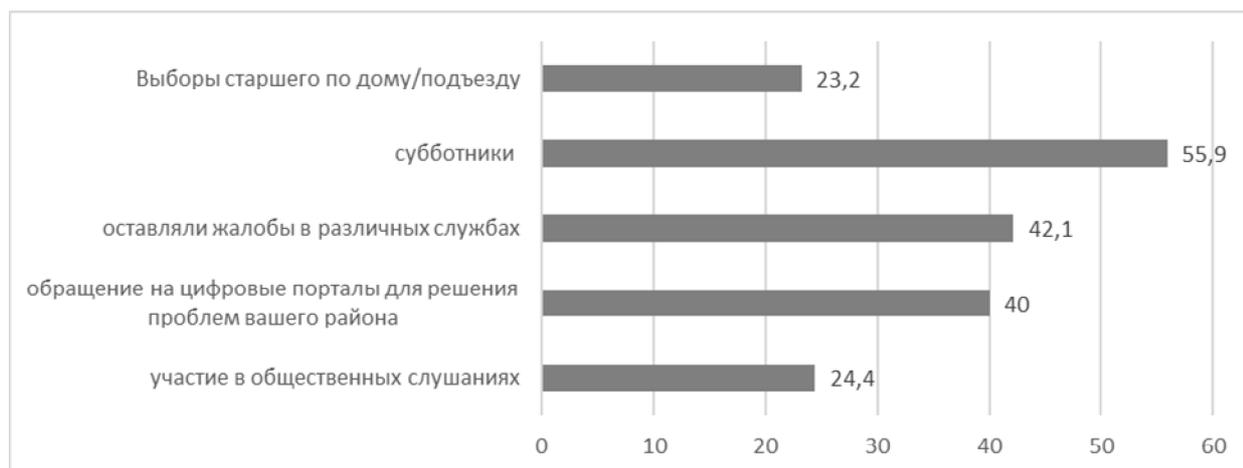

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, виды общественной активности, в которых Вы принимали участие за последние 5 лет», множественный выбор, %

Участие в общественных слушаниях» и «выборы старшего по дому/подъезду» как формы включения населения в практики самоуправления не показали высоких результатов. Только каждый четвертый опрошенный принимал в них участие (23,2 и 24,4%, соответственно).

Стоит отметить высокий уровень активности, направленной на донесение проблемных вопросов до органов власти. Согласно результатам исследования, за последние 5 лет 42,1% опрошенных «оставляли свои жалобы в различных службах»; 40% – «обращались на цифровые порталы для решения проблем своего района».

Несмотря на достаточно высокий уровень активности по данному вопросу, можно предположить, что в целом население не рассматривает местные власти как субъект, который может обеспечить решение проблем, волнующих сегодня общественность (рис. 5). Так, при распределении ответов на вопрос: «В случае возникновения проблемы, к кому вы обратитесь за помощью?» позиции, относящиеся к официальным структурам – «местные органы власти», «государственные службы/учреждения» демонстрируют достаточно низкие позиции (10,6 и 11,4%, соответственно). Данные тенденции подтверждают вывод о низком уровне доверия населения к власти. Общественные организации также не рассматриваются общественностью в качестве возможного «помощника» решения проблем (10,2%).

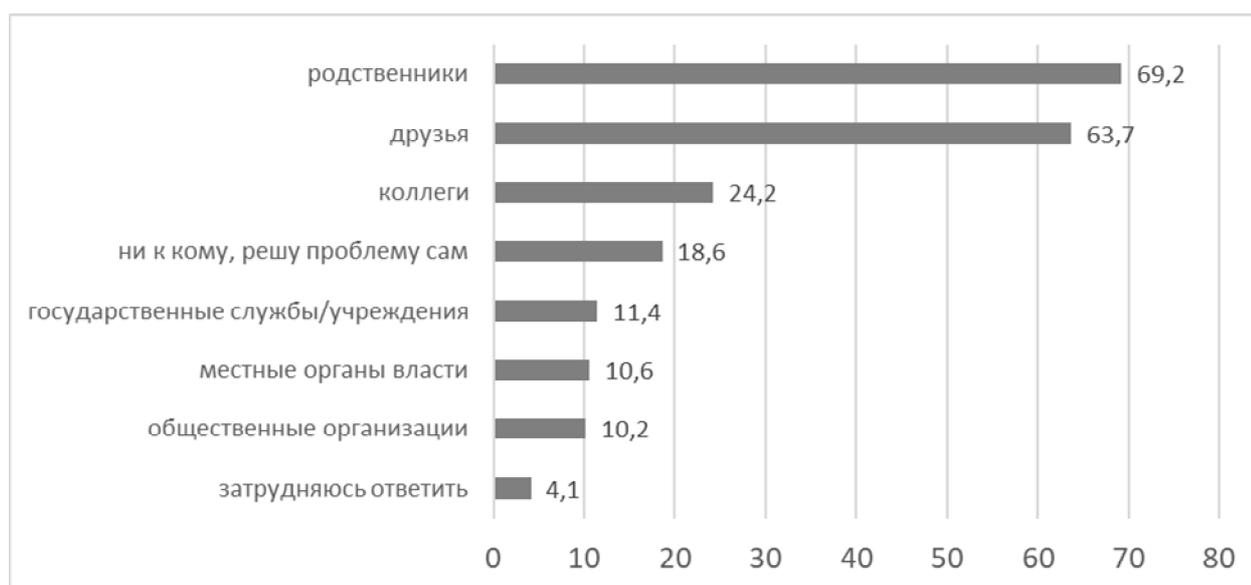

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «В случае возникновения проблемы, к кому вы обратитесь за помощью?», множественный выбор, %

Вместе с тем $\frac{2}{3}$ опрошенных полагают, что в случае возникновения проблемы они бы обратились за помощью к родственникам (69,2%) и друзьям (63,7%). Данное распределение ответов коррелирует как с оценками доверия к ключевым субъектам взаимодействия, так и с оценкой степени развития чувства сплоченности/сопереживания. При этом стоит отметить, что сохраняется доля тех, кто не стал бы ни к кому обращаться и попытался бы решить проблему самостоятельно (18,6%).

Обсуждение. Результаты исследования в целом демонстрируют низкий уровень доверия как к государственным, так и к местным органам власти (40 и 38,4%, соответственно). Причинами такого положения дел является воспринимаемая жителями несостоятельность властей: неисполнение предвыборных обещаний, наличие нерешенных проблем, коррупция. Полученные данные подтверждаются другими исследованиями. В частности, Д. Ф. Терин отмечает несоответствие «состояния российской политической системы ожиданиям граждан, что снижает уровень доверия в обществе» (Терин, 2018). Данные результаты также коррелируют с выводами О. А. Александровой, в работах которой отмечается «два полюса доверия: ближнему кругу и Главе государства» (Александрова, 2019).

Материалы исследования показали некоторую дискуссионность по определению основ формирования доверия к деятельности местных органов власти. В частности, возникает вопрос, каковы факторы, снижающие уровень доверия российских граждан в условиях ограниченности информации, отсутствия интереса к муниципальной повестке дня, получению сведений о работе руководителей органов местного самоуправления. Так, большинство опрошенных дали отрицательный ответ на вопрос, отслеживают ли они деятельность главы города в различных источниках. Тем не менее, в оценках респондентов преобладают стереотипные мнения о бездействии местных властей, неисполнении предвыборных обещаний, коррумпированности местных чиновников.

Иррациональность контуров построения доверия иллюстрируется в особенностях российской ментальности, что определяет приоритет неформальных практик информационного обмена. А. Э. Ушамирский, развивая данную идею, предполагает, что дефицит доверия может быть компенсирован неформальными связями, интенсификацией цифрового взаимодействия представителей власти и общества (Ушамирский 2015). Эффективность данных практик цифрового сетевого взаимодействия должна обеспечиваться реализацией трех принципов: прозрачность, сотрудничество и участие (Mergel, 2013).

Результаты исследования показали интересное противоречие между самооценкой личностных качеств (солидарность, инициативность) и низким уровнем включенности в управленческие практики решения проблем на местах. Общественная активность населения принимает формы, которые предполагают возможность высказаться, оставить жалобу, в том числе на цифровых порталах, или добровольно-принудительный характер участия (субботники). Такие формы общественной активности, как участие в общественных слушаниях или выборы старшего по дому, продемонстрировал только каждый четвертый опрошенный. При этом практически $\frac{2}{3}$ респондентов отметили наличие у себя таких качеств, как «инициативность и стремление улучшить жизнь местного сообщества».

Авторы задаются вопросом: какие формы принимает инициативность граждан в современных условиях? Следует ли властям расширить свое цифровое присутствие, рассматривать цифровые сообщества как рупор своей политики, площадку для диалога и конструктивного сотрудничества? Данные вопросы волнуют научное сообщество, что определяет поиск стратегий сближения позиций власти и населения в условиях цифровых сетевых взаимодействий. Н. А. Ильинова обращает внимание на потенциал социальных сетей в заполнении информационного вакуума, предотвращении распространения фейковых новостей, сохранении эмоционального фона, снижения тревожности и панических настроений в условиях нестабильности (Ильинова, 2020). Данный вывод коррелирует с результатами авторского исследования. В частности, установлено, что чаще всего население обращается за информацией к социальным сетям и личным аккаунтам политических руководителей, а также ищет необходимую информацию в цифровых городских сообществах.

Заключение

На основе полученных данных, авторы делают вывод о наличии низкого уровня доверия к власти. При этом респонденты, ориентированные на развитие местных сообществ, отмечают наличие у себя таких качеств, как чувство общности, солидарности, сопереживание проблемам своего города. Следствием данного положения, становится более высокий уровень доверия респондентов к жителям своего места проживания, нежели к органам власти.

Полученные данные также позволяют сделать вывод о наличии низкого уровня интереса респондентов к деятельности местных органов власти в целом. Более половины опрошенных не отслеживают информацию о деятельности главы города. Среди тех, кто все-таки имеет такой интерес, наименьшую востребованность демонстрируют такие источники, как печатные СМИ / радио и телевизионные новости. Наибольшую востребованность демонстрируют такие источники, как социальные сети и личные аккаунты, цифровые сообщества.

Установлено, что более половины респондентов состоят в цифровых сообществах своего города. Кроме того, общественная активность населения характеризуется также использованием цифровых порталов для обращения к власти. Таким образом, делается вывод, что в новых условиях перспективы роста доверия общества к власти связываются с развитием цифровых сетевых взаимодействий, созданием цифровых платформ для диалога.

Также делается вывод, что респондентами достаточно высоко оцениваются личные качества, связанные с инициативностью, солидаризацией, сопереживанием и стремлением улучшить жизнь города. Однако на практике данный потенциал общественной активности находит свое выражение только в практиках участия в добровольно-принудительных мероприятиях и ходатайствах к власти для решения проблем. Данное противоречие указывает на отсутствие целенаправленных действий местных властей по развитию потенциала общественного участия, его конвертирования в конструктивные формы гражданской активности, партнерских отношений с органами власти. В этом контексте развитие цифровых сетевых взаимодействий может стать фундаментом построения доверия к власти при соблюдении принципов информационной открытости, достоверности и возможности реального влияния населения на повышение качества жизни местных сообществ.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Список литературы / References

- Александрова, О. А. (2019) 'Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития', *Экономическое возрождение России*, 3 (61), сс. 71–81. [Aleksandrova, O. A. (2019) 'Ensuring an atmosphere of trust as a condition for economic development' [Obespecheniye atmosfery doveriya kak usloviye ekonomicheskogo razvitiya], *Economic revival of Russia*, 3 (61), pp. 71–81. (In Russ.)].
- Ильинова, Н. А. (2020) 'Деятельность "четвертой власти" в условиях глобального вызова: оценки регионального сообщества', *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 4 (269), сс. 132–137. [Ilyinova, N. A. (2020) 'The activity of the "fourth estate" in the face of a global challenge: assessments of the regional community' [Deyatel'nost' "chetvertoy vlasti" v usloviyakh global'nogo vyzova: otsenki regional'nogo soobshchestva], *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, 4 (269), pp. 132–137. (In Russ.)].
- Ильичева, Л. Е., Кондрашов, А. О., Лапин, А. В. (2021) 'Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, сс. 162–185. [Ilicheva, L. E., Kondrashov, A. O., Lapin, A. V. (2021). 'Trust as a bridge over the abyss of uncertainty between government and society' [Doveriye kak most nad propast'yu neuverennosti mezhdru vlast'yu i obshchestvom], *Public opinion monitoring: economic and social changes*, 2, pp. 162–185. (In Russ.)]. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917.
- Киселев, В. О. (2014) 'Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6 (124), сс. 51–64. [Kiselev, V. O. (2014) 'Trust in political institutions in Russia: the experience of sociological monitoring' [Doveriye k politicheskim institutam v Rossii: opyt sotsiologicheskogo monitoringa], *Public opinion monitoring: economic and social*

- changes*, 6 (124), pp. 51–64. (In Russ.)). DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.05.
- Макаренко, Д. Г. (2021) 'Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти', *Мониторинг правоприменения*, 2 (39), сс. 21–26. [Makarenko, D. G. (2021). 'Mechanisms for the formation of public confidence in the institutions of state power' [Mekhanizmy formirovaniya doveriya obshchestva k institutam gosudarstvennoy vlasti], *Monitoring pravoprimeneniya*, 2 (39), pp. 21–26. (In Russ.)). DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-21-26.
- Малкина, М. Ю., Овчинников, В. Н., Холодильник, К. А. (2020) 'Институциональные факторы политического доверия в современной России', *Журнал институциональных исследований*, 12 (4), сс. 77–93. [Malkina, M. Yu., Ovchinnikov, V. N., Kholodilin, K. A. (2020) 'Institutional factors of political trust in modern Russia' [Institutsional'nyye faktory politicheskogo doveriya v sovremennoy Rossii], *Journal of Institutional Studies*, 12 (4), pp. 77–93. (In Russ.)). DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093.
- Медведева, Н. В., Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2021) 'Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью', *Социологические исследования*, 10, сс. 132–137. [Medvedeva, N. V., Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2021) 'Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with local authorities' [Vzaimodeystviye i perspektivy partnerstva territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya s mestnoy vlast'yu], *Sociological research*, 10, pp. 132–137. (In Russ.)). DOI: 10.31857/S013216250015275-5.
- Проказина, Н. В. (2021) 'Цифровая грамотность как основа диалога власти и населения в условиях пандемии', *Цифровая социология*, 4 (3), сс. 36–43. [Prokazina, N. V. (2021) 'Digital literacy as a basis for dialogue between the authorities and the population in a pandemic' [Tsifrovaya gramotnost' kak osnova dialoga vlasti i naseleniya v usloviyakh pandemii], *Digital Sociology*, 4 (3), pp. 36–43. (In Russ.)). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43.
- Розанова, Н. Н. (2016) 'Репутационный капитал власти как ресурс регионального развития', *Вестник государственного и муниципального управления*. 3 (22), сс. 63–68. [Rozanova, N. N. (2016) 'The reputational capital of the authorities as a resource for regional development' [Reputatsionnyy kapital vlasti kak resurs regional'nogo razvitiya], *Bulletin of state and municipal administration*, 3 (22), pp. 63–68. (In Russ.)). DOI: 10.12737/22391.
- Терин, Д. Ф. (2018) 'Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов', *Социологический журнал*, 2, сс. 90–109. [Therin, D. F. (2018). 'The construction of political trust in Russia: the effectiveness and fairness of political institutions' [Konstruktsiya politicheskogo doveriya v Rossii: effektivnost' i spravedlivost' politicheskikh institutov], *Sociological journal*, 2, pp. 90–109. (In Russ.)). DOI: 10.19181/socjour.2018. 24.2.5846.
- Ушамирский, А. Э. (2015) 'Проблема институционального доверия в молодежной среде' *Символ науки*, 10-2, сс. 253–258. [Ushamirsky, A. E. (2015) 'The problem of institutional trust in the youth environment' [Problema institutsional'nogo doveriya v molodezhnoy srede], *Symbol of Science*, 10-2, pp. 253–258. (In Russ.)).
- Clark, J. R., Lee, D. R. (2001) 'The optimal trust in government', *Eastern Economic Journal*, 27 (1), pp. 19–34.
- Estrada, L., Bastida, F. (2020) 'Effective transparency and institutional trust in honduran municipal governments', *Administration & Society*, 52 (6), pp. 890–926. DOI: 10.1177/0095399719874346.
- Hetherington, M., Rudolph, T. (2015) 'Why Washington won't work: Polarization, political trust, and the governing crisis', *University of Chicago Press*. DOI: 10.5860/choice.194934.
- Kang, S., Zhu, J. (2021) 'Do people trust the government more? Unpacking the distinct impacts of anticorruption policies on political trust', *Political Research Quarterly*, 74 (2), pp. 434–449. DOI: 10.1177/1065912920912016.
- Louis, Z. B., Nicoli, F., Wayenberg, E., Verschuere, B. (2022) 'In trust we trust: The impact of trust in government on excess mortality during the COVID-19 pandemic', *Public Policy and Administration*. DOI: 10.1177/09520767211058003.
- Mahmood, M., Weerakkody, V., Chen, W. (2020) 'The role of information and communica-

tions technology in the transformation of government and citizen trust', *International Review of Administrative Sciences*, 86 (4), pp. 708–728. DOI: 10.1177/0020852318816798.

Mergel, I. (2013) 'A framework for interpreting social media interactions in the public sector', *Government Information Quarterly*, 30(4), pp. 327–334. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.015.

Starke, C., Marcinkowski, F., Wintterlin, F. (2020) 'Social networking sites, personalization, and trust in government: empirical evidence for a mediation model', *Social Media + Society*. DOI: 10.1177/2056305120913885.

Widaningrum, A. (2017) 'Public trust and regulatory compliance', *Jurnal Ilmu Sosial Dan Ilmu Politik*, 21(1), pp. 1–13. DOI: 10.22146/jsp.28679.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 30.04.2022

Статья принята к печати: 01.05.2022

INSTITUTIONAL TRUST WITHIN RUSSIAN REGIONS

E. V. Frolova, O. V. Rogach

E. V. Frolova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: efrolova06@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8958-4561).

O. V. Rogach, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: rogach16@mail.ru (ORCID: 0000-0002-3031-4575).

Abstract

The article analyzes the specifics of the formation of public confidence in the authorities. The leading research method was a questionnaire survey of the population (N=587 people). There is a low level of trust in federal and local authorities. Respondents' assessments are associated with the perceived failure of the authorities in solving pressing problems. It is concluded that these opinions are not based on a targeted search and critical understanding of information, as the majority of respondents are not interested in local politics and do not follow the news. Simultaneously, it was revealed that social networks / personal accounts of politicians, and digital communities have the greatest potential among information sources. However, the actual practices of involving residents in solving local problems are limited to participation in voluntary-compulsory events (subbotniks – group cleaning of specific areas) and passive / dependent activity (complaints, appeals, etc.). This contradiction indicates the lack of targeted actions to develop the potential of public participation. It seems significant to develop digital network interactions as an institutional mechanism for building trust between the population and the authorities. The principles of trust formation in digital network interactions are as follows: information openness of the authorities, reliability of information, real possibility of influencing decision-making.

Keywords: trust; authorities; digital communities; networking; population; information.

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

УДК-352

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-59-69

ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА ЛОНДОНА В ОБЛАСТИ ИММИГРАЦИИ

Е. А. Горбунова

Горбунова Екатерина Андреевна, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: savirtes@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8504-4349. ResearcherID: AAD-5163-2022).

Аннотация

Автор анализирует стратегии и основные документы миграционной политики Лондона и заявления городских властей, а также ключевые проблемы, которые стоят перед городской администрацией. Анализируются причины, которые побуждают региональные и местные органы власти активно вмешиваться в процесс формирования миграционной политики и принимать собственные стратегии действий. Автор отмечает, что взгляды администрации Лондона и Британского правительства на миграционную политику зачастую расходятся; в частности, администрация Лондона активно отстаивает экономические преимущества более либеральной миграционной политики. Особое внимание в данной работе уделяется проектам деволуции миграционной политики на региональный уровень, которые подчеркивают неэффективность общенациональной политики с точки зрения городских властей. Автор приходит к выводу, что наблюдается разрыв между действиями национального и локального уровней власти. Логика городского развития подталкивает местные власти ставить в приоритет экономические выгоды от иммиграции, что в контексте рестриктивной национальной политики ведет к выделению отдельной городской миграционной политики. Проведенное исследование отражает влияние местных политических процессов на миграционную политику и миграционные процессы.

Ключевые слова: иммиграция; миграционная политика; городская политика; мигранты; Лондон; многоуровневое управление.

Современный мир отличается высоким уровнем интенсивности миграционных потоков. Многочисленные иммигранты представляют собой одновременно как преимущество, прежде всего, экономическое, для принимающей страны, так и источник риска, связанный с социальной и культурной интеграцией в принимающее общество. Даже в условиях пандемии коронавируса и закрытия границ, прервавших трансграничное перемещение людей, уже сформировавшиеся иммигрантские сообщества составляют заметную долю населения многих крупных городов. В связи с этим представляется актуальным исследование различных форм политики в сфере интеграции иммигрантов.

Хотя вопросы иммиграционной и интеграционной политики часто рассматриваются в российской историографии, исследований, посвященных локальному уровню формирования иммиграционной политики, довольно мало. При этом практически нет работ, которые бы осмыслили положение городской иммиграционной политики в контексте национальной политики и связанные с этим противоречия и конфликты. Этим определяется научная новизна данной работы.

Городская политика в области иммиграции: теоретическая рамка

Вопросам городской политики в отношении иммигрантов уделяется немало внимания в научном сообществе. Сильная урбанизированность является одной из ключевых черт современных миграционных процессов. По статистике Международной организации по миграции, одна пятая всех иммигрантов в мире сосредоточены всего в 20 городах мира¹. При этом состав городского населения в результате иммиграции динамично меняется, тогда как на остальных территориях изменения происходят намного медленнее. Возникающий в результате разрыв становится препятствием для формирования общенациональной политики. Другими словами, проблемы и вызовы, связанные с иммигра-

© Горбунова Е. А., 2022

¹ International Organisation on Migration (2015) World Migration Report. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2015-migrants-and-cities-new-partnerships-manage-mobility> (дата обращения: 01.03.2021). P. 38.

цией, локализованы в первую очередь на уровне города. Именно поэтому на уровне города можно и нужно формировать иммиграционную политику, адаптированную к вызовам XXI в.

В действительности, как отмечают многие исследователи, городские власти становятся все более активными участниками процесса интеграции иммигрантов, а также концептуализации и формирования иммиграционной политики (Adam & Caponio, 2018; Zapata-Berrero et al., 2017; Thouez, 2018). Исторически иммиграция всегда была драйвером роста городов и, как следствие, их экономического и политического развития (Portes, 2000: 153). В результате подход исследователей-урбанистов часто основывается на тезисе, что города представляют собой особую «открытую к различиям» территорию (Penninx, 2009; Guiraudon, 2009; Vertovec, 1996). Другой крайностью может стать утверждение, что городская политика представляет собой исключительно прагматическую реакцию на локальные проблемы интеграции (Gebhardt, 2014). Однако, независимо от подхода, несомненно, что городская иммиграционная политика представляет собой перспективное направление исследований со своими факторами и закономерностями, которые отличают его от аналогичных исследований в области национальной политики.

Как отмечают многие исследователи, в интеграционной политике наблюдается постепенный сдвиг от национальных моделей к децентрализованному местному подходу (Schmidtke, 2014: 78). Как отмечает Байлз, контекст города представляет собой не только непосредственную среду, в которой решается вопрос размещения и адаптации новоприбывших, но и площадку для взаимодействия и сотрудничества правительственных учреждений и представителей гражданского общества (Biles, 2008: 163–166). Именно городская администрация и различные городские службы являются для иммигрантов самым ближним уровнем правительства, с которым они взаимодействуют чаще всего. Поэтому именно на городские власти ложится основная ответственность по интеграции иммигрантов в принимающее общество.

Однако следует учитывать, что зачастую представители субнациональных уровней власти обладают ограниченными полномочиями и финансовыми возможностями, что накладывает определенные ограничения на их управленческие инициативы (Schmidtke, 2014: 84). Как одно из следствий, между разными уровнями власти могут возникать конфликты и разногласия. Далее в практической части исследования будут рассмотрены некоторые подобные проблемы формирования локальной стратегии в контексте национальной политики.

Тем не менее, субнациональное положение городов создает не только сложности, но и преимущества. В частности, как отмечает Шмидтке, города оказались более приспособлены к вызовам, связанным с современными иммиграционными тенденциями. На примере Германии исследователь показывает, что сильная политизация вопросов, связанных с регулированием иммиграции, не позволила государственным властям выработать всеобъемлющую интеграционную политику (Schmidtke, 2014: 85). Этот пробел дал возможность субнациональным уровням утвердиться в качестве важных участников политического процесса, как в отношении направления национальных дебатов по миграции, так и в плане разработки политики в этой области. В отличие от бурных национальных дебатов о предполагаемых угрозах, связанных с культурным и религиозным разнообразием иммигрантов, обсуждение интеграции в региональном контексте строится с точки зрения интересов региона и необходимости предоставить мигрантам равные возможности в секторе образования и на рынке труда (Schmidtke, 2014: 85).

Тем не менее, следует также отметить, что делегирование политической компетенции на субнациональный уровень привело к тому, что Шенвальдер называет «неравномерной динамикой», то есть к асимметричной проработке и реализации локальных и региональных стратегий по привлечению и интеграции иммигрантов (Schönwälder, 2013). Как отмечает Шмидтке на примере Канады и Германии, отдельные регионы и муниципалитеты могут брать на себя инициативу в сфере иммиграционной политики и осуществлять широкое число социальных программ, в то время как другие не отдают приоритет этой сфере государственной политики (Schmidtke, 2014: 93). Возможности и активность муниципальных властей могут значительно различаться даже в пределах одной агломерации, что составляет дополнительную сложность при анализе иммиграционной политики.

При наличии таких факторов, как юридическая неопределенность полномочий городских властей в области иммиграции и бездействие национальных органов власти, растет влияние личности на городскую политику (Good, 2005). Ключевую роль в создании и проведении иммиграционной политики, как правило, занимают мэры или главы городских администраций. В этих условиях важное значение приобретают персональные качества главы, приоритеты и лидерские способности.

Тем не менее, вне зависимости от политической конфигурации, иммиграционная политика закрепила в повестке многих крупных городов. В особенности это относится к крупным мегаполисам или международным экономическим и финансовым центрам, которые привлекают множество иммигрантов, где подобная повестка естественным образом выходит на передний план. Отмечается, что локальное восприятие иммиграции и интеграции часто доминирует или даже открыто противоречит национальному (Gebhardt, 2014: 3). Именно подобное расхождение в ценностях и интересах между национальной и локальной политикой и наблюдается на примере Лондона.

Методология и методы исследования

Концептуальную основу данного исследования составляют модель иммиграционной политики, концентрирующая внимание на внутривластных факторах, она же *domestic policy model* (Meyers, 2000: 1257). Данная модель предполагает, что государственная политика является ареной, на которой действуют различные группы интересов, и политические решения являются результатом столкновения, торга и компромиссов между интересами различных акторов. Таким образом, данное исследование исходит из утверждения, что местные власти являются одним из акторов, формирующих миграционную политику, и для того, чтобы проанализировать иммиграционную ситуацию в целом, необходим анализ действий на местном уровне.

Ключевым методологическим подходом, примененным в данном исследовании, является контент-анализ. Контент-анализ – это метод анализа содержания текстов и информационных источников, который позволяет выявить смысловое содержание текста и его эмоциональный тон. С помощью метода контент-анализа были проанализированы выступления и заявления представителей городской администрации Лондона, официальные документы лондонской администрации, данные независимых исследовательских центров и сообщения СМИ. Основное внимание при анализе уделялось таким вопросам, как ключевые направления городской иммиграционной политики, формулирование целей, задач и проблем в данной сфере. Само формулирование проблем в политическом дискурсе уже содержит в себе указание на возможные пути их решения и легитимизирует последующие политические решения. Поэтому исследование с помощью методов контент-анализа позволяет прояснить процесс принятия политических решений.

Прежде всего, речь идет о программных документах лондонской администрации в области иммиграции: доклад «Иммиграция: подход будущего» 2017 г.² и доклад «Создание иммиграционной системы для будущего труда» 2020 г.³. Помимо этого, были проанализированы стратегии социальной политики Лондона «All of Us» и «Inclusive London»⁴, а также доклады лондонской группы Стратегического партнерства по миграции⁵.

Кроме того, по ключевому запросу «London immigration policy» были отобраны и проанализированы статьи в местных и национальных СМИ, выпущенные после референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе. То есть, хронологические рамки определяют период с 2016 по 2022 гг. Всего было проанализировано 110 статей в семи различных изданиях: пяти национальных (Daily Express, The Economist, The Independent, The Guardian, The Telegraph) и двух местных (Evening Standard, City A.M.) газетах. В ходе анализа рассматривался тон публикации и поднимаемые в них темы.

Городская политика в отношении иммигрантов на примере Лондона

Исследования взаимодействия национальных и субнациональных уровней власти по вопросам иммиграционной и интеграционной политики представляют особый интерес в контексте европейской тенденции на расширение полномочий местных властей. В качестве примера в данной работе разби-

² Greater London Authority (2017) Immigration: a future approach. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/migration_a_future_approach.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

³ City of London (2020) Building an immigration system for the future of work. URL: <https://www.cityoflondon.gov.uk/assets/Business/building-an-immigration-system.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Greater London Authority (2018) Inclusive London The Mayor's Equality, Diversity and Inclusion Strategy. URL: <https://www.london.gov.uk/sites/default/files/mayors-equality-diversity-inclusion-strategy.pdf> (дата обращения: 21.01.2022); Greater London Authority (2018) All of Us The Mayor's Social Integration Strategy. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/final_social_integration_strategy.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ London Strategic Migration Partnership. URL: <https://www.london.gov.uk/what-we-do/communities/migrants-and-refugees/london-strategic-migration-partnership-lsmp> (дата обращения: 20.01.2022).

рается кейс Лондона. Лондон, являясь столицей Великобритании и крупнейшим ее городом, привлекает огромное число иммигрантов, этнический, расовый и религиозный состав которых крайне разнообразен. Поэтому вопросы иммиграции и интеграции иммигрантов занимают важное место в политике городской администрации.

В последние годы иммиграционная политика стала неизменным источником разногласий и конфликтов между Лондоном и правительством Великобритании. Хотя лейбористское правительство Т. Блэра (1997–2007 гг.) проводило про-иммиграционную политику, основанную на принципах мультикультурализма, эта политика столкнулась с сильной общественной критикой, в особенности после серии терактов в Лондоне в 2005 г. (Охошин 2020: 508). Последовавшие консервативные правительства Д. Кэмерона (2010–2016 гг.) и Т. Мэй (2016–2019 гг.) взяли курс на ужесточение иммиграционных правил. Администрация Лондона, напротив, поддерживает открытый подход к иммиграции и часто выражает несогласие с национальной политикой.

Видение интеграционной политики Лондона выражено в двух основных стратегиях, принятых в 2018 г.: стратегии социальной интеграции «All of Us» и стратегии обеспечения равенства «Inclusive London»⁶.

Стратегия обеспечения равенства «Inclusive London» включает широкий спектр различных социальных политик, направленных на интеграцию не только иммигрантов, но и этнических меньшинств, людей с инвалидностью, пожилых людей, молодежь, неблагополучных семей и так далее. В стратегии отдельно подчеркивается значение тесных связей с европейскими государствами для развития экономики Лондона и утверждается необходимость открытой иммиграционной системы⁷. В целом, стратегия воспринимает миграцию как ключевой источник человеческого капитала, которому, однако, не дают раскрыться различные дискриминационные практики, существующие в британском обществе по отношению к мигрантам.

В свою очередь, интеграционная стратегия Лондона «All of Us» утверждает, что интеграция должна представлять собой общую ответственность всех жителей, а не только отдельных этнических или религиозных сообществ⁸. Данная стратегия прямо критикует политику британского правительства в сфере иммиграции и интеграции: во-первых, за создание «враждебной среды», ограничивающей права мигрантов⁹, и, во-вторых, за чрезмерный акцент на культурной интеграции, из-за которого игнорируются такие факторы, как возраст, социальный класс, статус занятости и пол¹⁰.

Более того, в данной стратегии провозглашается, что одна из ключевых задач Мэра Лондона и городской администрации – это лоббирование на национальном уровне открытой иммиграционной политики, которая бы отвечала интересам города¹¹. Интересно также отметить, что стратегия делает особый акцент на региональной идентичности, которая объединяет жителей города, но также и указывает на уникальное положение Лондона¹². Таким образом, наблюдается расхождение целей и задач интеграционной политики на региональном и национальном уровнях.

Особую остроту дискуссии по вопросам иммиграционной и интеграционной политики приобрели в контексте выхода Великобритании из Европейского союза, который принес с собой изменение иммиграционного режима для граждан ЕС, находящихся в Великобритании. Миграционный кризис 2015 г. стал одним из главных катализаторов Брексита: большой приток низкоквалифицированных мигрантов воспринимается как преграда развитию национальной экономики (Охошин, 2020). Более того, консервативное правительство заявило, что отмена свободы передвижения рабочей силы в рамках ЕС позволит создать «справедливую миграционную систему», которая предоставит равный доступ к рынку труда в Великобритании для всех иностранных граждан (Годованюк, 2020).

Однако реакция лондонской администрации оказалась противоположной. В частности, вслед за референдумом о выходе Великобритании из Европейского союза мэр Лондона Садик Хан запустил кампанию #LondonIsOpen, отражающую озабоченность города референдумом и поддержку «мульти-

⁶ Greater London Authority (2018) Inclusive London The Mayor's Equality, Diversity and Inclusion Strategy. URL: <https://www.london.gov.uk/sites/default/files/mayors-equality-diversity-inclusion-strategy.pdf> (дата обращения: 21.01.2022); Greater London Authority (2018) All of Us –The Mayor's Social Integration Strategy. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/final_social_integration_strategy.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

⁷ Ibid, p. 92.

⁸ Ibid, p. 17, 38.

⁹ Ibid, p. 59.

¹⁰ Ibid, p. 17.

¹¹ Ibid, p. 61.

¹² Ibid.

культурного» Лондона, открытого для иммиграции¹³. В официальном заявлении мэра Лондона по вопросу иммиграции критиковались последствия Брексита для экономики города и рынка труда и высказывалась требование отказаться от ограничительной миграционной политики ради экономического развития¹⁴.

Здесь следует отметить, что введение новых иммиграционных правил в результате выхода Великобритании из состава Евросоюза, по сути, привело к превращению части иммигрантов в нелегальных. Для Лондона, который привлекает основной поток иммигрантов в стране, это является намного более серьезной проблемой, чем для других регионов Великобритании. Кроме того, новая миграционная система может привести к активизации каналов нелегальной миграции и контрабандистов (Годованюк, 2020: 80).

Мэр Лондона Садик Хан также раскритиковал балловую систему, предложенную британским правительством, которая была направлена на привлечение высококвалифицированных иммигрантов¹⁵. Как отмечается, британская экономика в течение длительного времени полагалась на трудовые ресурсы приезжих, которые выполняли работу, на которую по тем или иным причинам не соглашалось местное население (Годованюк, 2020: 79). Трудовые мигранты составляют значительную часть работников в таких областях, как мясная промышленность, гостиничный и ресторанный бизнес, строительная отрасль, социальные работники, медсестры.

Таким образом, само определение «желательной иммиграции», положенное в основу иммиграционных правил, вызвало сильные разногласия. Как отметил Садик Хан, предложенные положения не включают ряд жизненно необходимых профессий, от которых зависит уровень жизни в городе, таких как медсестры и строители, что ставит под угрозу благосостояние Лондона¹⁶. Идея, которую отстаивает лондонская администрация, состоит в том, что польза, которую человек приносит обществу, не равна его квалификации.

Может показаться, что подобная приверженность политике «открытости» по отношению к иммигрантам связана с личностью мэра Садики Хана, чьи родители были иммигрантами. Тем не менее, хотя личный фактор и может оказывать свое влияние, следует также подчеркнуть и преемственность данной стратегии в городской администрации.

Преыдущие мэры Лондона также поддерживали более открытую, в сравнении с национальной, иммиграционную политику. Особенно это показательно в случае с консерватором Борисом Джонсоном, который в ходе своей деятельности в качестве мэра Лондона решительно выступил против планов правительства по сокращению иммиграции (Hadj Abdou & Geddes, 2017: 504). Выступая уже в другой роли – премьер-министра Великобритании – политик отстаивает уже совершенно иную иммиграционную политику, что может служить свидетельством того, как контекст глобального города оказывает влияние на принятие политических решений.

Иными словами, можно сделать вывод, что сама экономическая ситуация современных мегаполисов подталкивает к более открытой иммиграционной политике. Некоторые исследователи-урбанисты действительно предполагают, что города исторически более открыты к иммиграции, хотя подобный тезис можно критиковать за чрезмерный детерминизм. Тем не менее, нельзя не согласиться, что для властей крупных мегаполисов вопросы иммиграции действительно являются более чувствительными – хотя бы потому, что доля иммигрантов в общем населении выше, а их влияние на экономическую ситуацию более значительно.

Например, 34 % населения Лондона являются иммигрантами, тогда как во всей Великобритании доля иммигрантов составляет 12 % (Gebhardt 2014: 3). Следовательно, последствия ужесточения миграционных правил сильнее отразятся на Лондоне, чем на других регионах Британии, хотя принимаются подобные решения исходя из общих интересов.

Именно на оторванность национальной иммиграционной политики от ее последствий указывали сторонники развития локальных подходов к иммигрантам. В частности, с точки зрения лон-

¹³ Government of London (2018) Our #LondonIsOpen campaign. URL: <https://www.london.gov.uk/about-us/mayor-london/london-isopen> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁴ Greater London Authority (2017) Immigration: a future approach. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/migration_a_future_approach.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Government of London (2019) Mayor reveals damage that Government immigration plans risk inflicting. URL: <https://www.london.gov.uk/press-releases/mayoral/mayor-reveals-risk-of-government-immigration-plans> (дата обращения: 20.01.2022).

донских властей, деволуция иммиграционной политики могла бы разрешить текущие разногласия¹⁷. Поскольку изменения в иммиграционной политике, принимаемой на уровне страны, могут иметь серьезные негативные последствия для экономики города, Лондон выступает за расширение полномочий региональных властей в сфере иммиграционной политики¹⁸. Неспособность правительства поставить на первое место экономические интересы и создать гибкую систему, отвечающую региональным особенностям и потребностям – как, например, статусу Лондона как глобального города и мирового экономического центра – то становится необходимой регионализация миграционной политики¹⁹.

Подобная аргументация регулярно звучит как в программных документах администрации Лондона, так и в публичных заявлениях представителей города. Например, комментарий Садик Хана лондонской газете *Evening Standard*, в которой тот критикует центральное правительство за меры по ограничению миграции, полностью построен на экономических аргументах²⁰. Другие положительные аспекты иммиграции – а именно культурные – вскользь упоминаются буквально в одном предложении. Это верно и для другой статьи мэра Лондона, написанной для *Independent*. Отличие только в том, что в статье для национальной издания Хан делает отдельный акцент на последствиях ограничения миграции для национальной экономики, заявляя, что «если мы ограничиваем нашу столицу, мы ограничиваем всю страну»²¹.

Таким образом, в дискурсе представителей Лондона экономические аргументы становятся обоснованием для требования деволуции²². В частности, звучат предложения создать отдельные региональные программы иммиграции, которые бы лучше отразили экономическую реальность мегаполиса, или создать отдельные лондонские визы (Sumption, 2017). По мнению Садик Хана, поскольку иммиграция напрямую влияет на развитие местной экономики, передача контроля над иммиграцией на субнациональный уровень позволит проводить более эффективную иммиграционную политику и поддерживать благоприятный для предпринимателей и инвесторов климат в городе²³. Сторонники деволуции считают, что экономические выгоды гибкой иммиграционной политики важнее, чем возможная потеря контроля над перемещениями иммигрантов внутри страны между регионами с разными иммиграционными режимами.

Данное предложение интересно в первую очередь тем, что подвергает сомнению эффективность национального правительства в современных экономических условиях. Городские власти быстрее и эффективнее решают проблемы, связанные с присутствием иммигрантов (Gebhardt, 2014). Национальные правительства зачастую проводят политику, которая противоречит городским интересам в вопросах иммиграции, а также не считают нужным консультироваться с локальными и региональными политическими акторами при принятии решений (Gebhardt, 2014: 12). Подобное отношение вызывает ответную критику со стороны лондонских политиков²⁴.

Интересно отметить, что подобные расхождения наблюдаются не только в политическом дискурсе, но и в дискурсе СМИ (см. таблицу).

По результатам исследования, было выявлено, что критика национальной миграционной политики характерна как для местных изданий, так и для либеральных газет. Однако лондонские газеты обращают внимание на особую потребность Лондона в рабочих мигрантах, из чего следует, что ограничение миграции наносит особый ущерб именно лондонской экономике. Подобный «экономико-ориентированный» обзор темы сильно отличается от мнения по этому вопросу национальной газеты *The Guardian*, которая обращает внимание в первую очередь на нарушения прав мигрантов и беженцев.

¹⁷ Government of London (2019) Mayor reveals damage that Government immigration plans risk inflicting. URL: <https://www.london.gov.uk/press-releases/mayoral/mayor-reveals-risk-of-government-immigration-plans> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Greater London Authority (2017) Immigration: a future approach. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/migration_a_future_approach.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

²⁰ Khan, S. (2017) 'Immigration is vital to London's economy – we must protect it', *Evening Standard*, 11 October. URL: <https://www.standard.co.uk/comment/comment/sadiq-khan-immigration-is-vital-to-london-s-economy-we-must-protect-it-a3655861.html> (дата обращения: 20.01.2022).

²¹ Khan, S. (2020) 'The government may not see the merits of immigration – but London does', *Independent*, 19 February. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/boris-johnson-points-based-immigration-priti-patel-london-a9345111.html> (дата обращения: 20.01.2022).

²² Ibid.

²³ Government of London (2019) Mayor reveals damage that Government immigration plans risk inflicting. URL: <https://www.london.gov.uk/press-releases/mayoral/mayor-reveals-risk-of-government-immigration-plans> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁴ Crerar, P. 'Sadiq Khan at odds with Labour Party over London migrant cap', *Evening Standard*, 11 October. (2017) URL: <https://www.standard.co.uk/news/mayor/sadiq-at-odds-with-labour-over-london-migrant-cap-a3655981.html> (дата обращения: 20.01.2022).

Результаты анализа британских СМИ по вопросу политики Лондона в сфере иммиграции

			Количество статей	Тон статей и отношение к иммиграции	Повторяющиеся темы			
					«Ограничения иммиграции Лондону»	«Национальная политика слишком жесткая»	«Необходима региональная миграционная политика»	Разногласия между представителями разных уровней власти
Evening Standard	Лондонская консервативная газета		17	Положительное	4	7	2	2
City A.M.	Лондонское финансовое издание		12	Положительное	7	3	2	2
The Independent	Леволберальный интернет-портал		21	Положительное	-	4	1	5
Daily Express	Национальная правая газета		20	Нейтральный тон; цитируют, а не высказывают мнение	-	-	1	2
The Economist	Национальная либеральная газета		12	Положительное	-	3	-	1
The Guardian	Национальная леволберальная газета		18	Акцент на соблюдение прав человека	-	8	-	2
The Telegraph	Национальная консервативная газета		10	Поддерживает ограничения иммиграции, критикует проект деволюции	-	-	-	1

Можно также отметить, что консервативная лондонская газета Evening Standard резко отличается по содержанию и эмоциональному тону своих публикаций от национальных консервативных газет. Данное наблюдение может служить свидетельством, что особенности развития мегаполиса ведут к формированию положительной позиции по отношению к иммиграции, независимо от редакци-

онной политики. Наконец, вопрос деволуции редко поднимается в рассмотренных изданиях, однако в лондонских газетах идея особой региональной иммиграционной политики появлялась в два раза чаще.

Что интересно, все издания, вне зависимости от географии распространения и редакционной политики, отмечают конфликты между представителями регионального и национального уровней власти по вопросам миграционной политики. Можно предположить, что условия мегаполиса подталкивают местных представителей власти к более радикальным позициям по вопросам иммиграции по сравнению с другими британскими политиками, что ведет к частым разногласиям.

Разногласия между уровнями власти на почве миграционной политики сохранились в том числе и в период пандемии коронавируса, несмотря на закрытие национальных границ. Хотя темпы иммиграции резко упали, необходимость проведения интеграционной политики в отношении уже присутствующих иммигрантов осталась и, более того, обострилась. В частности, пандемия показала уязвимость иммигрантов к заболеванию, нехватку доступа к здравоохранению, объясняющуюся неопределенным юридическим статусом многих приезжих и их маргинализацией.

В этих условиях Садик Хан раскритиковал действия правительства и заявил о необходимости обеспечить иммигрантам доступ к медицинским услугам, а также преференциальную вакцинацию от коронавируса²⁵. Позднее Садик Хан заявил о необходимости создания специальных виз для постковидного восстановления экономики и в очередной раз повторил о необходимости более гибкого регионального подхода к иммиграции²⁶. Таким образом, в период пандемии не только не ушли на второй план разногласия по поводу иммиграционной политики, а скорее даже появились новые точки столкновений.

Как отмечает доклад Института исследований в сфере публичной политики, подобные конфликты между локальными и национальными властями идут в рамках общей тенденции на развитие городской интеграционной политики (Morris, 2020). Ключевую роль в формировании интеграционной политики играют мэры тех городов и регионов, где эта должность формируются прямыми выборами (Morris, 2020: 3). Здесь следует отметить, что прямые выборы действуют в крупных городах, где проживает более половины всего иммигрантского населения Великобритании. Именно в этих привлекательных для иммиграции регионах местные власти выступили за открытую иммиграционную политику, в том числе и напрямую противодействуя действиям правительства.

Иными словами, логика городского развития подталкивает местные власти ставить в приоритет экономические выгоды от иммиграции, что ведет к выделению отдельной городской иммиграционной политики. В результате наблюдается разрыв между действиями национального и локального уровней власти.

Для того чтобы преодолеть данный разрыв, были созданы Стратегические партнерства по миграции, основная цель которых состоит в том, чтобы обеспечить взаимодействие центрального и местного правительств. Всего в Британии действует 12 подобных партнерств. В заседаниях партнерств участвуют представители Министерства внутренних дел Британии, представители местных администраций, а также представители различных общественных организаций.

Хотя заседания Стратегического партнерства по миграции нацелены на решение исключительно практических вопросов имплементации миграционной политики, в них находят свое отражение разногласия между двумя уровнями власти. В частности, Новый иммиграционный план, объявленный правительством Британии 24 мая 2021 г., подвергся значительной критике на последующем заседании партнерства²⁷. Интересно отметить, что, хотя представители различных общественных организаций, участвующих в партнерстве, высказали различные замечания в зависимости от направления деятельности организации, в целом, протокол данного заседания отражает консенсус о вреде ужесточения миграционной политики.

²⁵ Bulman, M. (2020) 'Coronavirus: Home Office immigration policies 'compounding' health inequalities, says Sadiq Khan', *Independent*, 28 April. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/coronavirus-sadiq-khan-home-office-immigration-policies-a9488966.html> (дата обращения: 20.01.2022); Boscia, S. (2020) 'Coronavirus: Sadiq Khan asks for more immigrants to be eligible for Universal Credit', *City A.M.*, 30 March. URL: <https://www.cityam.com/coronavirus-sadiq-khan-asks-for-more-immigrants-to-be-eligible-for-universal-credit/> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁶ Talora, J. (2021) 'Sadiq Khan calls for 'Covid Recovery Visas' to tackle labour shortages', *Evening Standard*, 14 September. URL: <https://www.cityam.com/coronavirus-sadiq-khan-asks-for-more-immigrants-to-be-eligible-for-universal-credit/> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁷ London Strategic Migration Partnership (2021) Minutes, 8 June. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/lsm_p_minutes_-_08_june_2021.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

Иными словами, дискурс администрации Лондона о важном экономическом и общественном вкладе иммигрантов находят поддержку среди лондонских предпринимателей и гражданского общества. Заметим также, что акцент на особых ценностях Лондона, особой открытости этого мегаполиса, часто появляется в публичных заявлениях мэра Лондона Садик Хана. Например, в одном из его пресс-релизов были представлены данные опросов, согласно которым «57 процентов предпринимателей Лондона считают, что новые иммиграционные правила приведут к нехватке рабочей силы в Лондоне»²⁸. Таким образом, неоднократное подчеркивание особого характера Лондона, положительной роли миграции и общественного консенсуса вокруг миграционной политики служат средством легитимировать предложения о деволуции.

Несмотря на существующие противоречия между двумя уровнями власти, деятельность партнерства свидетельствует о попытках найти компромисс между двумя видениями миграционной политики. При этом заседания партнерства служат каналом связи, который позволяет представителям местной администрации давать обратную связь и вносить свои предложения по миграционной политике²⁹. Работа партнерств оказывает весомое влияние на принятие и имплементацию иммиграционной политики, что подчеркивает нашу основную теоретическую предпосылку: формирование национальной политики происходит в процессе взаимодействия множества различных акторов, в том числе и местного уровня власти.

Следует отметить, что вступившая в силу в 2021 г. новая иммиграционная система, которая долго служила источником разногласий между британским правительством и администрацией Лондона, в конечном итоге оказалась мягче, чем первоначальные проекты. Администрация Лондона сделала заявление, в котором, с одной стороны, приветствовала эти изменения, а с другой – призвала к дальнейшим реформам миграционной политики в сторону большей открытости, гибкости и упрощения бюрократических процедур³⁰. Однако параллельно британское правительство ужесточило политику в отношении таких групп иммигрантов, как беженцы и просители убежища (Somerville & Walsh, 2021). Остается неясным, смогут ли национальные и региональные власти прийти к долгосрочному компромиссу.

Заключение

В современном мире городская политика становится важным инструментом решения вопросов, связанных с иммиграцией. Городская политика имеет свою, определяемую местным контекстом логику развития, что вызывает расхождения между национальной и локальной политикой в сфере иммиграции.

Данное исследование показывает, что действия и заявления администрации Лондона по вопросам иммиграции зачастую расходятся с позицией британского правительства, а местная политика в данной сфере противопоставляется национальной политике как более открытая и способствующая процветанию города. Помимо проведения своей иммиграционной политики на местном уровне, администрация Лондона также занимается лоббированием более мягких мер на национальном уровне. Кроме того, лондонская администрация неоднократно выступала за деволуцию иммиграционной политики на региональный уровень, что ставит под сомнение эффективность государства в современных экономических условиях. Наконец, имплементация принятых на национальном уровне решений часто сталкивается с критикой и сопротивлением местной администрации.

В ходе исследования было также выявлено, что восприятие миграционной и интеграционной политики в местных и национальных СМИ значительно различается. Местные СМИ чаще поддерживают открытую иммиграционную политику и делают акцент на особом значении иммиграции для Лондона. Данное наблюдение вновь подчеркивает то, как условия мегаполиса определяют политические интересы его представителей.

Несмотря на многочисленные разногласия, рассмотренные в данной статье, нельзя не отметить и стремление найти компромисс между двумя видениями миграционной политики. Различные

²⁸ Government of London (2019) Mayor reveals damage that Government immigration plans risk inflicting. URL: <https://www.london.gov.uk/press-releases/mayoral/mayor-reveals-risk-of-government-immigration-plans> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁹ London Strategic Migration Partnership (2020) Minutes, 8 December. URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/lsm_p_minutes_-_8_december_2020.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

³⁰ City of London (2020) Building an immigration system for the future of work. URL: <https://www.cityoflondon.gov.uk/assets/Business/building-an-immigration-system.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

формальные и неформальные каналы связи, инструменты лоббирования и Стратегические партнерства позволяют лондонской администрации продвигать свои интересы и взгляды на политику в области миграции и интеграции. Таким образом, как показывает данное исследование, локальные политические процессы и интересы городов оказывают весомое влияние на формирование миграционной политики.

Список литературы / References

- Годованюк, К. А. (2020) 'Проблемы регулирования иммиграции в Великобритании после брекзита', *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2, сс. 76–82. [Godovanyuk, K. A. (2020) 'Immigration Regulation Issues in the UK after Brexit' [Problemy regulirovanie immigracii v Velikobritanii posle brekzita], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2, pp. 76–82. (In Russ.)].
- Охошин, О. В. (2020) 'Миграционная политика Великобритании до и после брекзита', *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 22 (3), сс. 506–516. [Okhoshin, O. V. (2020) 'UK Migration Policy before and after Brexit' [Migracionnaya politika Velikobritanii do i posle brekzita], *RUDN Journal of Political Science*, 22 (3), pp. 506–516. (In Russ.)].
- Adam, I. and Caponio, T. (2018) 'Research on the multi-level governance of migration and migrant integration. Reversed pyramids' in: Weinar, A., Bonjour, S. and Zhynormirska, L. (ed.) *Routledge handbook of the politics of migration in Europe*. London: Routledge, pp. 26–37.
- Biles, J. (2008) 'Integration policies in English-speaking Canada' in: Biles, J., Burstein, M. and Frideres, J. (ed.) *Immigration and Integration in Canada in the Twenty-first Century*. Kingston: Queen's University, pp. 163–166.
- Broadhead, J. (2019) 'The place of social integration in policy making and practice at the Greater London Authority 2016-2019', *Hommes Et Migration*, 1326, pp. 48–57.
- Consterdine, E. (2018) *Labour's Immigration Policy: The Making of the Migration State*. Palgrave Macmillan, Cham.
- Gebhardt, D. (2014) *Building Inclusive Cities: Challenges in the Multilevel Governance of Immigrant Integration in Europe*. Washington D.C.: Migration Policy Institute.
- Good, K. (2005) 'Patterns of politics in Canada's immigrant-receiving cities and suburbs: How immigrant settlement patterns shape the municipal role in multiculturalism policy', *Policy Studies*, 26 (3–4), pp. 261–284.
- Guiraudon, V. (2009) 'The multi-level governance of international migration. An unbalanced act?', Presentation at the Committee of the Regions Atelier, "Multi-level governance in the EU: New prospects for a European Union with its regions and cities", October 7, 2009, Brussels.
- Hadj Abdou, L. and Geddes, A. (2017) 'Managing superdiversity? Examining the intercultural policy turn in Europe', *Policy & Politics*, 45 (4), pp. 493–510.
- Meyers, E. (2000) 'Theories of International Immigration Policy-A Comparative Analysis', *The International Migration Review*, 34(4), 1245–1282.
- Morris, M. (2020) Sanctuary cities? How regional mayors can protect victims of crime with insecure immigration status. Institute for Public Policy Research [online]. Available at: <https://www.ippr.org/research/publications/sanctuary-cities> (дата обращения: 21.01.2022).
- Penninx, R. (2009) *Decentralising integration policies: Managing migration in cities, regions and localities*. London: Policy Network.
- Portes, A. (2000) 'Immigration and the Metropolis: Reflections on Urban History', *Journal of International Migration and Integration*, 1 (2), pp. 153–175.
- Schmidtke, O. (2014) 'Beyond National Models? Governing migration and integration at the regional and local levels in Canada and Germany', *Comparative Migration Studies*, 2 (1), pp. 77–99.
- Schönwälder, K. (2013) 'Immigrant Representation in Germany's Regional States: The Puzzle of Uneven Dynamics', *West European Politics*, 36 (3), pp. 634–651.
- Somerville, W. and Walsh, P. W. (2021) 'United Kingdom's Decades-Long Immigration Shift Interrupted by Brexit and the Pandemic', *Migration Policy* [online]. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/united-kingdom-shift-immigration-interrupted-brexit-pandemic> (дата обращения: 21.01.2022).

Sumption, M. (2017) *Location, Location, Location: Should different parts of the UK have different immigration policies?* Migration Observatory report, University of Oxford.

Thouez, C. (2018) 'Strengthening migration governance: the UN as 'wingman'', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45 (8), pp. 1242–1257.

Vertovec, S. (1996) 'Berlin Multikulti. Germany, foreigners and "world-openness', *New Community*, 22 (3), pp. 381–399.

Zapata-Barrero, R., Caponio, T. and Scholten, P. (2017) 'Theorizing the 'local turn' in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies', *International Review of Administrative Sciences*, 38 (2), pp. 241–246.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 19.05.2022

Статья принята к печати: 22.05.2022

URBAN IMMIGRATION POLICY: THE CASE OF LONDON

E. A. Gorbunova

E. A. Gorbunova, graduate student,

St. Petersburg State University.

E-mail: savirtes@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8504-4349. ResearcherID: AAD-5163-2022).

Abstract

This paper examines the city of London's immigration policy. The author analyzes the strategies and main documents of London's migration policy and statements of the city authorities, as well as the key problems faced by the city administration. The article analyzes the reasons that encourage regional and local authorities to actively intervene in the process of shaping migration policy and adopt their own strategies of action. The author notes that the views of the London Administration and the British government on immigration policy often diverge; in particular, the London Administration actively defends the economic advantages of a more liberal migration policy. Special attention is paid to the proposition of devolution of migration policy to the regional level, which emphasizes that the city authorities view the national policy as ineffective. The author concludes that there is a gap between the actions of the national and local levels of government. The logic of urban development pushes local authorities to prioritize the economic benefits of immigration, which in the context of restrictive national policies leads to an independent urban immigration policy. The article reflects on the impact of local political processes on migration policy and migration processes.

Keywords: immigration; migration policy; urban policy; migrants; London; multi-level governance.

Международные отношения

УДК-323:329.273

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-70-79

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И СТРАНЕ БАСКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ю. Н. Фролова

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Институт истории и социальных наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Россия, Москва.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Аннотация

Исследуется современный этап баскского и североирландского этнополитического конфликтов. Методы исследования: сравнительный анализ и теория драмы. К проблеме сравнения указанных конфликтов обращались исследователи разных областей, однако большая доля этих публикаций связана с периодом террористической активности; данное исследование дополняет имеющийся научный задел изучением современного этапа, наступившего после прекращения военных действий на обеих территориях. Несмотря на то, что на данный момент оба региона не являются «горячими точками», а в Северной Ирландии вопрос формально урегулирован в полной мере, националистические настроения продолжают оставаться значимой темой повестки дня как в Испании, так и в Великобритании, о чем свидетельствует устойчивая поддержка националистических партий и проектов в обоих регионах. В связи с этим автор ставит своей целью сформулировать существенные характеристики и ряд закономерностей современного этапа конфликтов, которые необходимо учитывать как в формировании региональной политики, так и на общеевропейском уровне, что особенно значимо для Евросоюза, где большинство государств-участников так или иначе вовлечены в подобные этнополитические конфликты.

Ключевые слова: этнополитические конфликты; Страна Басков; Северная Ирландия; суверенитет; ЭТА; ИРА; Брексит; теория драмы; сравнительный анализ.

Этнополитические конфликты представляют собой одну из актуальных тем исследования в современных политических науках. В рамках этой статьи будет представлен сравнительный анализ баскского и ирландского конфликтов с целью выявления существенных особенностей современной стадии их развития в условиях, когда вооруженный конфликт фактически разрешен. К проблеме сравнения конфликтов в исторических областях Страны Басков и Ольстера уже обращались исследователи разных научных областей. В большей степени это было связано с периодом террористической активности группировок ИРА и ЭТА, и значительно меньшее количество работ посвящено этапу, наступившему после прекращения военных действий на обеих территориях, на чем мы хотели бы сделать акцент в данной статье. С этой целью были использованы: сравнительный метод, выявляющий взаимосвязи в процессе развития конфликта; и теория драмы Н. Ховарда, благодаря которой возможно установить систематическую логику развития конфликта.

Оба этнополитических конфликта имеют глубокие исторические корни. Ольстерский конфликт ведет свою историю с XII в., когда англо-нормандские завоеватели вторглись на территорию острова с целью основания колонии, но фактически захват территории растянулся до XVI в. Религиозный аспект конфликта длится со времен Генриха VIII и основания англиканской церкви: католическая Ирландия не восприняла идеи Реформации; и именно это стало осложняющим фактором конфликта на протяжении всей его истории: здесь имеет место быть не только межнациональный конфликт «англичане-ирландцы», но и межконфессиональный «протестанты-католики». Политические партии Северной Ирландии, в целом, строились по конфессиональному признаку: Юнионистская партия была образована из протестантов, а националистические – из католиков. В 1902 г. создается

партия Шинн Фейн, возглавившая впоследствии борьбу за независимость Ирландии. И из нее же, точнее из ее боевых групп, в начале 1900-х гг. появляется ИРА – крупнейшая террористическая организация Северной Ирландии, деятельность которой способствовала, в том числе, образованию независимой Республики Ирландии в 1922 г.

Баски – древнейшее коренное население Пиренейского полуострова с уникальным языком, не принадлежащим ни к одной языковой группе. Баскская государственность, о которой говорят националисты, является спорным вопросом: нет официальных исторических свидетельств о существовании баскского государственного образования на территории исторического расселения басков (испанская Страна Басков, провинция Наварра, часть нынешнего французского департамента Атлантические Пиренеи), однако существует несколько точек зрения по этому поводу (Каро Бароха, 2004: 137): автономисты – сторонники существования баскского единства – утверждают, что баскская территория была объединена древними законами, но это единство позже было нарушено, а централисты утверждают, что подобная законодательная база была испанским королевским пожалованием, и баски не представляли собой единое образование. Националистические идеи особенно проявились в период Карлистских войн XIX в., когда были отменены ряд фуэрос (привилегий). В конце XIX в. формируется баскская националистическая идеология и Баскская Националистическая партия (БНП) – носитель этой идеологии.

Для сравнительного анализа двух конфликтов стоит определить те факторы, которые показывают, что эти конфликты в принципе сопоставимы. Подобные сравнения уже проводились, то есть возможность сопоставимости случаев уже была доказана, однако определим эти основы еще раз. Во-первых, конфликты сопоставимы территориально: они происходят в странах-участницах (в том числе бывших) ЕС, соответственно, в обоих случаях роль ЕС, как третьей стороны, заслуживает отдельного рассмотрения. Во-вторых, существует определенное сходство между исторической территорией расселения басков, которая на сегодняшний день поделена между Испанией и Францией, и исторической провинцией Ольстер, также разделенной между двумя государствами: Великобританией и Республикой Ирландией. Третий аспект – временная сопоставимость периодов развития конфликта. Оба конфликта имеют длительную историю развития, основывающуюся на культурных, исторических и этнических характеристиках. В обоих случаях периоды террористической активности сопоставимы по времени: речь идет о XX в. и прекращении военной стадии конфликта в начале 2000-х гг. Кроме того, само наличие террористической активности как значимого элемента конфликтного взаимодействия представляет собой возможность для проведения параллелей.

Наличие существенного сходства описываемых случаев отвечает подходу наиболее сходных систем (Berg-Schlosser, 2015: 441). Этот подход базируется на предположении, что теоретически значимые различия могут быть найдены в идентичных системах, и именно такие факторы и следует интерпретировать. Учитывая высокий уровень взаимного влияния всех социальных процессов и невозможность изолировать отдельные переменные от внутрисистемного контекста, мы будем проводить сравнение «второго порядка»: анализировать не отдельные переменные, а совокупности взаимозависимых переменных, которые условно можно разделить на нижеследующие группы. В рамках такой процедуры сравнения представляется необходимым в каждой группе попытаться выявить как константы, так и соотношения зависимых и независимых переменных.

Политика ЕС, Испании, Великобритании в отношении конфликтных территорий

Позиция Европейского союза представляет собой константу в отношении конфликтных территорий и характеризуется нежеланием вмешиваться, что аргументируется фактом того, что конфликтные ситуации возникли в регионах стран-участниц, а значит они являются внутренними делами государств и должны решаться самими государствами¹. Тем не менее, несмотря на это ЕС является частью того политического ландшафта, где развиваются эти конфликты. В рамках ЕС были разработаны ряд решений с целью помощи в урегулировании конфликтов: специальные фонды и распределение финансов в рамках региональной политики ЕС для решения проблемы Северной Ирландии, а также ряд правовых мер, направленных на борьбу с терроризмом ЭТА (Bourne and Bourne, 2003: 410). Вероятно, можно говорить о факте признания Союзом значимости этих региональных конфликтов в общеевропейской политике при общей невовлеченности в процесс. В качестве независимой перемен-

¹ By refusing the request for a new statute for Euskadi Spain is violating the principle of the self-determination of peoples. Parliamentary questions. European Parliament [online] Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2005-0516&language=EN> (Accessed: 24th August 2021).

ной можно рассматривать сами процессы европейской интеграции в силу их влияния на взаимоотношения сторон конфликта. Политики-националисты Северной Ирландии выступают за расширение интеграции, в то время как юнионисты поддерживают идеи евроскептицизма. В случае с басками стремление политиков автономного сообщества Страны Басков напрямую сотрудничать с ЕС является одной из проблем во взаимоотношениях испанского правительства и региона (Bourne and Bourne, 2003: 411).

Образование ЕС создало для регионов новые политические и экономические возможности, соответствующие идеям концепции «Европы регионов»: «по мере замены различающихся национальных законодательств стран-членов «европейским правом», регионы отдельных стран Европы начинают функционировать во все более сходном и однородном правовом поле» (Ландабасо Ангуло, Коновалов, 2004: 200). С другой стороны, в таком процессе есть свои особенности, связанные в том числе, с невозможностью политической унификации всех регионов и отсутствием у ЕС на данном этапе механизмов решать ряд острых региональных вопросов, одним из которых является проблема этнополитических конфликтов. Хосе Антонио Агирре – первый президент автономного сообщества Страны Басков – видел в концепции «Европы регионов» большой потенциал для удовлетворения требований самоопределения басков и других этнических групп с аналогичными требованиями. В документе «Принципы всеобщей декларации о демократии на полуострове» (*Principios para una declaración conjunta de la democracia peninsular*) (Irujo, 2017: 75) предлагается идея создания конфедерации государств сначала на территории Иберийского полуострова (включая Португалию), а затем на территории всей Европы, что, в свою очередь, ведет к трансформации баскской проблемы (а также каталонской, галисийской, ирландской, шотландской и т.д.) из регионального уровня на общеевропейский. Подобное государственное устройство предполагало бы сообщество свободных и независимых наций, объединенных друг с другом на федеративных принципах ради развития общей системы безопасности, экономики и социальной справедливости.

Отдельный фактор влияния конкретно на североирландский конфликт - процесс Брексита. Белфастское соглашение 1998 г. предоставило возможность жителям, родившимся в Северной Ирландии, считать себя ирландцами, британцами или иметь двойное гражданство. По соглашению, это право будет сохранено при любых изменениях статуса Северной Ирландии². Перспектива Брексита поставила вопрос о статусе обоих регионов, так как при его осуществлении они будут иметь разный статус по отношению к Европейскому союзу. В рамках урегулирования процесса выхода Великобритании из состава ЕС был разработан Североирландский протокол (*Northern Ireland Protocol*), предусматривающий сохранение ряда торговых правил Евросоюза для свободного передвижения товаров на границе Северной Ирландии и Республики Ирландии, несмотря на то, что формально это государственная граница и Северная Ирландия не входит в ЕС. На данный момент реализуется ряд мер по применению этого протокола: например, до 30 сентября 2021 г. был продлен льготный период на передвижение ряда товаров³.

В целом, политика Великобритании по отношению к урегулированию конфликта в регионе оказалась более успешной, чем политика Испании. Вероятно, можно утверждать, что «Великобритания более политически зрелая по сравнению с ... Испанией и ее тридцатипятилетней диктатурой» (Filippidou, 2007: 107). Речь идет о готовности вести переговоры с террористами (ЭТА и ИРА) и поиске компромиссов, которые и оказались ключевыми переменными, оказавшими влияние на перевод конфликта из вооруженного в политическое русло. Испанское правительство рассматривало баскский конфликт сугубо в плоскости терроризма, в результате чего было разработано широкое определение террористической организации ЭТА, в рамках которого ненасильственные националистические баскские группировки также рассматривались «неотъемлемыми» компонентами ЭТА, что препятствовало их участию в мирном процессе (Duhart, 2019: 1) и не позволяло организовать переговорный процесс. В отличие от этого, закон Великобритании о борьбе с терроризмом включал в себя узкое определение "запрещенных организаций", ориентированное на рядовой состав ИРА, что способствовало вовлечению более широкого республиканского движения в мирный процесс. В вопросе Северной Ирландии именно переговорный процесс привел к заключению Белфастского соглашения 1998 г., а после него переходный процесс шел в рамках переговорной структуры: представители правительств Ирландии, Великобритании и Северной Ирландии (Berastegi, 2017: 13). В случае с басками такого мирного пере-

² The Agreement. Constitutional issues [online]. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/136652/agreement.pdf. (Accessed: 4th June 2021).

³ Brexit and Beyond Newsletter. Northern Ireland Assembly [online]. Available at: <http://www.niassembly.gov.uk/assembly-business/brexit-brief-newsletters/issue-51--5-july-2021/> (Accessed: 14th August 2021).

говорного процесса фактически не существовало: Испанское правительство не садилось за стол с террористами, хотя в истории конфликта мы можем встретить упоминания о том, что возможность таких переговоров обсуждалась.

Проблема жертв терроризма и трансформация общества

В обществах, которые пережили конфликт или политический процесс, связанный с систематическим нарушением прав человека и повлекшим за собой человеческие жертвы, вопрос необходимости разработки централизованной политики в отношении жертв не вызывает сомнений. В Стране Басков и Северной Ирландии вопрос жертв является составной частью более широких дебатов, о том, как относиться к прошлому и как согласовывать соответствующую стратегию на будущее (Hearty and Berastegi, 2018: 2). И здесь мы можем выделить общие константы – шаги по разработке политики в отношении жертв терактов стали актуальными, как только начался переходный период. В Северной Ирландии точкой отсчета можно считать 1998 г. и подписание Белфастского соглашения, предусматривающего урегулирование конфликта; в случае басков аналогичной точкой отсчета стало прекращение вооруженной борьбы ЭТА в 2011 г. А вот правовые основы для разрешения проблемы жертв по-разному разрабатывались в обоих случаях, на различия повлияла разная государственная политика в отношении вопроса. Белфастское соглашение не включало в себя пунктов по урегулированию этого вопроса, однако после него был разработан ряд норм, самой значимой из которых (Hearty and Berastegi, 2018: 3) стало создание в 2006 г. Комиссии по делам жертв и выживших, позже трансформировавшейся в Форум по вопросам жертв и выживших.

Что касается проблемы трансформации общества, связанной с переходом от «военного» прошлого к текущему мирному существованию, то в обоих случаях мы можем говорить о существовании независимой переменной – правосудии переходного периода – совокупности механизмов, которые необходимы обществу для преодоления крупных кризисов и систематических нарушений прав человека. И в Стране Басков, и в Северной Ирландии такие механизмы имели ряд сходств, среди которых неявно выраженный разрыв с прошлым; фрагментация инициатив, направленных на борьбу с насилием; смешение механизмов обычной системы правосудия и правосудия переходного периода (Berastegi, 2017: 1). Концепция переходного правосудия обычно применяется для государств, в которых имеет место переход от одного режима к другому, либо от войны к миру (Webber, 2012: 98; Obel Hansen, 2011: 41); в указанных случаях не было четкой смены режима, определяющей момент перехода (в случае басков была смена режима после смерти Франко с автократии к демократии, однако смена режима не связана с прекращением проблемы насилия), поэтому разрыв с прошлым выражен неявно. Характеризуя процессы трансформации общества в случае с Северной Ирландией, можно выделить ряд особенностей: процесс достаточно последователен, несмотря на существующие сложности в его реализации (Berastegi, 2017: 6). Изучение переходного процесса в Стране Басков осложняется наличием двойного перехода и двойного пути развития мирного процесса. За период развития баскского конфликта мы можем наблюдать два значимых перехода: смена режима, окончательно оформившаяся Конституцией 1978 г., но не прекратившая баскский вооруженный конфликт; второй переход – это, собственно, и есть переход конфликта из вооруженного в политический и прекращение систематического насилия со стороны террористической группировки. Двойной путь развития мирного процесса связан с наличием условно «испанского» и «баскского» видения развития событий, что характерно и для решения вопроса жертв. «Испанский путь» жестко формулируется в рамках дискурса терроризма и не признает наличия какого-либо переходного мирного процесса; «баскский путь» предлагает принять возможность разных точек зрения на прошлое и рассматривать процесс перехода через миростроительство и примирение (Berastegi, 2017: 8), благодаря поддержке такого подхода в баскском сообществе и произошло разоружение ЭТА, тогда как испанская политика фактически не оказала значительного влияния на этот процесс.

Особенности террористического прошлого Страны Басков и Северной Ирландии

Террористические действия ИРА унесли значительно большее количество жизней, чем ЭТА (Sánchez-Cuena, 2007: 292), в большинстве случаев целями атак баскских террористов становились силы полиции, в ирландском случае гражданские лица, но структура целей идентична в обоих случаях (Sánchez-Cuena, 2007). В истории вооруженных конфликтов в Стране Басков и в Северной Ирландии имела место «война на истощение» как одна из методик террористической деятельности, на-

правленная на ослабление врага путем постоянных атак. И хотя сам метод является константой, специфика его применения в обоих случаях представляет собой зависимую от характеристик среды переменную. ЭТА обратилась к этой стратегии в 1978 г., когда осознала, что планируемая революция не удалась; методика использовалась с целью давления на власть для удовлетворения требований националистов. Что касается ИРА, то здесь война на истощение началась не в результате провалившейся революции, а как естественное следствие перехода от этнического конфликта с протестантами в 1970–1971 гг. к наступательной стратегии на пути к объединенной Ирландии, направленной на принудительный вывод британских войск (Sánchez-Cuenca, 2007: 296). Однако, несмотря на отличия, в обоих случаях такая методика не достигла желаемых целей. Ближе к концу своей деятельности оба движения пересмотрели свою стратегию и взяли цель на создание более широкого националистического фронта, включающего умеренные националистические силы (БНП и Шинн Фейн). Сходным в обоих случаях является падение поддержки населением регионов, в первую очередь, по причине неоправданной жестокости террористических действий и несопоставимости целей и методов. На заре своей деятельности обе организации рассматривались как патриоты и идеалисты (Linz, 1985; Hayes, 2001), однако в дальнейшем население регионов стало относиться к их деятельности более враждебно. Ирландская модель разрешения вооруженной стадии этнополитического конфликта рассматривалась в качестве возможного паттерна в урегулировании баскской ситуации, однако ряд внутренних документов ЭТА (Alonso, 2004: 699) показывает, что баскские националисты не хотели идти на компромиссы, которые, по их мнению, были сделаны ИРА: «Вся ирландская нация была лишена права на самоопределение... Ирландцы должны смириться с разделением своего народа» (Alonso, 2004: 695). Существует точка зрения, что понимание басками ситуации в Северной Ирландии было основано на ряде ошибочных положений и фактически извращено (Alonso, 2004: 695): вопреки духу Белфастского соглашения баскские националисты отошли от существующего консенсуса с ненационалистическими партиями вокруг идеи развития баскской автономии, укрепив волю ЭТА продолжать свою деятельность. Радикализация национализма в баскском регионе, в отличие от конституционализации национализма, как в североирландском вопросе, которая была ключевым фактором в достижении консенсуса, закрепленного в 1998 г., способствовала продолжению террора.

Вооруженный конфликт в Северной Ирландии рассматривался через теорию драмы. Теория драмы связана с именем Найджела Ховарда и возникла в результате попытки решить некоторые методологические проблемы теории игр, в том числе проблему одного из базовых понятий теории игр «рациональности» (Ховард, 2008: 32). «Драма» состоит из последовательности эпизодов конфликта, каждый из которых логичным образом ведет к следующему эпизоду. Такая система позволяет создавать общее руководство для реализации задачи поддержки мира. Важным элементом теории драмы является анализ дилемм – особых противоречий, которые порождают «мотивы, побуждающие героев драмы искать общее решение конфликта, изменяя и согласовывая с этой целью свои позиции» (Семенов, Светлов, 2008: 19). Дилеммный анализ представляет собой теоретическое ядро теории драмы – Н. Ховард доказал теорему, связывающую разрешение всех дилемм (их всего 6) с достижением единственной и устойчивой точки равновесия в конфликте (Howard, 1999: 315). В своей книге «Confrontation analysis» Н. Ховард рассматривает переговоры по вопросу Северной Ирландии, предшествовавшие соглашению 1998 г. С помощью дилеммного анализа представлен период накануне возобновления мирных переговоров в 1997 г. между Великобританией, ИРА и юнионистами (Howard, 1999: 118). В этот момент Тони Блэр только возглавил правительство Великобритании после того, как при его предшественнике было нарушено перемирие с ИРА в 1996 г. Изначально прекращение огня должно было предшествовать межпартийным мирным переговорам, однако оно потерпело крах из-за настойчивого требования британского правительства поддержать требование юнионистов о том, чтобы Шинн Фейн (политическое крыло ИРА) не допускалось к переговорам, если ИРА сначала не передаст часть своего оружия. ИРА предлагала прекратить огонь (но не разоружаться), если ее затем допустят к мирным переговорам. Позиция юнионистов, разделяемая британцами, заключалась в том, что Шинн Фейн может быть допущена к переговорам только в том случае, если они разоружатся. Если это будет отклонено, британцы и профсоюзные деятели угрожали продолжить переговоры без ИРА (на самом деле переговоры продолжались, но «топтались» на месте). Таким образом, «угрожающее будущее» состояло в том, что ИРА не прекращала огонь и не разоружалась, британцы не допускали их к переговорам, а юнионисты не прекращали переговоров. Н. Ховард подробно анализирует дилеммы, с которыми столкнулись все участники конфликта, уделяя внимание Великобритании: дилеммы убеждения (inducement) (Howard, 1999: 105), сдерживания (deterrence) (Howard, 1999: 95), сменившиеся дилеммой позиционирования (positioning) (Howard, 1999: 116). Для выхода из этой ди-

леммы британское правительство склоняло юнионистов в пользу допуска Шинн Фейн к переговорам (в терминах теории драмы склоняло Шинн Фейн сменить их старую позицию на новую, разделяемую британским правительством), хотя на тот момент ИРА еще не сложила оружия. Такой схематичный разбор переговоров позволяет выявить общую логику процесса, изучение которой может быть применимо и для других этнополитических конфликтов. Дилеммы возникали не раз и в истории баскского конфликта. Одним из таких моментов был период в конце 1990-х гг.: когда ЭТА проиграла «войну на истощение» и оказалась в ситуации, когда ее дальнейшее существование стояло под вопросом. Как известно, выходом из этой ситуации для ЭТА стало сотрудничество с БНП, однако накануне самого сотрудничества участники конфликта столкнулись с рядом дилемм: ЭТА и БНП с дилеммами сотрудничества и доверия, а также ЭТА с дилеммой сдерживания (*deterrence*) в отношениях с испанским правительством. Подобный анализ ключевых эпизодов конфликта позволяет составить схему последовательности всех этапов, универсальность которой позволяет сопоставлять между собой различные этнополитические конфликты, при условии, что они изначально могут быть сравнимы.

Современная ситуация

На современном этапе рассматриваются официальный статус регионов, политическая структура, лидирующие политические партии, вопрос их поддержки среди населения, а также вопросы идентичности и отношения к националистическим проектам.

Северная Ирландия представляет собой автономию в составе Великобритании, которая обладает достаточно широкими полномочиями по сравнению с другими территориальными единицами государства: в соответствии с соглашением 1998 г. она имеет право на сецессию по результатам всенародного референдума. Помимо этого, регион имеет свой собственный законодательный однопалатный орган – Ассамблею Северной Ирландии, в котором по результатам выборов 2017 г. почти одинаковое количество мест получили националистическая Шинн Фейн (27 мест) и Демократическая юнионистская партия (28 мест). ДЮП потеряли 10 мест по сравнению с предыдущими выборами, кроме того, принимая во внимание все результаты, можно сделать вывод о победе националистов (Шинн Фейн совместно с социал-демократической и лейбористской партией) хотя и с небольшим перевесом. На сегодняшний день перевес небольшой: 9:8 (Ананьева, 2019: 34), однако уровень поддержки юнионистов, согласно исследованиям общественного мнения⁴, продолжает падать и составляет всего 16% против растущей поддержки Шинн Фейн (25%).

Страна Басков – автономное сообщество, политическая система которого регулируется Статутом Герники 1979 г., который предоставляет ему широкий уровень автономии в решении политических, экономических, социальных, культурных и других вопросах (предоставлена исключительная компетенция согласно ст. 10 Статута⁵). Право на сецессию, в отличие от североирландского случая, однако, отсутствует. Регион имеет свой собственный законодательный орган – однопалатный парламент, состоящий из 75 депутатов. После выборов июля 2020 г. абсолютное большинство мест досталось националистам: 31 место у БНП и 21 – EH Bildu, после них идут социалисты (PSOE – 10 мест и Podemos – 6 мест), и замыкают список блок Partido Popular + Ciudadanos и партия Vox (суммарно 7 мест). Таким образом, парламент Страны Басков практически полностью представлен националистами и партиями левого толка (в том числе, левыми националистами, к которым относится EH Bildu).

При оценке современной ситуации значимой зависимой переменной является вопрос идентичности граждан регионов: кем они себя осознают, как относятся к вопросу территориального статуса. Влияние на такие процессы оказывает, прежде всего, уже упомянутая выше политика государства по урегулированию этнополитических противоречий и наличие соответствующих правовых процедур, как, например, право выбирать гражданство. Статус региона является предметом исследования различных опросов общественного мнения в Северной Ирландии. За последние три года (2019–2021 гг.) можно выявить ряд тенденций. Большинство респондентов по-прежнему считает Соглаше-

⁴ Belfast Telegraph opinion poll: Northern Ireland's changing political landscape as support for parties revealed [online]. Available at: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/belfast-telegraph-opinion-poll-northern-irelands-changing-political-landscape-as-support-for-parties-revealed-40453232.html>. (Accessed: 18th August 2021).

⁵ Ley Organica 3/1979 [online]. Available at: https://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/estatuto_de_gernika/es_def/adjuntos/estatuto_ley.pdf (Accessed: 19th August 2021).

ние 1998 г. наилучшей базой управления регионом⁶, однако 2020 г. показал увеличение на 10 % среди тех, кто поддерживает идею реформы этого документа. Что касается долгосрочного прогноза, то здесь результаты неоднозначные: согласно исследованию, проведенному BBC в 2021 г., большинство респондентов считают, что Северная Ирландия перестанет быть частью Великобритании в ближайшие 25 лет, однако аналогичный вопрос на 10-тилетнюю перспективу дал меньшее количество положительных ответов⁷. Схожие вопросы в североирландском исследовании 2020 г. также демонстрируют рост сторонников объединения Ирландии по сравнению с 2019 г., однако в видении политического статуса региона в ближайшие 20 лет большинство (41%) считают реалистичным проектом существование Северной Ирландии в составе Великобритании⁸. Особое место в этом вопросе занимает влияние Брексита. Во-первых, абсолютное большинство жителей Северной Ирландии (74%)⁹ считают необходимым для Великобритании поддержание близких отношений с ЕС даже после выходы государства из состава организации. Кроме того, выход из ЕС увеличил на 19 %¹⁰ количество сторонников позиции, что факт Брексита делает более возможным сценарий образования объединенной Ирландии. С экономической точки зрения абсолютное большинство респондентов (57%)¹¹ негативно оценивают выход Великобритании из ЕС и считают, что Северная Ирландия пострадает от такого шага. При сравнении современной ситуации с более ранним периодом 2003 г. (Coakley, 2020) мы видим изменение позиции в Северной Ирландии в разрезе религиозных сообществ. С одной стороны, католики все так же поддерживают идею единой Ирландии, а протестанты против выхода из состава Великобритании, однако среди католиков поддержка сецессии уменьшилась по сравнению с 2003 г. Кроме того, в обеих группах наблюдается увеличение поддержки идеи остаться в составе Великобритании при условии разграничения полномочий. Несмотря на то, что большинство североирландцев не поддерживают идею выхода из Великобритании, они выступают за необходимость проведения референдума в ближайшие 5 лет¹².

По вопросу идентичности разные исследования показывают несколько разные, хотя и близкие результаты. Результаты ежегодного исследования Northern Ireland Life and Times (NILT) в 2020 г. выявили, что большинство опрошенных (23%) считают себя британцами, а не ирландцами, однако количество сторонников такой точки зрения уменьшилось на 10% по сравнению с предыдущим годом¹³. На втором месте те, кто считают себя ирландцами, а не британцами – 19%¹⁴. А январское исследование 2020 г. LucidTalk, наоборот, отразило большинство (35%)¹⁵ среди тех, кто считает себя ирландцем, а не британцем, и только второе место (25%) занимают те, кто считают себя британцами. Вопросы идентичности имеют юридическое закрепление, так как Соглашение 1998 г. позволяет жителям, родившимся в Северной Ирландии, выбрать свое гражданство, либо иметь двойное¹⁶.

Рассмотрим аналогичные показатели в Стране Басков. Следует отметить парадокс, который был замечен изданием El País в июле 2021 г.¹⁷: процент тех, кто считает, что Страна Басков не должна выходить из состава Испании достиг максимума за предыдущие годы – 41%, одновременно с этим выросла поддержка ключевых националистических партий – БНП и EH Bildu. Вероятно, на подобное явление оказал влияние ряд факторов: связь проекта независимости с террористическим прошлым, которое негативно оценивается большинством жителей региона; изменение экономической ситуации,

⁶ Research update. Political Attitudes in Northern Ireland in a Period of Transition. Number 142. June 2021 [online]. Available at: <https://www.ark.ac.uk/ARK/sites/default/files/2021-06/update142.pdf>. (Accessed: 25th August 2021).

⁷ NI 100: Majority believes NI will leave UK within 25 years. BBC [online]. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-56777985>. (Accessed: 26th August 2021).

⁸ Research update. Political Attitudes in Northern Ireland in a Period of Transition. Number 142. June 2021 [online]. Available at: <https://www.ark.ac.uk/ARK/sites/default/files/2021-06/update142.pdf>. (Accessed: 25th August 2021).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ <https://www.lucidtalk.co.uk/single-post/lt-ni-sunday-times-january-2021-state-of-the-uk-union-poll>.

¹² Public opinion and Northern Ireland's future: what does the latest polling tell us? [online]. Available at: <https://www.northernslant.com/public-opinion-northern-irelands-future/> (Accessed: 25th June 2021).

¹³ Research update. Political Attitudes in Northern Ireland in a Period of Transition. Number 142. June 2021 [online]. Available at: <https://www.ark.ac.uk/ARK/sites/default/files/2021-06/update142.pdf>. (Accessed: 25th August 2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ LT NI SUNDAY TIMES January 2021 - NI-Wide Poll [online]. Available at: <https://www.lucidtalk.co.uk/single-post/lt-ni-sunday-times-january-2021-state-of-the-uk-union-poll>. (Accessed: 26th June 2021).

¹⁶ The Agreement. Constitutional issues [online]. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/136652/agreement.pdf. (Accessed: 4th June 2021).

¹⁷ La paradoja de Euskadi: menos independentismo, más nacionalismo. El País [online]. Available at: <https://elpais.com/espana/2021-07-18/la-paradoja-de-euskadi-menos-independentismo-mas-nacionalismo.html> (Accessed: 4th June 2021).

как в автономном сообществе, так и по всей Испании; изменения в политике националистических партий в сторону умеренности и поиска компромиссов; активная поддержка деятельности нынешнего президента Страны Басков Иньиго Уркульо и др. Одновременно с этим продолжается рост доли тех респондентов, кто считают себя одновременно и басками, и испанцами, и падение общей заинтересованности в политических вопросах¹⁸.

При измерении «уровня национализма» (в вопросе звучала просьба оценить уровень собственного национализма по шкале от 1 до 10)¹⁹ за последние 10 лет не произошло значительных изменений, и большинство респондентов указывают на некий средний «уровень национализма». Как упоминалось выше, значительно вырос процент противников независимой Страны Басков, в большей степени это случилось за счет тех, кто ранее не знал или затруднялся ответить на данный вопрос (16% в 2020 г. против 6% в 2021 г.²⁰), при этом доля сторонников независимости практически не изменилась: 22% – в 2020 г., 21% – в 2021 г. Что касается долгосрочного тренда, то здесь очевиден постоянный рост противников независимости: с 24% в 1998 г. до нынешних 41%. В вопросе идентичности впервые за период исследования (с 1995 г.) число тех, кто считают себя и басками, и испанцами достигло 40%, а доля тех, кто считают себя только басками значительно упала: с 24% в 2020 г. до 19% – в 2021 г.²¹. И хотя по-прежнему по суммарному результату большинство респондентов считают себя басками (либо только басками, либо и басками, и испанцами) можно проследить тенденцию к изменению настроений в вопросе самоидентификации.

Заключение

Таким образом, выделим ряд существенных характеристик по всем четырем группам. ЕС официально декларирует неучастие во внутригосударственных конфликтах стран-участниц, однако сами процессы интеграции и дезинтеграции оказывают влияние на конфликтные процессы: дезинтеграционный процесс Брексита, в целом, обострил ситуацию в Северной Ирландии, а процессы евроинтеграции способствуют развитию по принципу «Европы регионов», который поддерживается баскскими националистическими партиями и может усложнять коммуникацию между региональным баскским правительством и центральным испанским. Более последовательная и недвусмысленная политика Великобритании привела к относительно благополучному урегулированию конфликта: сыграли свою роль и гибкий переговорный процесс как основа урегулирования, и предоставление широких прав (включая право на сецессию, право выбирать гражданство), и ряд других факторов. Этот подход отразился и на решении вопроса жертв терроризма, и на процессах трансформации общества. Эффективность последовательной политики Великобритании противопоставляется двойственности подхода в испанском обществе: и это несмотря на то, что террористические действия ИРА унесли большее количество жизней, чем терроризм ЭТА. В результате баскский национализм был радикализован, а ирландский конституционализован. В Испании прекращение террористической деятельности стало следствием не переговорной тактики и последовательной политики государства, как в случае с Великобританией, а результатом неэффективности террора как инструмента решения вопроса и падения поддержки группировки ЭТА в регионе. Дальнейшее развитие вопроса территориальных проблем в Северной Ирландии может быть связано не столько с национальными и религиозными факторами, как это было ранее, сколько с экономическими и политическими последствиями Брексита, прежде всего, при решении вопросов вокруг Протокола по Северной Ирландии. Последние социологические исследования в регионе показывают, что с точки зрения идентичности и националистических настроений не ожидается эскалации конфликта в ближайшей перспективе. В Стране Басков можно говорить о развитии и видоизменении национализма: речь идет уже не о создании независимого государства, а о расширении автономии и требовании нового уровня взаимоотношений с Испанией, что подтверждается риторикой нового раунда дискуссий об обновлении Статута региона, начавшегося в 2021 г. Баскский национализм сумел «приспособиться» к новым реалиям: полностью переформатировав тактику и стратегию своей деятельности, он сумел остаться лидирующей силой в регионе.

¹⁸ El rechazo a la independencia llega a su tope histórico en Euskadi y sube hasta el 41%. El País [online]. Available at: <https://elpais.com/espana/2021-06-09/el-rechazo-a-la-independencia-llega-a-su-tope-historico-en-euskadi-y-sube-hasta-el-41.html>. (Accessed: 6th June 2021).

¹⁹ Sociometro Vasco 73. Junio 2021 [online]. Available at: https://bideoak2.euskadi.eus/2021/06/09/news_69800/Sociometro.pdf. (Accessed: 24th August 2021).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

Список литературы / References

- Ананьева, Е. (2019) 'Первые шаги второго правительства Джонсона', *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, (6), pp. 30–35. [Anan'eva, E. (2019) "The first steps of the Johnson's second government ['Pervye shagi vtorogo pravitel'stva Dzhonsona']", *Scientific and analytical Bulletin [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]*, (6), pp. 30–35 (In Russ.)].
- Бароха, Х. К. (2004) *Баски*. Москва: УРСС. [Barokha, Kh. K. (2004) *Baski [Basques]*. Moscow: URSS (In Russ.)].
- Ландабасо Ангуло, А., Коновалов, А. (2004) *Терроризм и этнополитические конфликты*. (Том 2). Москва: «Огни». [Landabaso Angulo, A., Konovalev, A. (2004) *Terrorizm i etnopoliticheskie konflikty [Terrorism and ethno-political conflicts]*. (Vol 2). Moscow: «Ogni» (In Russ.)].
- Семенов, В. А., Светлов, В. А. (2008) 'Найджел Ховард – создатель теории метаигр и теории драмы', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11(4), сс. 5–29. [Semenov, V. A., Svetlov, V. A. (2008) 'Nijel Howard is the founder of metagames theory and drama theory' [«Naidzhel Khovard – sozdatel' teorii metaigr i teorii dramy»], *Journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]*, 11(4), pp. 5–29. (In Russ.)].
- Ховард, Н. (2008) 'Теория драмы (избранные фрагменты)', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11(4), сс. 30–46. [Khovard, N. (2008) 'Drama theory (selected fragments)' [Teoriya dramy (izbrannyye fragmenty)], *Journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]*, 11(4), pp. 30–46 (In Russ.)].
- Alonso, R. (2004) 'Pathways Out of Terrorism in Northern Ireland and the Basque Country': The Misrepresentation of the Irish Model', *Terrorism and Political Violence*, 16(4), pp. 695–713. DOI: 10.1080/095465590898651.
- Berastegi, A. A. (2017) 'Transitional justice in settled democracies': Northern Ireland and the Basque Country in comparative perspective', *Critical Studies on Terrorism*, pp. 1–20. DOI: 10.1080/17539153.2017.1336290.
- Berg-Schlosser, Dirk. (2015) 'Comparative Studies: Method and Design', *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, pp. 439–444. DOI: 10.1016/8978-0-08-097086-8.44008-0.
- Bourne, A. K. and Bourne, A. K. (2003) 'European integration and conflict resolution in the Basque country, Northern Ireland and Cyprus', *Perspectives on European Politics and Society*, 4(3), pp. 391–415.
- Coakley, J. (2020) 'Public Opinion and Irish Unity: Some Comparative Data' [online]. Available at: <https://publicpolicy.ie/perspectives/public-opinion-and-irish-unity-some-comparative-data/>. (Accessed: 25.08.2021).
- Duhart, P. (2019) 'Criminalizing peace': anti-terrorism law and its impact on peacemaking in the Basque Country and Northern Ireland peacemaking in the Basque Country and Northern Ireland', *Peacebuilding*, pp. 1–15. DOI: 10.1080/21647259.2019.1632055.
- Filippidou, A. (2007) 'Negotiating Tactics in Low Intensity Conflicts': The Cases of Northern Ireland, the Basque Country and Corsica', *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 7(3), pp. 94–108.
- Hayes, B. C., McAllister, I. (2001) 'Sowing Dragon's Teeth: Public support for Political Violence and Paramilitarism in Northern Ireland', *Political Studies*, (49), pp. 901–922.
- Hearty, K. and Berastegi, A. A. (2018) 'A context-based model for framing political victimhood': Experiences from Northern Ireland and the Basque Country', *International Review of Victimology*, pp. 1–18. DOI: 10.1177/0269758018782237.
- Howard, N. (1999) *Confrontation analysis. How to win operations other than war*. Washington, DC: CCRP.
- Irujo, X. (2017) 'The International Dimension of the Basque Government's Politics in Exile' in: Irujo, X., Olaziregi, M. J. (ed.) *The International Legacy of Lehendakari Jose A. Agirre's Government*. Reno, Nevada: Center for Basque Studies Press, pp. 61–79.
- Linz, J. J. (1985) *Conflictio en Euskadi*. Madrid: Espasa-Calpe.
- Sánchez-Cuenca, I. (2007) 'The Dynamics Of Nationalist Terrorism': ETA and the IRA', *Terrorism and Political Violence*, 19(3), pp. 289–306. DOI: 10.1080/09546550701246981.

Obel Hansen, T. (2011) 'Transitional Justice: Toward a Differentiated Theory', *Oregon Review of International Law*, 13 (1), pp. 1–46.

Webber, J. (2012) 'Forms of Transitional Justice' in: Nagy, R., Williams M. S., and Elster, J. (ed.) *Transitional Justice*. New York: New York University Press.

Статья поступила в редакцию: 11.10.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 22.03.2022

Статья принята к печати: 15.04.2022

ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN THE NORTHERN IRELAND AND THE BASQUE COUNTRY: COMPARATIVE ANALYSIS

Yu. N. Frolova

Yu. N. Frolova, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science Institute of History and Social Sciences,
RGPU them. A. I. Herzen, Russia, Moscow.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Abstract

The article focuses on the study of the current stage of the Basque and Northern Irish ethno-political conflicts. The research methods are comparative analysis and drama theory. Researchers from different fields have addressed the problem of comparing these conflicts, but a large proportion of these publications are related to the period of terrorist activity; this study complements the existing scientific base with studying the current stage that has come after the cessation of hostilities in both territories. Despite the fact that at the moment both regions are not "hot spots", and in Northern Ireland the issue has been formally settled, nationalist sentiments continue to be on top of the agenda, as evidenced by the steady support of nationalist parties and projects in both regions. In this regard, the author aims to formulate the essential characteristics and a number of trends of the current stage of conflicts that need to be taken into consideration both in the formation of regional policy and at the European level, which is especially significant for the European Union, where most of the participating states are somehow involved in such ethno-political conflicts.

Keywords: ethnopolitical conflicts; Basque country; Northern Ireland; sovereignty; ETA; IRA; Brexit; drama theory; comparative analysis.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-80-93

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: ПЛАНИРОВАНИЕ, МОНИТОРИНГ, ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ НА КРИЗИС COVID-19

Н. В. Плотичкина

Плотичкина Наталья Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления,

Кубанский государственный университет.

E-mail: oochronos@mail.ru (ORCID: 0000-0003-2601-5107. Researcher ID: T-2121-2019).

Аннотация

Выявляется специфика стратегического планирования, оценки и мониторинга национальных молодежных политик в европейских странах. Выделены национальные модели молодежных политик по ряду критериев (экспликация молодежи и её транзисии во взрослость, система социального обеспечения). Охарактеризованы меры молодежной политики, внедренные странами в ответ на кризис COVID-19. Описаны стандарты качества национальных молодежных стратегий, предложенные международными организациями (ОЭСР), и инициативы различных стран по формулированию, осуществлению, контролю программ и планов развития молодежной сферы. Национальные молодежные стратегии носят межотраслевой комплексный характер и фокусируются на различных областях политики. Межсекторальное сотрудничество обеспечивает интеграцию и рациональную координацию действий в рамках молодежной политики. Устойчивость и результативность политики зависят от систематического сбора данных с разбивкой по возрасту и интеграции полученных результатов молодежных исследований в процесс разработки и реализации политико-управленческих решений. Эффективность мониторинга молодежной политики обеспечивается посредством четкой формулировки контрольных индикаторов прогресса в достижении поставленных целей в молодежном секторе. В качестве значимого фактора инклюзивной модели политики выступает вовлечение различных стейкхолдеров, прежде всего, молодых граждан, на всех этапах политического цикла в принятие управленческих решений по молодежным вопросам.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; национальная молодежная стратегия; планирование, оценка, мониторинг молодежной политики; участие молодежи в управлении политикой; национальные модели молодежной политики; антикризисная политика; COVID-19.

Ландшафт молодежной политики сложен и разнообразен, основан на рекомендациях, разработанных международными организациями (ЕС, Совет Европы, Европейский молодежный форум, ОЭСР, ООН). Адаптируя предложенные стандарты с учетом национального контекста, европейские страны формируют собственную инфраструктуру и инструментарий национальной молодежной политики (*далее – НМП*); в итоге, в различных государствах наблюдается дифференциация национальных профилей молодежной политики (Беляева, 2020).

Успешное вхождение молодежи во взрослость требует гибкого инструментария молодежных политик, обретающих национальную специфику. В молодежных стратегиях, принятых ЕС и Советом Европы, закреплены следующие принципы: поддержание приверженности молодых людей ценностям европейской культуры, расширение прав, возможностей и участия молодежи, в т.ч. в разработке и реализации НМП, социальная инклюзия молодых людей, продвижение практик работы с молодежью (EU, 2018; СоЕ, 2020).

Пандемия COVID-19 внесла коррективы в реализацию молодежных инициатив: наблюдаются активная цифровая работа местных органов власти в молодежной среде, перевод молодежных сервисов в режим онлайн, обеспечение доступа молодежи к дистанционному формату обучения. Для политико-управленческой сферы актуальность данного исследования обусловлена потребностью в поиске эффективных моделей и технологических форматов развития национальной молодежной политики.

В предлагаемой статье мы приводим результаты сравнительного анализа страновых моделей национальной молодежной политики, описываем передовые инициативы по стратегическому планированию, оценке и мониторингу НМП, практики продвижения участия молодых граждан в процессах разработки и реализации политико-управленческих решений по молодежным вопросам, ответные меры НМП на кризис COVID-19 в европейских государствах. Эмпирические основы проведенного исследования составляют нормативные документы стран Европы в сфере НМП, материалы социологических опросов, проведенных Организацией экономического сотрудничества и развития (*далее – ОЭСР*) в 2018–2021 гг. (OECD, 2018; 2020; 2021b; 2021c).

Национальные модели молодежной политики

Национальные профили разработки, реализации, мониторинга молодежной политики в зависимости от специфики переноса регуляторных практик в сфере НМП на низовые структуры власти, децентрализации процесса принятия политико-управленческих решений, межсекторальной координации эксплицируются в работах Х. Уильямсона, З. Лавчян, М. Фраса (Williamson et al., 2021). А. М. Шербан, Т. Барбер идентифицировали модели НМП на основе особенностей концептуализации механизма политического управления молодежной сферой в программных документах, нормативно-правовых актах (Şerban et al., 2018). Х.Ли предлагает в качестве универсального критерия дифференциации европейских молодежных политик – доминирующие официальные дискурсы «контроля vs заботы о молодежи» («молодежь как угроза либо надежда нации»), выделяя две модели НМП: *проблемно-ориентированную* и *основанную на инвестициях* (включающую политики *расширения гражданских прав* и *экономического оппортунизма*) (Li, 2019). А. Вальтер, напротив, фиксирует размывание границ между «мягкой» децентрализованной НМП и «жестким», стандартизированным, организованным на национальном уровне форматом управления молодежной политикой, что коррелирует с переходом европейских правительств к экспланации молодежи в качестве стратегического ресурса общества и государства (Lüküslü et al., 2015: 7, 60).

Структура и правовое регулирование оценки и мониторинга молодежной политики разнообразны. В ряде государств установлены четкие количественные индикаторы мониторинга и оценки НМП, коррелирующие со стратегиями в молодежной сфере, планами действий по их реализации и т.д. (Эстония, Сербия, Великобритания, Чехия, Мальта, Франция). В других странах отсутствует всеобъемлющий перечень целей НМП, «измерительных» критериев, методов мониторинга и оценки молодежной политики в силу межсекторального характера НМП и участия множества различных государственных структур в разработке и реализации политики (Lonean et al., 2020: 21). Межсекторальный подход к молодежной политике может затруднять определение того, какие политические стратегии, программы и проекты подлежат мониторингу и оценке. Большинство государств не разработали механизмы, показатели отслеживания прогресса в осуществлении НМП, но четко определили цели молодежной политики в соответствующих документах (Законы о молодежи 2008г. и 2016г. в Люксембурге, Национальный молодежный план на 2018–2021 гг. в Португалии).

Некоторые исследователи выделили национальные модели молодежной политики, дополнив типологию социальных политик в государствах всеобщего благосостояния (Г. Эспинг-Андерсен) режимами молодежных транзитных троп (Walther et al., 2021). При этом режимы молодежных транзитных троп (образцов перехода молодых людей от школы к работе) отражают различные дискурсивные представления о молодом поколении в континууме «ресурс vs проблема»: личное развитие (Швеция), экономическая независимость (Великобритания), семейная зависимость (Италия), профессиональная социализация (Германия, Франция). Кроме того, режимы перехода затрагивают области политики, не включенные в профили систем социального обеспечения: образование, профессиональная подготовка, занятость.

В *универсальной модели*, основанной на логике личностного развития молодежи (Швеция), действует высокоразвитая государственная система социального обеспечения, предоставляются бесплатное среднее и высшее образование, финансовая поддержка студентов вузов; целевые группы НМП – все категории молодежи (Andersson et al., 2016). Национальный уровень обеспечивает правовую и экономическую основу молодежной политики, вовлекает местные органы власти в решение молодежных проблем, поддерживает партнерство государства и гражданского общества в реализации НМП. Муниципалитеты обладают значительной автономией в ходе осуществления молодежной политики (Карагулян и др., 2021: 2053). Молодежь интерпретируется как актив, развитие которого не-

обходимо поддерживать. Политика направлена на поощрение молодежной независимости, носит межсекторальный характер.

В *консервативной, ориентированной на занятость, протекционистской модели* (Франция, Германия) НМП ориентируется на развитие молодежного рынка труда, образования, демократических навыков в молодежной среде, вовлечение молодежи в процесс принятия политико-управленческих решений; НМП направлена на различные категории молодежи, в т.ч. уязвимые. Дискурсу НМП Германии свойственна риторика эгалитаризма, наделения молодежи равными правами и возможностями (Майборода и др., 2021: 80). Целевую аудиторию молодежной политики составляют граждане от 12 до 27 лет (Германия) либо от 16 до 25 лет (Франция). Отсутствует (Франция) либо принят (Германия) национальный закон о молодежи; нормативно-правовые акты, затрагивающие молодежь, касаются социальной инклюзии, профессионального обучения и т.д. В этих странах отсутствует единая национальная молодежная стратегия (*далее – НМС*), совместно разработанная всеми уровнями власти (ОЕСД, 2021b:19). Так, в Германии действуют молодежные стратегии на уровне федерального правительства, региональных и местных сообществ. Партнерство между агентами молодежной политики может реализовываться на основе принципа субсидиарности.

Для *либеральной модели на базе общин* (Великобритания) характерно предоставление адресной политики и услуг наиболее уязвимым группам молодежи. Моделью движет логика индивидуальной эмансипации: возможность более раннего выхода на рынок труда в комбинации с индивидуализацией позволяет молодым людям обрести самостоятельность. Молодежный вопрос экспланируется как проблемный, НМП фокусируется на социальной инклюзии, на предоставлении возможностей для молодежи, значимости самовыражения и выбора в молодежной среде; в поле политики находятся различные возрастные группы молодежи (Майборода и др., 2021: 83–84). Решения о предоставлении молодежных услуг принимаются на местном уровне; молодежной политике свойственна децентрализация, гетерогенность акторов, работающих в молодежной среде. В основном, в странах Соединенного Королевства отсутствуют национальные законы о молодежи; не существует НМС, охватывающей всю Великобританию. Ответственность за разные области молодежной политики ложится на различные государственные департаменты.

В основе *субпротекционистской фамилистической модели* (Италия, Испания, Греция, Португалия) лежит логика семейной аффилиации, длительная социоэкономическая несамостоятельность и зависимость молодежи от семьи. Семья выступает в качестве ключевого агента ресурсной поддержки молодежи в ходе транзисии во взрослость (Unt et al, 2021: 33–38). В фокус политики попадают группы от 14 до 28/35 лет. В странах отсутствует национальный закон о молодежи. Молодежная политика часто характеризуется фрагментацией и отсутствием сотрудничества на разных уровнях. Сегментация рынка труда, низкий уровень образования приводят к высокой безработице в молодежной среде. Молодежная политика направлена на предоставление молодежи статуса – в плане занятости, обучения или образования; облегчение выхода молодых людей на рынок труда является приоритетом. В Италии, Греции, Португалии приняты национальные молодежные стратегии (ОЕСД, 2021b:19-20).

Т. Шевалье концептуализировал политику по предоставлению экономического (доступ к занятости) и социального (выплата льгот, пособий) гражданства для молодежи, выявил ковариацию между институциональным выражением статуса гражданина в молодежной среде и различными способами регулирования перехода от школы к работе (Chevalier, 2018).

Исследователь выделил *«инклюзивную»* и *«избирательную»* модели политики экономического гражданства в зависимости от системы формирования навыков, компетенций молодежи («перспектива обучения vs перспектива работы»). Политика социального гражданства приобретает *«фамилиализированную»* или *«индивидуализированную»* форму в соответствии с официальной дискурсивной интерпретацией молодежи («дети vs взрослые»). В европейских странах действуют четыре режима гражданства: *«гражданство, предоставляющее возможности»* (индивидуализация и инклюзивность в Швеции, Финляндии, Дании, Нидерландах), *«контролируемое гражданство»* (фамилиализация и инклюзивность в Германии и Австрии). В Испании, Португалии, Греции, Италии, Франции, Бельгии и Люксембурге существует режим *«отказа в гражданстве»* (фамилиализация и селективность); в Великобритании и Ирландии соблюдается режим *«гражданства второго сорта»* (индивидуализация и селективность).

Стратегическое планирование НМП, мониторинг реализации НМС

В зарубежных странах национальная молодежная стратегия является инструментом государственного стратегического планирования, определения приоритетов в молодежной политике, привлечения стейкхолдеров для разработки молодежных программ. По данным исследований ОЭСР, в 2020 г. 76% стран-участниц имели действующую национальную молодежную стратегию (в 2018 г. только 40% государств ОЭСР) (OECD, 2018: 9).

Фламандское сообщество в Бельгии разработало собственную молодежную стратегию; в Германии и Швейцарии действует федеральная стратегия в молодежной сфере; муниципалитет Вила-Нова-ди-Гая (Португалия) подготовил план по реализации молодежной политики на местном уровне¹. По данным ОЭСР, основными целями реализации НМС являются поддержка молодежи в переходе во взрослость (100% стран-участниц), учет её интересов во всех соответствующих областях государственной политики (84%) и расширение доступа к государственным услугам (80%) (OECD, 2020: 33).

В 2020 г. ОЭСР разработала рамочную концепцию по оценке национальных молодежных стратегий на основе 8 критериев (таблица); рекомендации позволяют определить, в какой степени учреждения, отвечающие за НМП, применяют принципы надлежащего управления при разработке, реализации, мониторинге и оценке стратегии (OECD, 2020: 35).

Рамочная программа действий ОЭСР по оценке НМС

Критерии оценки НМС	Экспланация индикаторов
Закрепленность в политических обязательствах руководства страны; политическая поддержка на высшем уровне	Заявления на высоком политическом уровне, в которых молодежь рассматривается как приоритет правительства; молодежь включена в стратегические правительственные документы (например, национальную стратегию развития страны); интеграция НМП в общую политику национального развития. Молодежная политика является приоритетной политической областью в национальной повестке дня.
Фактологическая обоснованность	Разработка и реализация НМП основана на актуальных и надежных данных об условиях жизни молодежи; регулярно проводятся прикладные исследования молодежи; эмпирические данные с разбивкой по возрасту собираются министерством, отвечающим за молодежь, отраслевыми министерствами, независимым статистическим органом; существует система обмена данными между стейкхолдерами.
Участие заинтересованных сторон на всех этапах политического цикла	Участие в разработке, реализации, мониторинге, оценке НМС различных стейкхолдеров: молодежных организаций, лиц, занимающихся работой с молодежью, молодежи, в т.ч. уязвимых и маргинализированных групп. Создаются инструменты и каналы для обеспечения значимого участия молодых людей в процессе принятия политико-управленческих решений (личные встречи, опросы, семинары и конференции, онлайн-консультации, вебинары).
Ресурсная обеспеченность	Государственный орган, реализующий молодежную политику, имеет выделенный бюджет, обеспечен человеческими ресурсами; правительство выделяет гранты и иные формы поддержки молодежным организациям и т.д.

¹ Gabinete de Juventude da Câmara Municipal de Gaia [The Youth Office of the Municipality of Gaia] (2017) *Plano Municipal da(s) Juventude(s) de Gaia* [Gaia Youth (s) Municipal Plan] [Online]. Available at: <https://www.cm-gaia.pt/fotos/editor2/juventude/pmjpgaia.pdf> (Accessed: 3 January 2022).

Критерии оценки НМС	Экспланация индикаторов
Прозрачность, доступность, публичность	Доступность стратегии в сети Интернет; в национальной молодежной стратегии четко определены обязанности по реализации, мониторингу и оценке; общедоступность результатов опросов, консультаций и отчетов.
Контроль, оценка, подотчетность	В стратегии установлены цели, задачи, ключевые показатели эффективности; создана система сбора данных по ключевым показателям эффективности; существуют специальные механизмы для обеспечения качества собираемых данных; отчеты о ходе работ готовятся на регулярной основе; данные, полученные в ходе мониторинга, используются для информирования лиц, принимающих решения; оценки готовятся регулярно и становятся общедоступными.
Межсекторальный подход	Межсекторальная молодежная стратегия предполагает, что охватываются все соответствующие области политики, существует механизм горизонтальной и вертикальной координации между различными министерствами, уровнями правительства и государственными органами, работающими с молодежью. Все соответствующие области политики рассматриваются и соотносятся друг с другом в НМС; в течение всего цикла разработки молодежной политики участвуют отраслевые министерства; созданы механизмы внутриведомственной координации; существуют механизмы вовлечения местных и региональных уровней управления в реализацию стратегии. На национальном и местном уровнях существует эффективная координация между молодежными и иными политическими секторами.
Гендерный подход	Национальная молодежная стратегия должна оцениваться с учетом потребностей женщин и мужчин; присутствует ссылка на гендерное равенство в стратегии; наличие данных с разбивкой по полу; наличие в рамках стратегии гендерных целей.

Стандарты, разработанные Европейским молодежным форумом, отражают эти принципы и подчеркивают важность многоуровневого подхода в молодежных стратегиях (Burrowes et al., 2016). Европейский молодежный форум предлагает восемь индикаторов эффективности НМП: гарантия прав и свобод молодежи, фактологичность, научная обоснованность, прозрачность и подотчетность, стратегическое планирование, межсекторальность, высокий ресурсный потенциал политики, участие стейкхолдеров (в т.ч. молодежи) на всех этапах цикла выработки НМП, имплементация политики на основе принципа subsidiarity. Совет Европы разработал «измерительные» критерии качества НМП для стран-участниц на основе шести направлений: участие, вовлечение, мобильность, информация, доступ к правам, работа с молодежью (СоЕ, 2018).

НМС Эстонии соответствует указанным стандартам качества: разработана Министерством образования и науки совместно с различными партнерами и стейкхолдерами (например, Союзом молодежных объединений Эстонии, экспертами, вузами и т.д.) в ходе деятельности рабочих групп, проведения молодежных форумов; коррелирует со стратегией «Эстония 2035»; в НМС обозначены принципы, цели, индикаторы, порядок мониторинга, управления, финансирования; результаты оценки стратегии доступны онлайн².

В Австрии, Италии молодежная сфера координируется центральными органами государственного управления. В Германии НМС реализуется межведомственной рабочей группой по молодежным делам под контролем министерства, в зоне ответственности которого находятся семьи, пожилые люди, женщины и молодежь.

² Ministry of Education and Research (2014) *The Estonian Youth Field Development Plan for the period 2014–2020* [Online]. Available at: https://www.hm.ee/sites/default/files/nak_eng.pdf (Accessed: 3 January 2022); Ministry of Education and Research (2020) *Noortevaldkonna arengukava 2021–2035* [The Estonian Youth Field Development Plan 2021–2035] [Online]. Available at: https://www.hm.ee/sites/default/files/noortevaldkonna_arengukava_2035_eelnou_0.pdf (Accessed: 3 January 2022).

По данным ОЭСР, только 44% министерств, занимающихся вопросами молодежи в странах-участницах, осуществляли в 2020 г. разработку и реализацию политики, опираясь на сбор и анализ данных, сгруппированных по возрасту (OECD, 2020: 38). Так, с целью мониторинга молодежной политики Шведское агентство по делам молодежи и гражданского общества постоянно собирает и публикует имеющуюся дезагрегированную по возрасту статистическую информацию (коррелирующую с индикаторами молодежной политики) на веб-сайте³.

Министерство здравоохранения, социального обеспечения и спорта Нидерландов финансирует Институт молодежи, осуществляющий сбор, проверку, распространение знаний, помогающих, например, муниципалитетам формировать местную молодежную политику⁴.

По данным исследований ОЭСР, в 2020 г. 88% опрошенных стран-участниц в ходе разработки НМС консультировались с различными стейкхолдерами посредством организации личных встреч (82% стран), экспертных групп (64%), опросов (50%) (OECD, 2020: 39). При этом только в половине стран ОЭСР молодежь участвует на этапе подготовки, конструирования стратегии. В 84% государств ОЭСР целевыми группами НМС выступают социальные эксклюзаны; при этом только треть стран проводит отдельные консультации с уязвимой молодежью (например, NEET-группы).

Национальные молодежные стратегии с выделенными ресурсами позволяют учреждениям, отвечающим за молодежную политику, использовать финансовые стимулы для поощрения других министерств к исполнению сквозных задач. Однако в 2020 г. только 2/3 стран ОЭСР составляли бюджет НМС (OECD, 2020: 41).

Все страны ОЭСР, имеющие национальную молодежную стратегию, публикуют ее онлайн. В 88% государств-участников ОЭСР результаты мониторинга и оценки НМС доступны общественности; 60% стран размещают оценку эффективности на веб-сайте министерства/правительства, 32% – в рамках годового отчета, 6% используют аккаунт министерства в социальных сетях.

Страны ОЭСР используют различные механизмы для мониторинга и оценки результативности реализации НМС: установка измеримых целей, задач и ключевых индикаторов их достижения, публикация регулярных отчетов о ходе работы (не реже одного раза в год), внедрение системы сбора данных по ключевым показателям эффективности. При этом в 2020 г. в 64% стран ОЭСР результаты мониторинга направлялись разработчикам политики, т.е. действовал механизм обратной связи. В 2018 г. 19% НМС в государствах ОЭСР не включали информацию об инструментах отслеживания прогресса в достижении установленных целей (OECD, 2018: 13). В НМС Чехии, Эстонии, Великобритании закреплена подобная практика; НМС Чехии оценивается с учетом индикаторов, сформулированных в молодежных отчетах Европейской комиссии⁵.

В основном, мониторинг НМС осуществляют профильные (в 82% стран ОЭСР) и отраслевые министерства (27%), центральные органы государственного управления (14%). В Венгрии за оценку НМС отвечает парламент. Государственное контрольно-ревизионное управление Финляндии изучало экономическую эффективность молодежной работы в 2014–2017 гг.

Национальная молодежная программа Словении (на 2013–2022 гг.) оценивается молодежным сектором в специальном отчете, публикующемся каждые три года. Реализацию НМС Словакии контролируют две группы экспертов: межведомственная рабочая группа по НМП Министерства образования, науки, исследований и спорта, а также комитет по делам детей и молодежи Министерства труда, социальных дел и семьи. Отчеты о ходе работы составляются ежегодно и представляются соответствующему министру. Постоянный мониторинг НМС Словацкой Республики также осуществляется посредством общественных консультаций на национальном и региональном уровне с участием молодежи, неправительственных организаций⁶.

Гендерный подход помогает обеспечить инклюзивность национальных молодежных стратегий, способствует сокращению гендерного разрыва в молодежной среде путем систематического ис-

³ Swedish Agency for Youth and Civil Society [Myndigheten för ungdoms- och civilsamhällesfrågor] (2021) *Ung idag [Young today]* [Online]. Available at: <https://www.ungidag.se> (Accessed: 3 January 2022).

⁴ Nederlands Jeugdinstuut, Utrecht [Netherlands Youth Institute] (2021) *Jeugd aan het roer. Jaarverslag 2020 [Youth at the helm. Annual report 2020]* [Online]. Available at: <https://www.nji.nl/sites/default/files/2021-06/Jaarverslag%20Nederlands%20Jeugdinstuut%202020.pdf> (Accessed: 3 January 2022).

⁵ The Ministry of Education, Youth and Sports of the Czech Republic (2014) *The National Youth Strategy of the Czech Republic for the period 2014 – 2020* [Online]. Available at: <https://www.msmt.cz/areas-of-work/sport-and-youth/youth-strategy-2014-2020?lang=2> (Accessed: 3 January 2022).

⁶ The Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic (2014) *Strategy of the Slovak Republic for youth for the years 2014-2020* [Online]. Available at: https://www.minedu.sk/data/files/3890_strategy_sr_for_youth-2014-2020_final-en.pdf (Accessed: 3 January 2022).

пользования дезагрегированных по полу данных, учета гендерной проблематики в ходе разработки НМП. Так, в 2020 г. в более чем 2/3 стран ОЭСР национальные молодежные стратегии были ориентированы на обеспечение гендерного равенства (в 2018 г. – в 89% государств; при этом 52% НМС содержали данные с разбивкой по полу). Национальная молодежная программа Словении (2013–2022 гг.) содержит индикаторы для измерения случаев связанной с материнством, отцовством/по признаку пола дискриминации в сфере труда⁷. Молодежная стратегия Испании на 2017–2020 гг. предусматривала соглашение с Университетом Сантьяго-де-Компостела с целью развития женского предпринимательства в сфере IT-технологий⁸.

Национальные молодежные стратегии носят межотраслевой характер и фокусируются на различных областях политики: участие молодежи в публичной сфере (100% стран ОЭСР), занятость и экономика (96%); образование (96%); здоровье (92%); спорт (84%); жилье (60%) (OECD, 2020: 44). НМС Словакии фокусируется на 9 сферах политики (образование, занятость, волонтерство, социальная инклюзия и т.д.), предусматривает межотраслевой подход. Ряд молодежных стратегий стран ОЭСР содержит положения по защите молодых людей от социальной маргинализации и эксплуатации.

Межотраслевой характер национальных молодежных стратегий требует горизонтальной и вертикальной координации. НМС носят зонтичный характер, объединяют усилия по сбору дезагрегированных по возрасту данных и предоставлению услуг различными министерствами для молодежи.

Вовлечение молодежи в разработку, реализацию, мониторинг НМП

В большинстве стран ОЭСР НМС способствуют укреплению отношений между молодежью и публичными институтами. Так, 88% НМС в государствах ОЭСР нацелены на продвижение участия молодых граждан в процессах разработки и реализации политико-управленческих решений. Стратегия Чехии на 2014–2020 гг. ориентирована на развитие публичной активности молодежи. НМС 84% стран-участниц ОЭСР носят межсекторальный характер и стремятся интегрировать молодежные проблемы в различные области государственной политики. Однако только в 40% стран ОЭСР НМС содержат обязательства по увеличению представительства молодых людей в государственных учреждениях. Например, НМС Словении на 2013–2022 гг. включает индикаторы участия молодежи на выборах и представительства молодых людей в политических учреждениях на местном и национальном уровнях.

Важным условием инклюзивной модели национальной молодежной политики является участие стейкхолдеров в её разработке, реализации и мониторинге. При этом взаимодействие правительства с заинтересованными сторонами на всех этапах политического цикла включает информирование органом власти граждан, консультирование (получение обратной связи от граждан) и активное участие стейкхолдеров в выработке политики (OECD, 2021a: 7).

По данным ОЭСР, 72% учреждений, работающих с молодежью, уделяют приоритетное внимание модернизации коммуникативных стратегий с молодежными сообществами и повышению информационной прозрачности правительства. Во Франции государственные структуры взаимодействуют с молодыми людьми через мобильные приложения.

В 2019 г. 93% министерств по делам молодежи стран ОЭСР информировали и консультировали молодых людей, при этом только 50% привлекали молодежь к активному участию в выработке политики. Только 18% министерств образования (не отвечающих за работу с молодежью) предоставляли сведения, проводили консультации и вовлекали молодых людей в формулирование политики. При этом 77% учреждений, занимающихся молодежной политикой, 72% министерств образования признали в качестве приоритета расширение участия молодежи в принятии политических решений.

В ряде стран внедряются механизмы, позволяющие молодежи предоставлять министерствам обратную связь о качестве политики, программ и услуг. Министерство культуры Норвегии консуль-

⁷ The Legal Information System of the Republic of Slovenia (2013) *Resolucija o Nacionalnem programu za mladino 2013–2022 [National Programme for Youth for the years 2013–2022]* [Online]. Available at: <http://www.pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=RESO93> (Accessed: 3 January 2022).

⁸ Instituto de la Juventud de España [Institute of Youth of Spain] (INJUVE) (2015) *Estrategia Juventud en España 2020* [Online]. Available at: <http://www.injuve.es/sites/default/files/Estrategias%202020web%20C.pdf> (Accessed: 3 January 2022).

тировалось с детьми и молодежью в 2019 г. в ходе подготовки отчета по искусству и культуре⁹, разработки правительственной стратегии по преодолению детской бедности на 2015–2017 гг.¹⁰ и плана действий по борьбе с насилием в отношении детей.

Молодежный парламент Люксембурга направляет резолюции по различным вопросам органам власти; его партнерами являются Национальный молодежный совет, Министерство национального образования, детей и молодежи, Палата депутатов¹¹. В Латвии регулярно проводятся неформальные дискуссии «Кофе с политиками», в которых участвуют молодежь и представители власти. Стратегия ЕС в молодежной сфере (2019–2027 гг.) учитывает результаты структурированного диалога с молодежью, в котором задействованы государственные структуры, ответственные за разработку НМП, эксперты, исследователи.

Вовлечение молодежи в политический цикл требует финансовых и человеческих ресурсов, открытой информации, координации действий на различных уровнях государственного управления, использования цифровых инструментов. Например, Министерство охраны окружающей среды и регионального развития Латвии совместно со школьниками и студентами организовало хакатоны, чтобы изучить возможности применения открытых данных для решения текущих проблем.

Обязательства по продвижению участия молодежи на всех этапах цикла выработки политики содержатся в НМС 75% стран ОЭСР, в национальных законах о молодежи 41% государств ОЭСР, руководствах для регуляторных органов 9% стран. В Германии разработаны общие стандарты качества и рекомендации для обеспечения эффективного участия детей и молодежи в деятельности детских садов, школ, муниципалитетов и центров по работе с молодежью¹². Болгария, Люксембург, Словакия и Испания разработали национальные планы действий по построению открытого правительства, содержащие меры, ориентированные на молодежь.

Национальные молодежные советы, действующие в 78% стран ОЭСР, могут оказаться ценным партнером для правительства в сборе информации, обеспечении консультаций и проведении совместных мероприятий. В силу разнообразия и сложности политических систем разных стран сложно выделить единую «европейскую» модель деятельности молодежных советов. Местные молодежные советы существуют в 88% государств ОЭСР; в Финляндии и Норвегии создание подобных структур на муниципальном уровне является обязательным. Во фламандском сообществе Бельгии государственные учреждения должны консультироваться с молодежью в ходе разработки местной политики.

В 53% стран ОЭСР при правительствах, министерствах действуют консультативные молодежные советы. Например, Федеральная комиссия по делам детей и молодежи Швейцарии, одна треть членов которой моложе 30 лет, консультирует по вопросам НМП Федеральный совет¹³. С 2016 г. во Франции при премьер-министре действует консультативный совет, способствующий разработке, координации и оценке молодежной политики¹⁴.

В 2020 г. 81% министерств по делам молодежи в странах ОЭСР осуществляли финансирование молодежных организаций. В ряде стран ОЭСР, например, в Дании, финансовые ресурсы предоставляются национальным молодежным советом; в Норвегии грантовая поддержка молодежных организаций осуществляется Министерством культуры через совет, занимающийся делами детей и молодежи, и музыкальный совет. Кроме того, 48% учреждений по работе с молодежью в странах ОЭСР предоставляют образовательную и техническую помощь молодежным организациям; 58% министерств образования осуществляют подобную поддержку школьным и студенческим советам. В Литве, например, Министерство образования, науки и спорта регулярно организует курсы повышения квалификации для координаторов школьных и студенческих союзов.

⁹ Norwegian Ministry of Culture (2019) *BUSK: Children and young people's voices* [Online]. Available at: <https://www.kulturtanken.no/en/prosjekt/busk-children-and-young-peoples-voices> (Accessed: 3 January 2022).

¹⁰ Norwegian Ministry of Children, Equality and Social Inclusion (2016) *Children Living in Poverty. The Government's Strategy (2015–2017)* [Online]. Available at: https://www.regjeringen.no/contentassets/ff601d1ab03d4f2dad1e86e706dc4fd3/children-living-in-poverty_q-1230-e.pdf (Accessed: 3 January 2022).

¹¹ Jugendparlament Luxemburg (2021) *Resolutions* [Online]. Available at: <https://www.jugendparlament.lu> (Accessed: 3 January 2022).

¹² Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend (2015) *Qualitätsstandards für Beteiligung von Kindern und Jugendlichen. Allgemeine Qualitätsstandards und Empfehlungen für die Praxisfelder Kindertageseinrichtungen, Schule, Kommune, Kinder- und Jugendarbeit und Erzieherische Hilfen* [Online]. Available at: <https://www.bmfsfj.de/resource/blob/94118/c49d4097174e67464b56a5365bc8602f/kinder-gerechtes-deutschland-broschuere-qualitaetsstandards-data.pdf> (Accessed: 3 January 2022).

¹³ Eidgenössische Kommission für Kinder- und Jugendfragen (EKKJ) bei dem schweizerischen Bundesamt für Sozialversicherungen (2021) *Information über Kommission* [Online]. Available at: <https://ekkj.admin.ch/die-ekkj/die-kommission> (Accessed: 3 January 2022).

¹⁴ Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports (2019) *Le Conseil d'orientation des politiques de jeunesse (COJ)* [Online]. Available at: <https://jeunes.gouv.fr/Le-Conseil-d-orientation-des> (Accessed: 3 January 2022).

Меры НМП по поддержке молодежи в условиях кризиса COVID-19

В ответ на пандемию COVID-19 правительства европейских стран разработали целенаправленную политику, предложили комплекс действий, направленных на предотвращение социальной изоляции, поддержку доходов, психического здоровья, содействие занятости молодежи. В большинстве стран антикризисная политика основывается на межсекторальной НМС; в ряде государств были приняты новые молодежные планы и обязательства. Так, правительство Франции утвердило стратегию содействия занятости молодежи в условиях кризиса COVID-19. План «*1 jeune – 1 solution*» с бюджетом в 9 млрд евро ориентирован на внедрение института наставничества в процесс профессиональной интеграции молодежи, предоставление субсидий компаниям для найма молодых работников в т.ч. по договору об ученичестве (от 5 до 8 тыс. евро)¹⁵, вовлечение молодежи в гражданскую службу.

В 2020 г. все страны ЕС приняли дополнительные обязательства по расширенной реализации программы «Гарантии для молодежи», инструмента обеспечения трудоустройства в молодежной среде; при этом были увеличены возрастные границы с 16 до 29 лет для претендентов на получение работы, стажировки, продолжение образования (OECD, 2021b:7). В этой связи несколько европейских государств внесли коррективы или разработали новые НМС (Эстония, Ирландия, Испания, Италия, Латвия и т.д.) (Braziene, 2021: 5). В Испании принята усиленная Молодежная гарантия на 2021–2027 гг. В Люксембурге пересмотрен национальный план реализации «Гарантий для молодежи», определены бенефициары и предложены меры по расширению охвата уязвимых групп. В Ирландии действует национальная стратегия государственной службы занятости «Пути к работе на 2021–2025 гг.», которая направлена в т.ч. на борьбу с молодежной безработицей в условиях COVID-19. Национальный план молодежных гарантий остается флагманской стратегией содействия занятости молодых людей в Италии, действуют программы по повышению digital-компетенций NEET-молодежи. В ответ на кризис COVID-19 в Нидерландах принята стратегия борьбы с молодежной безработицей. В марте 2021 г. в Финляндии запущены пилотные проекты местных органов власти по трудоустройству молодых людей в рамках реализации усиленной «Гарантии для молодежи» (OECD, 2021b: 19). В Австрии создана целевая группа по трудоустройству молодежи на 2020–2022 гг. (Wock-Schappelwein et al, 2021), в Германии образована межведомственная рабочая группа по проблемам молодежи в период кризиса COVID-19.

В Португалии и Испании снижены требования к кандидатам на получение пособий по страхованию занятых лиц. Бельгия, Франция, Латвия, Австралия внедрили меры адресной экстренной поддержки доходов молодежи, ищущей работу. Так, правительство Латвии предоставило пособия по безработице молодым выпускникам вузов; в 2020 г. во Франции введена единовременная денежная выплата в размере 200 евро для 800 тыс. молодежи в возрасте до 25 лет, установлены ежемесячные пособия для безработной молодежи, состоящей на учете в службе занятости (до 26 лет).

Австрия, Дания, Франция, Германия, Ирландия, Нидерланды, Норвегия предложили гибкие механизмы финансовой поддержки студентов вузов, испытывающих сложности с трудоустройством, материальные трудности и т.д. Принятые меры включают введение новых надбавок, распространение существующих мер на студентов, корректировку платы за обучение, отсрочку от выплаты студенческих кредитов. В Нидерландах студентам была оказана единовременная материальная помощь в размере от 800 до 2 тыс. евро. Правительство Дании предоставило дополнительный кредит молодежи, у которой окончился государственный образовательный грант.

В Италии, Швейцарии и Соединенном Королевстве во втором квартале 2020 г. более 25% молодых работников участвовали в программах сохранения рабочих мест (OECD, 2021b:9). В условиях кризиса COVID-19 ряд европейских стран (Бельгия, Франция, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Португалия и т.д.) ввели новые субсидии работодателям, трудоустраивающим молодых работников, или расширили существующие схемы стимулирования найма. Работодатели Италии получают субсидии на протяжении трех лет (до 6 тыс. евро в год, 100%-ную компенсацию ежемесячной заработной платы) в случае приема на постоянную работу экономически не активной, безработной, не получающей образование, не охваченной профессиональной переподготовкой молодежи в возрасте до 36 лет.

¹⁵ French government (2022) *Plan «1 jeune – 1 solution»* [Online]. Available at: <https://www.1jeune-1solution.gouv.fr/home> (Accessed: 7 February 2022).

До пандемии размер выплат не превышал 3 тыс. евро (до 50% ежемесячного вознаграждения сотрудника) в случае найма молодых работников не старше 31 года¹⁶.

Австрия, Франция, Германия, Ирландия, Швейцария и Соединенное Королевство ввели новые схемы стимулирования найма учеников. В августе 2020 г. федеральное правительство Германии разработало программу «*Ausbildungsplätze sichern*» с целью финансовой поддержки малых и средних предприятий, пострадавших в ходе пандемии, стимулируя их продолжать профессиональное обучение молодежи на рабочем месте. Схема также поддерживает фирмы, которые принимают стажеров, работавших в компаниях, обанкротившихся из-за кризиса COVID-19. В 2021 г. бонус за каждый контракт на обучение, заключенный компаниями, сохранившими текущий уровень профессиональной подготовки, достиг 4 тыс. евро¹⁷. Во Фландрии (Бельгия) плата за обучение, выплачиваемая работодателям, была увеличена с 500 до 1 тыс. евро в год на одного ученика в период с сентября 2020 г. по август 2021 г.

В ряде стран были введены меры по поддержке летних рабочих мест и стажировок, которые обеспечивают молодым людям доступ к рынку труда. В 2020–2021 гг. правительство Исландии предоставило молодежи 5,5 тыс. рабочих мест на летний период. С 2021 г. государственные службы занятости Португалии выплачивают пособия молодежи, поступившей на стажировку, и компенсируют работодателям расходы, связанные с наймом молодых сотрудников.

Службы занятости европейских государств фокусируются на работе с молодежью, предоставляют услуги в онлайн-формате. В Финляндии в 2020 г. было выделено 45 млн евро на модернизацию деятельности служб занятости, ориентированных на молодежь. Организация занятости рабочей силы Греции совместно с Google Hellas разработала программу повышения digital-компетенций безработной молодежи в возрасте до 29 лет¹⁸. Правительство Ирландии предоставило возможность переквалификации в сфере разработки программного обеспечения, электронной коммерции для 19 тыс. молодежи (OECD, 2021b: 13). Инициатива федерального правительства Австрии «*Corona Job Offensive*» позволяет молодым безработным 20–25 лет пройти профессиональное обучение в государственных службах занятости (Bock-Schappelwein et al, 2021). С 2020 г. в Португалии действует схема поддержки трудоустройства и профессионального обучения молодежи «*ATIVAR.PT*»¹⁹, программа по развитию цифровых навыков молодежи 18–35 лет «*Young + Digital*».

Европейские страны предприняли меры по поддержке ментального здоровья молодежи. С февраля 2021 г. в рамках правительственной инициативы «*Psy check*» французские студенты получили право на 3 бесплатных сеанса с психологами/ психотерапевтами (Davidson, 2021). В 2021 г. в Польше были выделены финансовые ресурсы (220 млн злотых) на запуск круглосуточной горячей линии, найм специалистов в области психического здоровья, развитие программ лечения digital-зависимости в молодежной среде. В Нидерландах была запущена новая горячая линия поддержки «*Alles Oké?*» специально для молодых людей по вопросам кризисных ситуаций, создана молодежная группа по вопросам психического здоровья²⁰.

В период пандемии ряд стран интегрировали инициативы в области охраны ментального здоровья молодежи в государственную политику регулирования рынка труда, сферы образования. В 2020 г. правительство Финляндии предоставило дополнительное финансирование проекту «*ONNI*»²¹, в рамках которого с целью реализации программы «Гарантии для молодежи» молодежные консультационные центры единого окна «*Ohjaamo*» оказывают психологическую помощь молодым

¹⁶ Ministry of labour and Social Policies (Italy) [Ministero del lavoro e delle Politiche Sociali], *Cliclavoro* (2020) *Incentivi all'occupazione*[Online]. Available at: <https://www.cliclavoro.gov.it/Aziende/Incentivi/Pagine/Giovani-e-Mezzogiorno.AspX> (Accessed: 7 February 2022).

¹⁷ Bundesministerium für Bildung und Forschung Deutschland (2021) *Bundesprogramm «Ausbildungsplätze sichern»* [Online]. Available at: https://www.bmbf.de/bmbf/de/bildung/berufliche-bildung/foerderinitiativen-und-program-ur-staerkung-der-berufsbildung/bundesprogramm-ausbildungsplaetze-sichern/bundesprogramm-ausbildungsplaetze-sichern_node.html (Accessed: 7 February 2022).

¹⁸ Digital Skills & Jobs Platform (2021) *Greece – National Coalition for digital Skills and Jobs* [Online]. Available at: <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/about/national-coalitions/greece-national-coalition-digital-skills-and-jobs> (Accessed: 7 February 2022).

¹⁹ Instituto de Emprego e Formação Profissional [Institute for Employment and Vocational Training, Portugal] (2021) *ATIVAR.PT* [Online]. Available at: <https://www.iefp.pt/ativar.pt> (Accessed: 7 February 2022).

²⁰ Ministerie van Volksgezondheid, Welzijn en Sport voor Nederland [Ministry of Health, Welfare and Sport of Netherlands] (2021) *Kabinet presenteert agenda voor herstel en perspectief jongeren na corona* [Online]. Available at: <https://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/jugdhulp/nieuws/2021/07/02/kabinet-presenteert-agenda-voor-herstel-en-perspectief-jongeren-na-corona> (Accessed: 7 February 2022).

²¹ Ministry of Education and Culture of Finland (2020) *The National youth work and youth policy programme 2020–2023* [Online]. Available at: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/162381> (Accessed: 7 February 2022).

специалистам при трудоустройстве. Университеты Великобритании разработали планы действий по предотвращению самоубийств в молодежной среде. В 2021 г. в Англии было выделено 30 млн ф.ст. на улучшение поддержки психического здоровья в образовательных учреждениях. В 2020 г. в Австрии количество школьных психологов увеличено на 20%; в 2021 г. в стране запущен онлайн-сервис по профилактике суицидов в среде молодых мигрантов. В 2020–2021 гг. федеральное правительство Германии дополнительно профинансировало психолого-консультационную работу общественных организаций «*Nummer gegen Kummer*», «*JugendNotmail*» (OECD, 2021c).

В большинстве стран меры жилищной политики не нацелены конкретно на молодежь; однако, некоторые государства ориентировали подобные инициативы специально на данную возрастную группу. С февраля 2021 г. во Франции молодые специалисты до 25 лет, проработавшие менее 18 месяцев, получающие ежемесячную зарплату меньше 1,4 тыс. евро, могут получать пособие в размере 1 тыс. евро на оплату своего первого жилья. В ответ на кризис COVID-19 Нидерланды выделили 200 млн евро на борьбу с бездомностью, в феврале 2021г. местное правительство Гааги реализовало новый план по ликвидации бездомности в молодежной среде; в стране действует национальный план действий по борьбе с молодежной бездомностью²².

Предложенные национальными правительствами антикризисные инициативы могут быть адресованы молодежи, либо направлены на все население, при этом молодые люди выступают одной из целевых групп. Европейские страны активно применяют адресные меры, нацеленные на поддержку молодежи в поиске и сохранении работы, обучении на рабочем месте в условиях кризиса COVID-19. Инициативы, не связанные с политикой регулирования молодежного рынка труда, более разнообразны, ограничены по масштабу использования. Ряд европейских государств внедрили программы действий по охране психологического здоровья, поддержке доходов и предотвращению социальной эксклюзии, в сфере жилищной политики (запрет на выселение, отсрочка арендной платы), специально направленные на молодежь (Австрия, Франция, Латвия и др.). В целом, в рамках антикризисных мер европейских стран в период пандемии можно выделить следующие направления: финансовая помощь учащейся молодежи, отсрочка выплаты образовательных кредитов, содействие трудоустройству, психологическая помощь.

Способность правительств европейских стран планировать, координировать, направлять, контролировать и оценивать НМП имеет существенное значение в период кризисов, примером которых является пандемия COVID-19.

Наднациональные структуры ЕС, международные организации призывают государства придерживаться единого подхода к разработке и осуществлению НМП. Так, эффективная молодежная политика требует создания и реализации комплексной научно обоснованной ресурсно-ориентированной межсекторальной национальной молодежной стратегии с четко артикулированными целями, задачами при участии различных заинтересованных сторон. При этом необходимо внедрение действенных механизмов мониторинга и оценки НМС, координации действий в различных министерствах и на разных уровнях государственного управления для согласованного осуществления НМП. Молодежная политика имеет зоны пересечения с иными государственными политиками. Межсекторальное сотрудничество обеспечивает интеграцию и рациональную координацию действий в рамках молодежной политики. Устойчивость и функциональность НМП также зависят от систематического сбора данных с разбивкой по возрасту.

Исследование позволяет сформулировать вывод о том, что европейские страны имеют общие черты в процессе формирования, внедрения инструментов управления молодежной политикой: фокус на самостоятельности, благополучии, расширении прав молодежи, межсекторальный характер стратегий, участие различных агентов в разработке и имплементации НМП, фактологическая обусловленность нормативных документов молодежными исследованиями.

В большинстве государств разработаны НМС, молодежные законы, программы, планы действий, за исключением стран с высоким уровнем децентрализации в отношении молодежной политики. Европейские государства внедряют инструменты стратегического планирования, стандарты качества

²² Ministerie van Volksgezondheid, Welzijn en Sport voor Nederland [Ministry of Health, Welfare and Sport of Netherlands] (2019) *Actieprogramma Dak- en Thuisloze Jongeren 2019-2021* [Homeless Youth Action Plan 2019-2021] [Online]. Available at: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2019/03/14/actieprogramma-dak-en-thuisloze-jongeren-2019-2021> (Accessed: 7 February 2022).

НМС устанавливаются международными структурами. Однако, по данным ОЭСР, в 2020 г. только 20% национальных молодежных стратегий стран-участниц осуществлялись на основе принципов участия, наличия бюджета, контроля и оценки (OECD, 2020: 36).

Эффективные механизмы мониторинга и оценки реализации НМП имеют решающее значение для оптимизации, подотчетности, прозрачности политики, обеспечения легитимности применения государственных ресурсов. Упоминание подобных инструментов в тексте НМС, программ действий по ее реализации не обязательно означает успешную реализацию НМП. В ходе исследования было установлено, что у европейских правительств есть неиспользованный потенциал для применения социальных сетей и иных онлайн-ресурсов в качестве каналов обмена информацией с молодежными сообществами.

Структуры и стейкхолдеры, участвующие в оценке и мониторинге молодежной политики, разнообразны: министерства, научное и экспертное сообщества, неправительственные организации, молодежь и т.д. Однако во многих европейских странах отсутствует интеграция молодежных исследований и результатов оценки, мониторинга НМП в процесс разработки политических практик, принятия решений, совершенствование политики. Отсутствие устойчивых показателей молодежной политики затрудняет оценку прогресса в достижении намеченных целей.

В контексте пандемии в Европе происходят изменения в стратегиях молодежного сектора. Например, новая программа развития молодежной сферы Эстонии на 2021–2035 гг. фокусируется на усилении поддержки выпускников школ и NEET-молодежи, а также расширении участия всех молодых людей на рынке труда, содействии «плавной» трансформации молодежи от учебы к работе.

В ответ на кризис, вызванный пандемией COVID-19, европейские страны внедрили новые формы поддержки молодежи: финансовая помощь, программы сохранения рабочих мест, субсидирование работодателей при условии найма молодых сотрудников, содействие обучению на рабочем месте, новые схемы ученичества, развитие цифровых навыков в молодежной среде, охрана психического здоровья, создание молодежных служб занятости.

В условиях пандемии COVID-19 европейские страны заинтересованы в сохранении доверия молодежи государственным учреждениям. К примеру, в 2021 г. в Люксембурге в рамках обсуждения Молодежного плана действий на 2022–2024 гг. проводился опрос молодых респондентов, специалистов по работе с молодежью (OECD, 2021b: 8). Европейские государства предпринимают меры, направленные на предоставление доступа активной молодежи к процессам разработки, реализации, оценки НМП в рамках национальных молодежных советов, форумов. Однако участие молодежи в политических процессах, роль молодежных советов обычно остается на уровне информирования или консультаций, осуществления совещательных функций, но не на уровне совместной реализации НМП. Поэтому необходимы дальнейшие усилия стран, направленные на обеспечение вовлечения молодых граждан в процесс принятия управленческих решений на протяжении всего политического цикла для достижения возрастного разнообразия в общественных консультациях и более гибких, инклюзивных результатов политики.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект № 21-011-31480 «Молодежная политика в российском регионе: представления и ожидания молодежи vs практики и технологии».

Список литературы / References

- Беляева, Н. М. (2020) 'Молодежная политика Европейского союза в 2000-е гг.: эволюция ценностей и приоритетов', *Вестник Пермского университета. Серия Политология*, 14 (1), сс. 75–87. [Belyaeva, N. M. (2020) 'Youth Policy of the European Union in the 2000s: evolution of values and priorities' [Molodezhnaya politika Evropejskogo soyuza v 2000-e gg.: evolyuciya cennostej i prioritetov], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(1), pp. 75–87. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-75-87. (In Russ.)].
- Карагулян, Е. А., Тепляков, Д. О. (2021) 'Молодежная политика Скандинавских стран', *Экономика, предпринимательство и право*, 11(8), сс. 2045–2062. [Karagulyan, E. A., Teplyakov, D. O. (2021) 'Youth policy in the Scandinavian countries' [Molodezhnaya politika Skandinavskikh stran], *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 11(8), pp. 2045–2062. DOI: 10.18334/epp.11.8.113243. (In Russ.)].

- Майборода, А., Саблина, А., Ясавеев, И. (2021) 'Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России', *Социологическое обозрение*, 20(3), сс. 71–97. [Maiboroda, A., Sablina, A., Yasaveev, I. (2021) 'The State for Youth or Youth for the State: Discourses of Youth Policy in the EU and Russia' [Gosudarstvo dlya molodezhi ili molodezh' dlya gosudarstva: diskursy molodezhnoy politiki v stranah Evrosoyuza i Rossii], *Russian Sociological Review*, 20(3), pp.71–97. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-71-97. (In Russ.)].
- Andersson, B., Cuconato, M., De Luigi, N., Demozzi, S., Forkby, T., Ilardo, M., Martelli, A., Pitti, I., Tuorto, D., & Zannoni, F. (2016) *WP2 – National Contexts Comparative Report UNIBO, Italy, UGOT, Sweden. Partispace working paper D2.2*. Frankfurt: Partispace [online]. Available at: URL: <https://zenodo.org/record/48113#.YgK71-pByUk> (Accessed: 7 February 2022). DOI: 10.5281/zenodo.48113.
- Bock-Schappelwein, J., Böheim, R., Leoni, T. (2021) *IZA COVID-19 Crisis Response Monitoring: Austria (December 2021)*. Bonn: IZA – Institute of Labor Economics [online]. Available at: <https://covid-19.iza.org/crisis-monitor/compare/> impact (Accessed: 7 February 2022)
- Braziene, R. (2021) *Briefing on COVID-19 of on NEET youth in rural areas*. Strasbourg: Council of Europe [online]. Available at: URL: <https://pjp-eu.coe.int/en/web/youth-partnership/latest-update-and-analysis> (Accessed: 7 February 2022)
- Burrowes, A., Dumbravenu, C., Dupouey, V., Ivanov, A., Kralj, K., Majamaa, V., Schipper, L., Vogt, S. (2016) *A toolkit on Quality Standards for Youth Policy*. Brussels: European Youth Forum [online]. Available at: URL: https://www.Youthforum.org/files/Toolkit_Quality_Standards.pdf (Accessed: 3 January 2022)
- Chevalier, T. (2018) 'Social Citizenship of Young People in Europe: A Comparative Institutional Analysis', *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 20 (3), pp. 304–323. DOI: 10.1080/13876988.2017.1320160.
- CoE (2018) *Self-assessment tool for youth policy*. Strasbourg: Council of Europe [online]. Available at: URL: [https://rm.coe.int/self-](https://rm.coe.int/self-assessment-tool-for-youth-policy-english/16808d76c5)
- assessment-tool-for-youth-policy-english/16808d76c5 (Accessed: 7 February 2022).
- CoE (2020) *Council of Europe youth sector strategy 2030. Engaging young people with the Council of Europe's values*. Strasbourg: Council of Europe [online]. Available at: URL: <https://rm.coe.int/background-document-youth-sector-strategy-2030-english/1680a0bb33> (Accessed: 3 January 2022).
- Davidson, C. (2021) 'Amid pandemic's isolation, French students turn to each other for support', *The Christian Science Monitor*, 22 February [online]. Available at: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2021/0222/Amid-pandemic-s-isolation-French-students-turn-to-each-other-for-support> (Accessed: 7 February 2022).
- EU (2018) 'Resolution of the Council of the European Union and the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the council on a framework for European cooperation in the youth field: The European Union youth strategy 2019–2027 (2018/C 456/01)', *Official Journal of the European Union*, 61, pp. 1–22 [online]. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2018:456:FULL&from> (Accessed: 3 January 2022).
- Li, X. (2019) 'Rethinking youth policy model in Europe and its constituents: civic learning and civic engagement', *Urban Research & Practice*, 13(1), pp. 97–108. DOI: 10.1080/17535069.2019.1667135.
- Lonean, I., Braziene, R., Taru, M. (2020) *Youth policy evaluation review*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Lüküslü, D., Pais, A., Tuorto, D., Walther, A., Loncle, P. (2015) *Partispace Comparative Report 2: Local Constellations of Youth Participation in Comparative Perspective*. Frankfurt: Partispace [online]. Available at: URL: <https://zenodo.org/record/1240191#.YmkavdpByUI> (Accessed: 7 February 2022). DOI:10.5281/zenodo.1240191.
- OECD (2018) *Youth Stocktaking Report*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2020) *Governance for Youth, Trust and Intergenerational Justice: Fit for All Generations?* Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/c3e5cb8a-en.
- OECD (2021a) *Recommendation of the Council on Open Government*. OECD/ LEGAL/ 0438. Paris: OECD Publishing.

- OECD. (2021b) *What have countries done to support young people in the COVID-19 crisis?* Paris: OECD Publishing.
- OECD. (2021c) *Supporting young people's mental health through the COVID-19 crisis, OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/84e143e5-en.
- Şerban, A. M., Barber, T. (2018) *Insights into youth policy governance*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Unt, M., Taru, M., Mårtsin, M. (2021) *Social Citizenship for young labour market entrants: Cross-country comparison of institutional settings. EUROSHIP Working Paper No 3*. Oslo: Oslo Metropolitan University [online]. Available at: URL: <https://euroship-research.eu/publications> (Accessed: 7 February 2022). DOI: 10.6084/m9.figshare.14617635.
- Walther, A., Lüküslü, D. G., Loncle, P., Pais, A. (2021) 'Regimes of youth participation? Comparative analysis of youth policies and participation across European cities', *Young: Nordic journal of youth research*, 29 (2), pp. 191–209, DOI: 10.1177/1103308820937550.
- Williamson, H., Fras, M., Lavchyan, Z. (2021) *About time! A reference manual for youth policy from a European perspective*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.04.2022

Статья принята к печати: 03.05.2022

NATIONAL YOUTH POLICY IN EUROPEAN COUNTRIES: PLANNING, MONITORING, RESPONSE TO THE COVID-19 CRISIS

N. V. Plotichkina

N. V. Plotichkina, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of public policy and public administration, Kuban State University.
E-mail: oochronos@mail.ru (ORCID 0000-0003-2601-5107. Researcher ID: T-2121-2019).

Abstract

The article reveals the specifics of strategic planning, assessment and monitoring of national youth policies in European countries. The national models of youth policy are identified according to a number of criteria (explication of youth and its transition into adulthood, the system of social security). Youth policy measures implemented by countries in response to the COVID-19 crisis are characterized. The article describes the quality standards of national youth strategies proposed by international organizations (OECD) and the initiatives of different countries in formulating, implementing, and controlling programs and plans for the development of the youth sphere. National youth strategies are cross-sectoral, integrated, and focus on different policy areas. Intersectoral cooperation ensures integration and rational coordination of actions in the framework of youth policy. The sustainability and effectiveness of policy depend on the systematic collection of data disaggregated by age and the integration of youth studies into the development and decision-making process. The effectiveness of youth policy monitoring is ensured through the clear formulation of control indicators for progress in achieving the set goals in the youth sector. The involvement of various stakeholders, primarily young citizens, at all stages of the political cycle in making decisions on youth issues is a significant factor in an inclusive policy model.

Keywords: youth; youth policy; national youth strategy; planning, evaluation, monitoring of youth policy; youth participation in policy management; national models of youth policy; anti-crisis policy; COVID-19.

Acknowledgements: This article was prepared with financial support provided by the Russian Foundation for Basic Research and EISR (research grant no. 21-011-31480 «Youth policy in a Russian region: Ideas and expectations of young people VS practices and technologies»).

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-94-108

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ: ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

Е. И. Матюхова

Матюхова Елизавета Игоревна, младший научный сотрудник,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН.
E-mail: lizamat@imemo.ru (ORCID 0000-0002-2782-4013. Researcher ID: ABE-9290-2022).

Аннотация

Анализируется политика Германии по регулированию экологической миграции. Цель исследования – оценить эффективность странового опыта управления миграцией в условиях все возрастающей экологической угрозы во многих частях мира. В фокусе внимания автора такие вопросы, как феномен и практики экологической миграции в целом и их влияние на различные дискурсы в Германии и ее политику в этом отношении. Поскольку поставленная проблема сравнительно новая и недостаточно изучена в научной литературе, основное внимание уделяется анализу массива зарубежных, прежде всего германских, источников с использованием методики контент-анализа. В исследовании применяются системный и институциональный подходы, метод дискурс-анализа, позволяющие изучить различные уровни регулирования экологической миграции, а также властный, общественно-политический и научно-экспертный дискурсы по вопросам такой миграции. Автор делает вывод, что несмотря на то, что национальное законодательство не определяет официальный статус лиц, игнорирующих климатические и экологические изменения, ФРГ активно их поддерживает, в том числе на региональном и международном уровнях, пытаясь минимизировать ущерб от указанных негативных явлений именно в самих уязвимых странах мира через различные виды международной помощи. Помимо этого, на разработку и реализацию государственной политики в этой сфере значительное влияние оказывает немецкое гражданское общество, которое считает миграцию одной из ключевых проблем развития страны. Страновой опыт ФРГ показывает, что вопреки общественным и научным спорам вокруг феномена экологической миграции, ФРГ доказывает действием не только способность регулировать такого рода миграцию, в том числе и в кризисных ситуациях, используя достаточно широкий набор инструментов, но и возглавить работу по регулированию экологической миграции силами международного сообщества.

Ключевые слова: Германия; Европейский союз; экологическая миграция; климатические беженцы; вынужденная миграция; кризисное управление; экологический алармизм; экологический скептицизм.

Феномен экологической миграции: теоретические рамки

Миграция, связанная с изменением климата и деградацией окружающей среды, – феномен, который оказывает значимое влияние на характер миграционных потоков. При этом он остается недостаточно изученным, отсутствует и адекватная терминология для его эффективного анализа. В том числе и вследствие этих причин действующее международное право не обладает способностью обеспечивать международную защиту в таких случаях. Проблема заключается и в том, что общепризнанным механизмом регулирования вынужденной миграции (какой зачастую и бывает экологическая миграция) является Женевская конвенция, которая не включает в понятие беженцев тех, кто вынужден был покинуть место жительства вследствие изменений климата или окружающей среды. Маловероятно, что в ближайшее время произойдут изменения в законодательстве, поскольку включение параметра экологической миграции в дефиницию беженца, предлагаемую Женевской конвенцией, требует переосмысления самого явления такого перемещения.

В свою очередь, существующих терминов, как то просто беженцы или лица, нуждающиеся в международной защите, недостаточно. Новое, экологическое, измерение миграции в современных международно-политических реалиях требует качественно иного подхода и понятийно-категори-

ального аппарата, прежде всего для того, чтобы избежать терминологическую путаницу, когда такие понятия, как экологический беженец, экологический мигрант, климатический мигрант, климатически перемещенное лицо или климатический беженец, используются параллельно в русском языке, фактически являясь синонимичными. Аналогичным образом практические политики нуждаются в новом инструментарии для регулирования этого особого типа миграции.

Неопределенность базового понятия «экологический беженец» объясняется тем, что такого рода миграция представляет собой новое и сложное явление, зависящее от множества других, помимо изменения климата, факторов: экономических, социальных, демографических. Понятно, что в одном определении непросто емко соединить множество признаков: это и пространственный (внутренняя или внешняя миграция), причинный (добровольная или вынужденная) и временной (краткосрочная или постоянная) и т.д. Некоторые вообще считают этот термин вводящим в заблуждение, предлагая такие альтернативные понятия, как «экологически перемещенные лица», однако существует опасность, что соотнесение последнего с термином «внутреннее перемещенные лица» будет уменьшать его степень значения. В свою очередь, термин «климатический мигрант» предполагает, по сути, добровольный аспект перемещения, однако зачастую такая миграция происходит именно вынужденно. С этой точки зрения, возможно, правы те, кто предлагают использовать термины «жертвы изменения климата» (*“Climate Refugees” People displaced...*, 2013).

Учитывая сложности установления базового понятия, международное сообщество не смогло согласовать и общепринятое определение, которое, в свою очередь, влечет за собой сложности в методике регистрации миграционных потоков в связи с экологическими и климатическими изменениями, что приводит к трудностям оценки числа экологических беженцев (Klimaschutz, 2014). Количественные прогнозные оценки такой миграции к 2050 г. варьируются в итоге от 150 до 300 млн чел., которым придется временно или на постоянной основе покинуть свое место жительства внутри страны или за ее пределами именно вследствие изменения климата.

Многочисленные теоретические ограничения свидетельствуют о том, что экологическая миграция является очень сложной проблемой, которая требует разработки надежных и гибких мер. Большой вклад в понимание этой проблемы вносит научное и экспертное сообщество. Хотя вопрос экологической миграции считается достаточно новым в академических и политических дебатах (в 1985 г. впервые был употреблен данный термин), в зарубежных странах интерес к этой теме с каждым годом становится только все более высоким. Наибольшее число работ пришлось на 2007 и 2011 гг., которые прежде всего связаны с развитием как этого поля исследования, так и с актуализацией вопросов секьюритизации (Blocher, 2015). Примечательно то, что, согласно проведенному исследованию 340 документов, взятых из базы данных Scopus, Германия является лидером в изучении различных аспектов экологической миграции (Maretti et al., 2019).

За почти 40 лет сформировались научные направления по изучению экологической миграции. Наиболее популярные из них (которые будут рассмотрены в данной статье) – «максималистская» («алармистская») школа, включающая вопросы секьюритизации, рассматривает экологическую миграцию как дестабилизирующий фактор развития; «минималисты», в свою очередь, подчеркивают многопричинность такого вида миграции; защитный подход предполагает создание институциональной и правовой основы для взаимодействия с экологическими мигрантами; подход климатической справедливости выносит на первый план принцип «загрязнитель платит», права человека и гуманитарную безопасность; прагматический подход используется для анализа текущей ситуации с применением эмпирических данных, количественных методов; наконец, подход «миграция как адаптация» предлагает возможность рассмотреть экологическую миграцию через призму концепций уязвимости и адаптивности (Liguori, 2021).

Помимо этого, за последние годы был издан ряд примечательных работ, особенностью некоторых из которых стало применение новых подходов к изучению экологической миграции. В этом направлении можно отметить Николь Маршалл, которая анализирует категории гражданства и государственного суверенитета через призму экологических изменений и миграции (Marshall, 2019). Автор предлагает введение так называемого многоуровневого гражданства (*tiered citizenship*), которое, по ее мнению, является самым приемлемым с этнической и политической точек зрения решением проблемы экологических перемещений (Marshall, 2016). Иным образом теоретически осмысливают этот вид миграции экологические социологи, предлагая эффективную модель на основе подхода жизненного обеспечения (точнее – подход миграция как адаптация) и концепции новой экономики международной трудовой миграции (Praag et al., 2019). Создатели эти системы отмечают, что она позволяет анализировать и углублять понимание (не только прогнозировать) экологической миграции в

многоуровневой перспективе, учитывая новые факторы: как индивидуальные, так и транснациональные характеристики.

В связи с отсутствием исследований по вопросам регулирования экологической миграции Германией, по мнению автора, представляется целесообразным рассмотреть существующую литературу (хотя и немногочисленную) по механизмам и стратегиям, применяемым Евросоюзом. Тема лидерства ЕС в вопросах экологической миграции занимает особое место. Об этом рассуждают такие авторы, как Маргит Аммер, Моника Майрхофер, Алекс Рэндалл, Джо Солсбери (при поддержке фонда Генриха Бёлля) (Ammer et al., 2014), эксперт по делам Евросоюза в Управлении ООН по снижению риска бедствий Тесса Шмеддинг (Schmedding, 2011). Часто используются институциональный и организационный подходы к вопросу регулирования экологической миграции, например, в работе сотрудника Потсдамского научно-исследовательского института изучения климатических изменений Юлии Блохер, которая анализирует политику ЕС в этом отношении с точки зрения внутриорганизационной структуры (Blocher, 2015). Сотрудники Линчёпингского университета Дениз Бутрос, Вероника Броденберг, Анна Кайзер исследуют перспективы экологической миграции в ООН и ЕС через изучение официальных документов (Butros et al., 2021). Более концептуальными вопросами занимается Лидия Аяме Хираиде из Лондонского университета Голдсмит, которая рассматривает климатических беженцев с фокусом на ЕС (Hiraide, 2022). А в Вагенингенском университете было проведено исследование алармистского нарратива в общественных дебатах ЕС (Wennerhed, 2019) и др.

Несмотря на ряд методологических и теоретических сложностей, фактом является сам феномен миграции в результате изменений климата и окружающей среды, что требует принятия неотложных действий на страновом, региональном и глобальном уровнях. В данной связи цель статьи – анализ эффективности странового опыта Германии управления экологической миграцией как одного из ключевых субъектов мировой политики, чья деятельность в указанной сфере может стать примером для других стран Европейского союза и мира. Методологическую основу работы составили, в первую очередь, системный и институциональный подходы. Первый позволил провести исследование экологической миграции на различных уровнях: от субнационального до глобального, второй – изучить политические и институциональные аспекты национального регулирования данного феномена. Несмотря на многочисленные публикации по миграционной проблематике в контексте изменения климата, отсутствуют актуальные научные труды, где был бы изучен опыт Германии по регулированию экологической миграции, представления государства и общества об этой проблеме. Именно поэтому исследование проводилось с использованием в том числе метода дискурс-анализа для понимания властного общественно-политического и научного дискурсов и базировалось на изучении источников: официальных документах и законодательных актах, принятых исполнительной властью Германии, документах и материалах Европейского союза, германских неправительственных и международных межправительственных организаций, данных международных рейтинговых исследований, материалах СМИ.

Контурсы страновой модели регулирования экологической миграции

Германия – один из признанных мировых лидеров, который проводит активную деятельность, направленную на уменьшение вреда, наносимого экосистемам и окружающей среде. Согласно индексу экологической эффективности¹, составляемым при поддержке Центра экологической политики и права Йельского университета, ФРГ завершает список десяти самых экологически чистых стран мира. Бывший канцлер Ангела Меркель получила признание международного сообщества как «климатический канцлер», лидер в глобальных усилиях по борьбе с изменением климата. Такое звание политик получила от СМИ в том числе благодаря тому, что приобрела опыт работы на посту министра окружающей среды в федеральном правительстве при канцлере Гельмуте Коле, а впоследствии сыграла значимую роль, поставив проблему изменения климата на центральное место в повестке дня, как во всем мире и Европейском союзе, так и в своей собственной стране.

Согласно ежегодному опросу общественного мнения Германии, который проводит авторитетный портал данных и статистики Statista для выявления и градации больших вызовов, перед которым на тот или иной период времени оказывается государство, зимой 2020–2021 гг., в разгар первой волны пандемии, вопросы окружающей среды и изменения климата волновали 27% жителей страны, и данный вопрос был вторым в списке после здравоохранения и социального обеспечения, за которые

¹ *Most Environmentally Friendly Countries* (2020) Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-environmentally-friendly-countries> (Accessed 17.09.2021).

проголосовало 31% респондентов². Очевидно, что по мере преодоления последствий пандемии, экологические и климатические проблемы станут одними из приоритетных для граждан Германии, особенно с точки зрения целевых показателей энергетического перехода в стране и Европейском союзе в целом.

Однако вызовом для страны является не только экология, но и миграция. Германия считается не только мировым и европейским эоактивистом, но также инициатором приема огромного количества беженцев в Евросоюзе. ФРГ возглавила кампанию по оказанию помощи беженцам во время так называемого миграционного кризиса в ЕС, не только приняв наибольшее количество беженцев, но и создав признанную достаточно эффективной модель интеграции мигрантов в принимающее общество. Провозглашенная Германией культура гостеприимства, новая парадигма управления вынужденной миграцией под лозунгом «Мы справимся» способствовала появлению нового прозвища в отношении Меркель, а именно: «канцлер беженцев» (Galaktionow et al., 2018).

Почему Германия уделяет столь серьезное внимание экологическим беженцам? На ФРГ как на промышленно развитое государство ложится ответственность за глобальное изменение климата. Руководство страны признало, что в 2016 г. Германия была шестым по величине источником выбросов парниковых газов из почти 200 стран мира, и на ее долю пришлось около 2% глобальных выбросов³. Международное сообщество все чаще указывает на необходимость защиты наиболее уязвимых групп населения Глобального Юга: именно они более всего страдают вследствие своей низкой адаптивной способности противостоять климатическим изменениям. К тому же, климатические проблемы дополнительно усугубляют традиционное неравенство между Севером и Югом и укрепляют тенденцию к увеличению конфликтности в современном мире (Ahmad, 2019).

Немецкие экспертные центры призывают Германию обдумать свою роль в отношении регулирования экологической миграции. Научный консультативный совет по глобальным изменениям еще в 2007 г. предопределил роль ФРГ в продвижении экологических вопросов (речь идет и об экологических мигрантах), отмечая, что Германия может стать пионером в этом деле, проводя глобальную новаторскую политику под своим крылом как в ЕС, так и на международном уровне (Sicherheitsrisiko, 2007).

Взаимосвязь климата и миграции подтверждают и научные исследования. Независимый некоммерческий аналитический центр Институт экономики и мира в 2020 г. выпустил Реестр экологических угроз (World Migration Report, 2020), в котором представил анализ экологических угроз, с которыми сталкиваются 157 государств мира, а также их способности справляться с ними и их воздействием.

Итогом работы экспертов института стал вывод о географии экологических «горячих точек»: 1) пояс от Сахеля до Африканского рога – от Мавритании до Сомали; 2) Южноафриканский пояс от Анголы до Мадагаскара; 3) Ближний Восток и Центрально-Азиатский пояс от Сирии до Пакистана. Эти три выявленные зоны риска фактически совпадают с маршрутами исхода беженцев в Германию: согласно Федеральному статистическому управлению ФРГ, на 30 декабря 2020 г. в Германии проживало приблизительно 11,5 млн иностранцев⁴, и 3 млн из их числа прибыли из стран не только с низким уровнем развития, но и со сложной экологической ситуацией. В противоположность этому самым неподверженным высокоинтенсивным экологическим угрозам регионом, по мнению экспертов, считается именно территория ЕС, который обладает широкими способностями противостоять экологическим угрозам и более высоким уровнем жизни. Естественным образом такая ситуация делает Евросоюз привлекательным местом для проживания.

² *Welches sind Ihrer Meinung nach die wichtigsten Probleme, denen Deutschland derzeit gegenübersteht?* (2021). Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2739/umfrage/ansicht-zu-den-wichtigsten-problemen-deutschlands/> (accessed 22.10.2021).

³ *Drucksache 19/17039. Arbeit der Fachkommission Fluchtursachen.* Deutscher Bundestag, 05.02.2020. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/170/1917039.pdf> (accessed 22.10.2021).

⁴ *Foreign population by sex and selected citizenships on 31 December 2020.* Destatis. Available at: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-gender.html> (accessed 22.10.2021).

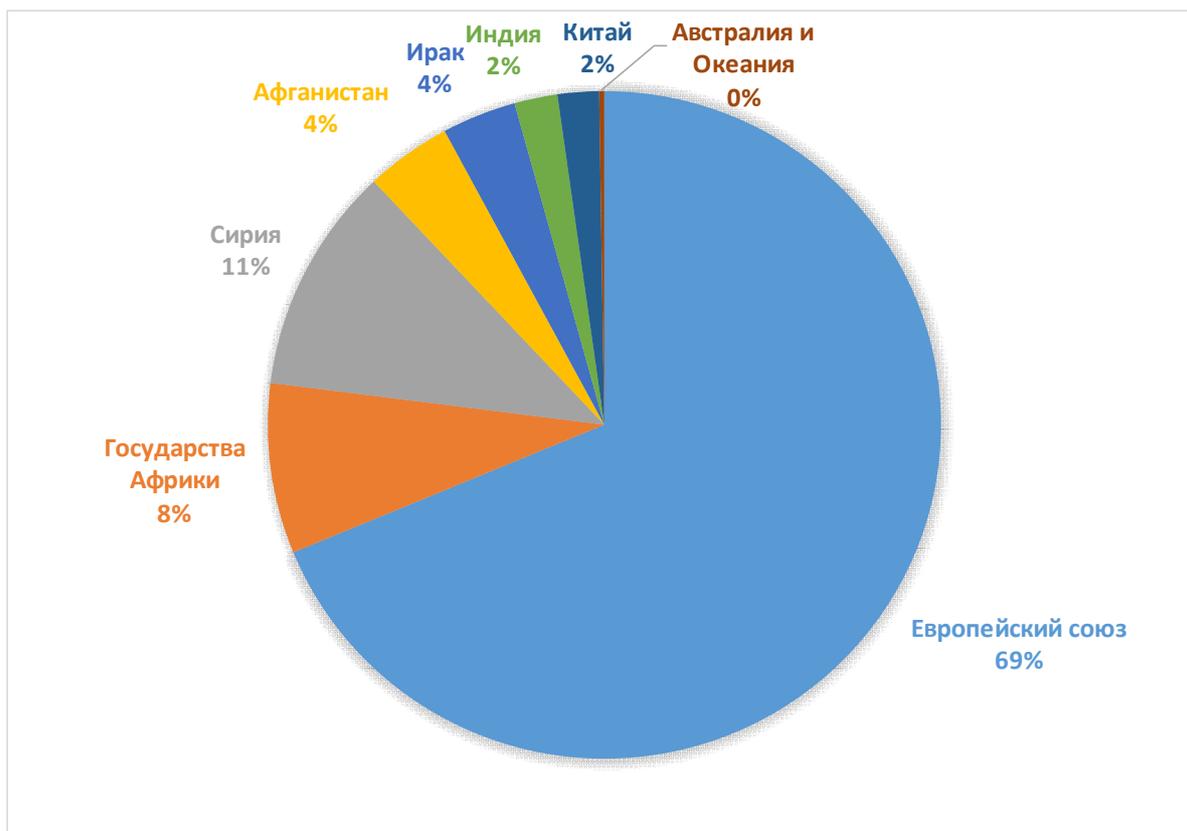

Рис. 1. Численность иностранного населения в Германии по странам

Источник: составлено автором по материалам Федерального статистического ведомства Германии

В особой зоне риска находятся островные государства, граждане которых опасаются потери их жилищ вследствие ухудшения климатических условий. В этом отношении примечательно дело гражданина тихоокеанского государства Кирибати Иоане Тейтиота⁵, который в 2016 г. подал иск в Совет ООН по правам человека против правительства Новой Зеландии, отказавшее ему в предоставлении убежища как экологическому беженцу. В январе 2020 г. Совет в рамках так называемых сообщений по этому делу принял историческое решение о том, что климатические беженцы имеют право на убежище, если их жизни угрожает опасность. В этот период ФРГ являлась членом Совета ООН по правам человека, то есть принимала участие в обсуждении проблемы истца. Тем не менее Совет, в том числе и сама Германия, хотя и признал существование климатической миграции, вынес отрицательное решение по делу И. Тейтиота.

Представители федерального правительства Германии в ответ на вопрос о существовании такой категории людей, как климатические беженцы, признавали, что последствия изменения климата действительно могут быть прямой или косвенной причиной перемещения людей. Однако при этом они отмечали, что согласно действующему международному договорному праву, «люди в третьих странах, покидающие родину исключительно вследствие негативных последствий изменения климата, не являются беженцами по смыслу Женевской конвенции о статусе беженцев»⁶. Таким образом, вынужденная миграция вследствие климатических условий фактически не признается основанием для предоставления убежища и тем самым не требует соответствующего изменения национального законодательства.

Подобное заявление объясняется тем, что государство не готово принять новую волну беженцев, как это было в 2015 г. во время миграционного кризиса в ЕС в рамках политики «открытых дверей». Возможные законодательные инициативы в этом плане могут напугать рядовых граждан, которые, по мнению некоторых экспертов, еще не оправались от большого наплыва мигрантов 2015 г.

⁵ CCPR/C/127/D/2728/2016. *UN Treaty Body Database*. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f127%2fD%2f2728%2f2016&Lang=en (accessed 22.10.2021).

⁶ *Drucksache 19/17039. Arbeit der Fachkommission Fluchtursachen*. Deutscher Bundestag, 05.02.2020. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/170/1917039.pdf> (accessed 22.10.2021).

Задачей многочисленных опросов общественного мнения в стране в последние годы становится анализ реакции общества на возможное резкое увеличение миграционных потоков как одного из главных последствий изменения климата. Так, Марк Хелблинг и Даниэль Мейеррикс из Берлинского научного центра социальных исследований в 2018 г. провели репрезентативный опрос более одной тыс. чел. с немецким гражданством об их отношении к беженцам (Pressemitteilung, 2019). Исследование показало, что к климатическим беженцам в целом относятся так же положительно, как и к политическим (63%). Подобную позитивную реакцию социологи объясняют тем, что, во-первых, относительно новая проблема климатических беженцев, в отличие от других групп мигрантов, практически не рассматривалась в общественно-политических дискуссиях. Во-вторых, поскольку изменение климата, в отличие от вооруженных конфликтов, пока не привело к резкому увеличению потоков беженцев, такого рода беженцы воспринимаются как довольно немногочисленная группа.

В настоящее время в Германии (и это не является исключением) лицам, перемещенным в результате стихийных бедствий, не предоставляется ни беженская, ни дополнительная защита. Однако суды в ФРГ анализируют социально-экономические условия в стране происхождения, а также учитывают индивидуальную ситуацию заявителя, тем самым взвешивают и оценивают значимость каждого отдельного обстоятельства, в том числе и экологического. Есть примеры судебных решений, когда в той или иной степени учитывался в том числе и экологический фактор. В 2020 г. Высший административный суд земли Баден-Вюртемберг рассмотрел запрет на депортацию гражданина Афганистана вследствие ухудшения гуманитарных условий в результате пандемии COVID-19 (Решение от 17.12.2020 – А 11 S 2042/20), принял во внимание сложившиеся экологические условия в этом государстве и постановил, что на ситуацию в Афганистане, в частности, влияют тяжелые климатические условия и стихийные бедствия, однако это не является определяющим фактором (Schloss, 2021). Таким образом, это решение не создало судебного прецедента.

Вопросы экологии и миграции обсуждаются не только во властном дискурсе, но и в общественно-политическом. Концепт климатических беженцев получает все большее распространение и вызывает ожесточенные политические споры. Немецкий политик Лоренц Гёста Бойтин из фракции Левые в нижней палате федерального парламента отметил, что «ни одна сессия бундестага, ни одно заседание комитета, ни одно слушание не обходятся без расистской агитации со стороны правых». По его мнению, изменение климата все больше становится одной из главных причин бегства, и именно поэтому Германия должна ожидать сотни миллионов климатических беженцев в будущем, если не будут приняты решительные меры⁷.

Парламентский комитет по правам человека и гуманитарной помощи бундестага отмечает, что Германия должна воздерживаться от высылки таких лиц в страны, «где не соблюдается право на жизнь или нет запрета на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение в результате воздействия изменения климата, соблюдая при этом основанный на правах человека принцип невыдворения» (Menschenrechte, 2021).

Значение в обществе экологических и климатических вопросов подтверждается и растущей популярностью зеленого движения в ФРГ. На выборах в бундестаг в сентябре 2021 г. партия «Союз 90/Зеленые» заняла третье место после так называемых народных партий, которых поддерживает подавляющее большинство избирателей, набрав 14,8% голосов избирателей (по сравнению с 8,9% в 2017 г.) и получив на 51 депутатское место больше в федеральном парламенте по сравнению с предыдущими выборами. Анализ предвыборных программ партий, а именно ХДС/ХСС, СДПГ, АдГ, СвДП, Левая и «Союз 90/Зеленые», показывает, что лишь немногие из них упоминают экологическую миграцию. СДПГ, «Союз 90/Зеленые» и Левая выражают готовность оказывать помощь людям, вынужденным покинуть свои дома вследствие экстремальных погодных явлений или постепенного изменения окружающей среды. Зеленая партия пошла дальше своих коллег и призвала привлечь к ответственности те государства, которые исторически внесли наибольший вклад в глобальное потепление.

Существуют поколенческие различия в этом плане между депутатами: молодые парламентарии более активно заявляют о необходимости помощи экологическим беженцам. В социальной сети Twitter новоизбранные молодые представители Зеленой партии Эмилия Фестер и Дебора Дюринг опубликовали пост с видео-интервью, в котором обсуждают климатических беженцев⁸. По заявлению

⁷ Wortprotokoll der 36. Sitzung, Protokoll-Nr. 19/36. Deutscher Bundestag (2019) Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/631794/98a141caf93aa7702aef4082cdb58d01/Protokoll-11-02-2019-data.pdf> (accessed 22.10.2021).

⁸ Wie geht internationale Klimagerechtigkeit? Ein Gespräch mit Deborah Düring. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=wb1VwK_7-6U (accessed 22.10.2021).

Фестер, которая привела данные алармистского прогноза 2007 г. независимой международной природоохранной некоммерческой организации «Гринпис», «если люди будут в бегах из-за климатического ущерба, они должны получить те же права на миграцию в ЕС, что и другие беженцы, а если зеленая мечта о “климатическом паспорте” станет реальностью, то 200 млн чел. со всего мира смогут иммигрировать в Европу с гарантией получения гражданства». Она объяснила свою позицию тем, что Германия таким образом влияет на климат, что у этих людей вообще не остается выбора, кроме как покинуть родину и приехать в Европу. В результате в сети разгорелся спор, который подогрели СМИ репортажами о том, что немецкий депутат хочет принять в Германии 200 млн чел.

Молодые депутаты Зеленой партии поддерживают и идею так называемого климатического паспорта, который обсуждается в Германии с 2017 г. и воспринимается многими как «безумная идея». Такой паспорт предполагает, что бегущие от последствий климатического кризиса получат полные миграционные права в Евросоюзе.

Партия Альтернатива для Германии подготовила обширный документ, в котором скептически высказалась о климатической миграции⁹, обосновав это, во-первых, тем, что термины «климатическое бегство» и «климатические беженцы» – это просто политические лозунги или «политический артефакт», не подходящие для решения реальных проблем развития, поскольку отсутствуют научные доказательства того, что именно климатические изменения являются причиной массовой миграции. Хотя экология влияет, например, на вооруженные конфликты, гораздо большую роль играют другие факторы – прежде всего, уровень развития и качество управления.

Представитель АдГ и член бундестага Юрген Браун в мае 2021 г. на 84-й сессии заседания Парламентского комитета по правам человека и гуманитарной помощи поднял на примере Нигерии тему климатических беженцев как инструмента для оправдания диктаторов и авторитарных режимов в развивающихся странах, чтобы выдвигать требования к развитым странам и отвлекать внимание от собственных ошибок¹⁰. АдГ ссылается на высказывание в 2019 г. в то время федерального министра экономического сотрудничества и развития Герда Мюллера о том, что «если глобальное потепление продолжится, то, по оценкам экспертов, через десять лет их (климатических беженцев) может быть уже 100 млн. Тогда миграционное давление на Европу резко возрастет». Отсюда вытекает второй часто звучащий тезис АдГ о том, что прогноз о 200 млн климатических беженцах больше не считается научно обоснованным, а напротив, является методологически сомнительным, поскольку изменение климатических условий – это всегда медленный процесс. Также в защиту другого тезиса партии о том, что «климат» не является основной причиной миграции с точки зрения мигрантов, представители АдГ приводят в пример данные опроса ScalingFences, проведенного Программой развития ООН среди 3 тыс. мигрантов из 43 африканских стран. Фактически, экологические причины не играют большой роли в желании мигрантов переехать: 62% респондентов ответили, что с ними несправедливо обращались власти их стран, а 41% опрошенных заявили, что ничто не изменило бы их решение мигрировать в Евросоюз, поскольку средний заработок там значительно превышает аналогичный на родине.

В общественно-политических кругах признают многопричинность миграционных процессов и обсуждают вопрос о том, принимала ли Германия экологических беженцев в период миграционного кризиса в ЕС. Так, молодежный журнал *fluter*, издаваемый Федеральным агентством по гражданскому образованию ФРГ, считает, что Сирия является примером того, что изменение климата не является прямой причиной бегства из страны, а лишь усугубляет существующие проблемы. Ему вторят и результаты недавно опубликованного исследования Сассекского университета Великобритании: «Нет никаких научных доказательств того, что глобальное изменение климата способствовало началу гражданской войны в Сирии, а преувеличенные представления без точного научного изучения фактов чреваты риском разжигания климатического скептицизма» (CEN, 2017).

Несмотря на то, что на государственном уровне Германия отказалась признавать экологических беженцев, неправительственные организации пытаются осмыслить понятие «беженец», используя свой опыт работы с мигрантами. Например, капитан морского дозора, осуществляющего охрану береговых объектов, Карола Ракете даже была арестована после того, как на своем корабле доставила

⁹ *Drucksache 19/22468. Widerstandsfähigkeit von Entwicklungsstaaten stärken – Klimaschutz aus der Entwicklungspolitik streichen und Kunstbegriff Klimaflüchtling überwinden. Deutscher Bundestag, 15.09.2020. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/24/1922468.pdf> (accessed 22.10.2021).*

¹⁰ *Tagesordnung – Öffentliche Anhörung. Ausschuss für Menschenrechte und humanitäre Hilfe. Deutscher Bundestag, 19.05.2021. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/863914/5de779831514c177b5ec56ae24e1019d/protokoll-data.pdf> (accessed 22.10.2021).*

40 спасенных у ливийского побережья мигрантов в итальянский порт Лампедузы. Она признает необходимость делать различия между беженцами и экономическими мигрантами, однако, по ее мнению, теперь Германия подходит к критической точке, где имеет место «вынужденная миграция» вследствие эксплуатации Европой Африки, где возникает «спираль, ведущая к бегству» (Wir müssen auch..., 2019), поэтому ФРГ и другие страны ЕС несут историческую ответственность за ситуацию в Африке.

Молодое поколение немцев активно интересуется экологическими вопросами, в стране действует большое число экологических организаций. Молодежное отделение гуманитарной организации Красный Крест в Германии также считает, что развитые страны как основные виновники изменения климата несут особую ответственность, и поэтому выступило с инициативой разработки закона о приеме климатических беженцев (Klimahelfer, 2020). Организация занимается экологическим обучением молодежи, организуя различные мероприятия и распространяя образовательные журналы и практические рабочие тетради. На 87-й Генеральной ассамблее Федеральной ассоциации молодежи Германии делегаты проголосовали за предложение признать последствия изменения климата причиной вынужденных перемещений (Folgen..., 2014). Ряд молодежных экологических организаций с мая по август 2014 г. собрали 3 451 подписей под петицией о приеме климатических беженцев и совместно направили ее в Бундестаг, но тот ее отклонил.

Заметна роль различных конфессий в оказании помощи беженцам. Церкви участвуют в решении проблем последствий наводнений, перемещений, вызванных климатическими причинами, и конфликтов, оказывая гуманитарную помощь за рубежом. Епископ Евангелической церкви Германии, представляющий ее интересы за рубежом, Петра Боссе-Хубер призывает политиков к действиям в плане признания климатических беженцев в рамках международного права. Католический епископ Гебхард Фюрст также высказался за прием климатических беженцев. Мировой центр развития протестантских церквей Германии Brot für die Welt, работающий более чем в 90 странах, совместно с Тихоокеанской конференцией церквей и Всемирным советом церквей организовали две международные конференции по климату ("Climate Refugees" People displaced..., 2013), где важное значение уделялось именно экологической миграции.

Немецкие города также озабочены изменением климата и пытаются внести свой вклад в улучшение состояния окружающей среды. Например, власти столичного Берлина призывают промышленно развитые страны (Klimaplan Berlin, 2021) сокращать собственные выбросы и предостерегают от запланированной возможности откладывать действия по борьбе с изменением климата за счет инвестиций в защиту климата где-либо еще, вместо этого предлагая помочь пострадавшим людям и предоставить им безопасные пути эвакуации и убежища.

Таким образом, Германия на данный момент не готова принимать у себя экологических беженцев и на официальном уровне не имеет какой-либо единой национальной политики в отношении именно экологических беженцев, объясняя это неопределенностью вокруг данного вида миграции. Одновременно власти ФРГ принимают ответственность страны за изменение климата и полагают, что экологические и климатические изменения могут влиять на решения о миграции, однако называют их скорее косвенными причинами. Что касается деятельности негосударственных акторов, они поднимают вопросы защиты и принятия экологических беженцев, организуя образовательные занятия и тематические мероприятия, а также иницируя петиции и иные гражданские инициативы. На первый взгляд, может показаться, что речь идет в основном о добровольных и нерегулярных мерах, которые имеют ограниченный охват и ресурсы. Однако на деле власти муниципалитетов и земель, особенно крупных городов, куда в основном устремляются миграционные потоки, неправительственные организации по вопросам экологии и интеграции мигрантов, аналитические («мозговые») центры, занимающиеся проблемами миграции и изменения климата, СМИ в силах оказать влияние не только на общественно-политический, формируя общественное мнение, но и на властный дискурс.

Лидерский потенциал Германии на международной арене

Несмотря на неготовность принимать у себя экологических беженцев, Германия на международном уровне активно призывает серьезно подходить к экологическим катастрофам, которые могут вызывать не только добровольную, но и вынужденную миграцию. В контексте политики международного развития страна проводит кампанию за комплексное управление климатическими рисками (Analysing and managing...), целью которой является защита жизни людей, уменьшение экономического и экологического ущерба и повышение осведомленности. В этом отношении ФРГ использует как проверенные, так и инновационные инструменты для адаптации к изменению климата и сниже-

ния риска экологических бедствий: страхование рисков, социальная защита, мобильность населения, гибкость в принятии решений и адаптивное управление (рис. 2).

Рис. 2 Инструментарий Германии по оказанию поддержки уязвимым странам

Источник: составлено автором по материалам различных немецких ведомств

На международной арене ФРГ поддерживает ряд глобальных инициатив, направленных на поддержку климата и экологии и создание различных организационных структур в сфере борьбы с изменением климата: План действий в области климата и энергетики, принятый на саммите G20 в Гамбурге в 2017 г., Варшавский международный механизм по потерям и ущербу в результате воздействий изменения климата, Инициативу Нансена «План по защите людей, перемещенных через границы в результате стихийных бедствий и климатических изменений», Платформу по перемещению населения в результате стихийных бедствий, Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции и т.д.

Германия является не только влиятельным участником международного сообщества, но и серьезным гуманитарным донором. Страна значительно увеличила взносы на финансирование борьбы с изменением климата – в период с 2005 по 2020 гг. объем бюджетных средств на борьбу с изменением климата вырос более чем в десять раз (Climate finance...). Только в 2020 г. ФРГ выделила на эти нужды около 5,1 млрд евро.

На этом направлении Германия предоставляет уязвимым странам возможности по страхованию климатических рисков (как косвенных, так и прямых). Она выделяет не только государствам, но и отдельным лицам быстрые денежные выплаты, а также организует обучение навыкам и знаниям о климатических бедствиях и их последствиях. Такие решения по финансированию и страхованию климатических рисков могут обеспечить более устойчивое долгосрочное развитие и сократить необходимость в масштабной миграции.

Один из инструментов такого рода – учрежденное по инициативе «Группы семи» на саммите в немецком городе Эльмау в 2015 г. «Глобальное партнерство InsuResilience по финансированию и страховым решениям в области риска изменения климата и стихийных бедствий». Партнерство активно работает по всему миру и реализует множество региональных и тематических проектов, включая региональные пулы рисков, как African Risk Capacity (ARC), Asia-Pacific Climate Finance Fund (ACliFF), Asian Development Bank (ADB) и др. Германия является крупнейшим донором партнерства: в частности, она выделила около 800 млн евро для оказания помощи национальным и субнациональным властям уязвимых стран в разработке комплексных стратегий управления рисками (Climate risk insurance...).

Применяя такого рода подход, Потсдамский институт исследований воздействия на климат в сотрудничестве с Германским обществом по международному сотрудничеству разрабатывают проект AGRICA, предполагающий анализ климатических рисков для планирования адаптации в странах Африки к югу от Сахары и рассчитанный на период с сентября 2018 г. по декабрь 2023 г. В рамках проекта предусмотрены два формата публикаций: анализы климатических рисков, представляющие собой подробные научные отчеты, а также профили климатических рисков в виде кратких обзоров.

Еще одним инструментом управления климатическими рисками является разработка планов действий через определение среднесрочных и долгосрочных потребностей в адаптации в чрезвычайных ситуациях, которые вступают в силу немедленно в случае чрезвычайной ситуации и содержат четкие определения обязанностей и направления действий. Именно поэтому Германия поддерживает Глобальную сеть национальных адаптационных планов.

Помимо этого, ФРГ оказывает помощь секторам экономики уязвимых стран, чувствительным к изменению климата, – сельскому хозяйству, рыболовству и водным ресурсам. Например, в Мали федеральное правительство поддерживает разработку Национальной программы по бесконтактному орошению, а в Кении и Сенегале подготовило проект, стимулирующий рынок эффективных технологий приготовления пищи и популяризирующий их использование для сокращения выбросов парниковых газов. Германия поддерживает не только секторы экономики, но и людей, подверженных экологическим и климатическим угрозам и не имеющих возможности мигрировать.

Интересно также отметить, что ФРГ в контексте изменения климата выносит на обсуждение международного сообщества проблему адаптационного потенциала женщин и их устойчивость к изменению климата, поскольку считает, что женщины и девочки имеют ограниченный доступ к определенным стратегиям адаптации (например, к миграции).

Еще одно направление политики Германии в области изменения климата – это развитие энергетики и адаптация к изменению климата в этой сфере. Основной проблемой многих развивающихся стран, например, тихоокеанских островных государств, является их почти абсолютная зависимость от импорта ископаемого топлива для производства электроэнергии и транспортного топлива. В рамках региональной программы «Адаптация к изменению климата и устойчивая энергетика» при поддержке ЕС и Германского общества по международному сотрудничеству оказывается помощь жителям 15 стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана в решении двух проблем: адаптация к изменению климата и снижение зависимости от ископаемого топлива.

Наконец, ФРГ оказывает помощь уязвимым группам населения через добровольное запланированное переселение как «последняя единственно оставшаяся мера» с соблюдением прав человека после того, как будут изучены все другие возможные варианты адаптации. Пока это лишь программы по переселению внутри пострадавшего государства. Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития Германии финансирует Программу по мобильности населения в контексте изменения климата, рассчитанную на период 2017–2023 гг., тем самым поддерживает своих партнеров в Карибском бассейне, Восточной Африке, Тихоокеанском регионе, Филиппинах и Западной Африке по вопросам предоставления информации и ресурсов по мобильности людей в связи с изменением климата.

Таким образом, для федерального правительства меры адаптации к последствиям изменения климата становятся все более важным аспектом международного сотрудничества. В вопросах экологической миграции Германия в первую очередь старается устранить причины вынужденной миграции и согласовать их с предсказуемыми будущими последствиями изменения климата в странах происхождения. Все эти мероприятия являются частью комплексной программы управления климатическими рисками, направленной на расширение возможностей местного населения, партнеров гражданского общества, региональных организаций и национальных органов власти, чтобы они могли лучше справиться с последствиями изменения климата.

Заключение

С ростом экологических и климатических угроз в мире возникает насущная необходимость в поиске путей управления экологической миграцией. Обладая бесценным опытом, извлеченным из миграционного кризиса в Европейском союзе, и достаточно большим разнообразием ресурсов и инструментов регулирования чрезвычайных ситуаций, Германия предлагает практически апробированную модель взаимодействия с экологическими мигрантами.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать следующие выводы об этой модели:

1. Германия не рассматривает экологическую миграцию через призму алармистского подхода, то есть отвергает утверждение о ней как об угрозе безопасности государства. Однако в рамках реактивной политики, проводимой в ответ на происходящие миграционные перемещения, ФРГ все же отказывается признавать экологических беженцев и тем более предоставлять им убежище. Помимо этого, Германия намеренно не вводит изменения в свое законодательство, видя для себя в этом риски увеличения масштабов миграции. В этом контексте важно отметить и то, что хотя государство не придает легитимности термину «климатические беженцы», оно не предлагает иной альтернативы, прежде всего из-за низкой вероятности такой волны миграции в ближайшее время. Такая позиция государства объясняется и тем, что возникают серьезные препятствия и ограничения для государства и экспертов-правоведов провести черту между экологической и иной миграцией; определить права таких лиц и обязательства государства; установить четкие операциональные показатели экологической миграции для разработки норм и правил; проверить возможность имплементации потенциального закона в национальное законодательство и др.

Маловероятно, что в ближайшем будущем удастся не только найти ответы на эти и многие другие вопросы, но и прийти к консенсусу в международном сообществе.

2. В этом отношении позиция Германии не уникальна: хотя вопросы экологической миграции многими странами вообще не обсуждаются, среди тех немногих, кто все же делает попытку осмыслить этот феномен, зачастую практикуется именно такой ограничительный подход в рамках национального законодательства.

Специфика германской модели заключается в мобилизации инициатив на региональном (в рамках ЕС) и глобальном уровнях. Правительство делает акцент именно на развитии адаптационного потенциала уязвимых государств и его населения. Германия является мировым лидером по финансированию подобных проектов за рубежом. В рамках регулирования экологической миграции она придерживается прежде всего превентивных мер, направленных на предотвращение причин миграции путем различной помощи наиболее уязвимым в этом отношении странам. Эти меры предполагают адаптацию к изменениям климата через политику развития (например, установление систем раннего предупреждения и работу Глобальной сети национальных адаптационных планов); помощь в переходный период через выплаты по страхованию от климатических рисков и гуманитарную помощь; восстановление через повышение устойчивости уязвимых стран и их населения к изменению климата и стихийным бедствиям.

К тому же, будучи членом различных региональных и международных многосторонних институтов, ФРГ активно выступает с инициативами по проблемам экологии и борьбы с изменениями климата как проблемам мирового развития. Подобный инструмент мягкого права может быть неким полезным средством решения определенных аспектов экологической миграции.

3. Немаловажную роль здесь играет немецкое научное и экспертное сообщество, о чем свидетельствует огромный массив публикаций по различным аспектам экологической миграции. Такой теоретический фундамент предоставляет ФРГ возможность возглавить работу по осмыслению и созданию понятийного аппарата в этой сфере для последующей разработки моделей эффективного регулирования на региональном и глобальном уровнях.

4. Как и в отношении ряда других серьезных проблем, немецкое гражданское общество не могло пройти мимо вопросов экологической миграции. Отдельные личности, конфессии, фонды, различные неправительственные организации, в особенности молодежные, неоднократно поднимают вопрос об экологических беженцах на своих мероприятиях и в официальных программах, что оказывает влияние на формирование национальной повестки (и региональной в ЕС). Однако так называемый третий сектор в Германии не обладает достаточными ресурсами для решения таких чрезвычайно запутанных проблем (финансовыми, организационными, информационными).

5. Рост зеленых движений, развитие Европейского зеленого курса, фундаментальная реформа европейской энергетической системы, укрепление позиций партии Союз 90/ Зелёные в Германии, назначение на важные посты представителей этой партии (например, Федеральное министерство окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей возглавила Штеффи Лемке), все это оказывает влияние на формирование приоритетов государства, которые все чаще связаны с экологическими и климатическими вопросами. Помимо того, что внутри самого государства происходят серьезные изменения по сокращению негативного влияния на экосистему, включая ограничение выбросов CO₂, зеленые движения диктуют необходимость по-новому с фокусом на экологию выстраивать взаимоотношения с другими странами. Можно предположить, что такая тенденция, с одной стороны, характеризующаяся усилением экологической составляющей в Германии, с другой – вовлечением других государств в эту экологическую политику, может изменить положение экологических мигрантов. Хотя есть положительная тенденция в этом направлении, маловероятно то, что будут осуществлены масштабные проекты, как, например, введение климатического паспорта.

Таким образом, подобный формат на данном этапе решения существующей глобальной проблемы представляется наиболее оптимальным. Некоторые эксперты подтверждают обоснованность такой позиции и аргументируют это тем, что право человека на экологически нетронутую родину и средства к существованию не может быть заменено все чаще обсуждаемым «правом человека на миграцию», так как это «не решает проблемы причинно, а смещает их пространственно» (Rothfuß, 2021). Основной вопрос заключается в том, как помочь людям иметь возможность безопасно жить и работать в своей собственной стране, чем на данный момент и занимается Германия.

Список литературы / References

- Ahmad, A. N. ed. (2019) 'Climate Justice and Migration: Mobility, Development, and Displacement in the Global South', *Heinrich Böll Foundation. Publication Series on Democracy*, 57 [online]. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/2020-12/Climate_Justice_and_Migration.pdf?dimension1=division_af (Accessed: 22 November 2021).
- Ammer, M., Mayrhofer, M., Randall, A., Salsbury, J. (2014) 'Time to act. How the EU can lead on climate change and migration', *Heinrich-Böll-Stiftung*.
- 'Analysing and managing climate risks', *BMZ* [online]. Available at: <https://www.bmz.de/en/development-policy/climate-change-and-development/climate-risk-management> (Accessed: 22 October 2021).
- Bates, C. D. (2002) 'Environmental Refugees? Classifying Human Migrations Caused by Environmental Change', *Population and Environment*, 23 (5), pp. 465–477.
- Biermann, F., Boas, I. (2012) 'Climate Change and Human Migration: Towards a Global Governance System to Protect Climate Refugees' in: Scheffran, J., Brzoska, M., Brauch, H. G., Link, P. M., Schilling, J. (eds.) *Climate Change, Human Security and Violent Conflict*. Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 291–300.
- Blocher, J. (2015) 'Climate Change and Environment related Migration in the European Union Policy: An Organizational Shift towards Adaptation and Development' in: Rosenau-Williams K., Gemenne F. (eds.) *Organizational Perspectives on Environmental Migration*. London: Routledge, pp. 38–56.
- Butros, D., Brodén Gyberg, V., Kaijser A. (2021) 'Solidarity Versus Security: Exploring Perspectives on Climate Induced Migration in UN and EU Policy', *Environmental Communication*, 15 (6), pp. 842–856.
- Burns, C. Eckersley, P., Tobin, P. (2020) 'EU environmental policy in times of crisis', *Journal of European Public Policy*, 27 (1), pp. 1–19.
- 'CEN – neueste Forschung zeigt: Klimawandel nicht Auslöser des syrischen Bürgerkrieges' (2017), *Deutsches Klimaportal* [Online]. Available at: https://www.deutsches-klimaportal.de/SharedDocs/Kurzmeldungen/DE/Andere/2017/CEN-Neeste_Forschung_zeigt_Klimawandel_nicht_aus%C3%B6ser_des_syrischen-Buergerkrieges_170907.html (Accessed: 22 October 2021).
- 'Climate finance: Germany remains a reliable partner', *BMZ* [online]. Available at: <https://www.bmz.de/en/development-policy/climate-change-and-development/climate-financing> (Accessed: 22 October 2021).
- “‘Climate Refugees’ People displaced by climate change and the role of the churches’

- (2013), *Bread for the World Protestant Development Service, Protestant Agency for Diaconia and Development*.
- ‘Climate risk insurance’, *BMZ*. Available at: <https://www.bmz.de/en/development-policy/climate-change-and-development/climate-risk-insurance> (Accessed: 22 October 2021).
- Eckersley, R. (2015) ‘National identities, international roles, and the legitimation of climate leadership: Germany and Norway compared’, *Environmental Politics*, 25 (1), pp. 180–201.
- ‘Folgen des Klimawandels als Fluchtgrund anerkennen!’ (2014), *Deutscher Bundesjugendring* [Online]. Available at: <https://www.dbjr.de/artikel/folgen-des-klimawandels-als-fluchtgrund-anerkennen> (Accessed: 22 October 2021).
- Fujibayashi, H., Nakayama, M. (2017) ‘An Option to Avoid the Sudden Mass Influx of Migrants Resulting from Worldwide Environmental Threats’, *International Journal of Social Science Studies*, 5(6), pp. 1–8.
- Hertner, I. (2021) ‘Germany as ‘a country of integration’? The CDU/CSU’s policies and discourses on immigration during Angela Merkel’s Chancellorship’, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 48 (2), pp. 461–481.
- Galaktionow, B., Reuß, A. (2018) ‘Von Kohls Mädchen zur ewigen Kanzlerin’, *Süddeutsche Zeitung* [online]. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/merks-spitznamen-von-kohls-maedchen-zur-ewigen-kanzlerin-1.3904881> (Accessed: 20 November 2021).
- Hiraide, L. A. (2022) ‘Climate refugees: A useful concept? Towards an alternative vocabulary of ecological displacement’, *Race & Climate Change*, pp. 1–16.
- Jänicke, M. (2017) ‘Germany: Innovation and Climate Leadership’ in: Wurzel, R. K., Connelly, J., Liefferink, D. (eds.) *The European Union in International Climate Change Politics. Still Taking a Lead?* London: Routledge, pp. 114–130.
- ‘Klimahelfer: Änder' was, bevor's das Klima tut (2012–2014)’ (2020), *Jugendrotkreuz* [Online]. Available at: <https://jugendrotkreuz.de/initiativen-aktionen-projekte/vergangene-kampagnen/klimahelfer> (Accessed: 22 October 2021).
- ‘Klimaplan Berlin’ (2021), *KlimaListe Berlin* [online]. Available at: <https://www.klimaliste-berlin.de/media/pages/klimaplan/6db68c3a57-1620376401/klimaplan-2021-05-07.pdf> (Accessed: 22 October 2021).
- ‘Klimaschutz als Weltbürgerbewegung’ (2014), *Wissenschaftlicher Beirat der Bundesregierung* [Online]. Available at: https://www.bundestag.de/resource/blob/343750/5b6b3c816fa06702aba369df558f48c6/ausschussdrucksache_sondergutachten_wbgu_klimaschutz_18_16_132-data.pdf (Accessed: 22 October 2021).
- Liguori, C. (2021) *The response of the European Union to human mobility in the context of climate change*. MA thesis. School of advanced study. University of London.
- Maretti, M. Tontodimamma, A., Biermann, P. (2019) ‘Environmental and climate migrations: an overview of scientific literature using a bibliometric analysis’, *International Review of Sociology*, 29 (2), pp. 142–158.
- Marshall, N. (2019) ‘Climate Migration and Loss: Exploring the Conceptual Borders of Citizenship, Sovereign Authority, and the Deterritorialized State’, *Development*, 63(4), pp. 1–7.
- Marshall, N. (2016) ‘Forced Environmental Migration: Ethical Considerations for Emerging Migration Policy’, *Ethics, Policy & Environment*, 19(1), pp. 1–18.
- Martin, S. (2010) ‘Climate Change, Migration, and Governance’, *Global Governance*, 16 (3), pp. 397–414.
- ‘Menschenrechte und Klimakrise’ (2021), *Deutsches Institut für Menschenrechte* [Online]. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/843062/97d06032b78c4ee6f1f095ce94ef2843/Stellungnahme-SV-Windfuhr-data.pdf> (Accessed: 22 October 2021).
- Mück, K. (2017) ‘„Wir schaffen das!“ Hat die Persönlichkeit Angela Merkels Einfluss auf ihre Flüchtlingspolitik?’ in: Gu, X., Ohnesorge, H. (eds.) *Politische Persönlichkeiten und ihre weltpolitische Gestaltung*. Wiesbaden: Springer VS, pp. 245–273.
- Orsini, A., Cobut, L. ‘Global environmental complexity and the limits of the EU’s external regulatory actorness’ in: Teloò, M., Weyembergh, A. (eds) *Supranational Governance at Stake*. London: Routledge, pp. 130–144.
- Praag L. V., Timmerman C. (2019) ‘Environmental migration and displacement: a new theoretical framework for the study of migration aspirations in response to environmental changes’, *Environmental Sociology*.

- ‘Pressemitteilung 9. Mai 2019, Klimawandel und Migration’ (2019), *Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung* [Online]. Available at: <https://wzb.eu/de/pressemitteilung/klimawandel-und-migration> (Accessed: 22 October 2021).
- Rappold, J. (2016) ‘Germany: Getting Used to Leadership’ in: Janning, J. (ed.) *Keeping Europeans Together: Assessing the State of EU Cohesion*. European Council on Foreign Relations, pp. 64–67.
- Rothfuß, R. (2021) ‘Menschenrecht auf eine ökologisch intakte Heimat: Internationale Zusammenarbeit für heimatnahe Problemlösungen in Afrika’, *Bundestag* [Online]. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/843058/f6af4a12622ceb45b9a0df2f68e1979/Stellungnahme-SV-Rothfuss-data.pdf> (Accessed: 22 October 2021).
- Schloss C. (2021) ‘Climate migrants – How German courts take the environment into account when considering non-refoulement’, *Völkerrechtsblog* [online]. Available at: <https://voelkerrechtsblog.org/climate-migrants/> (Accessed: 22 October 2021).
- ‘Sicherheitsrisiko Klimawandel’ (2007), *Wissenschaftlicher Beirat der Bundesregierung Globale Umweltveränderungen* [Online]. Available at: https://www.wbgu.de/fileadmin/user_upload/wbgu/publikationen/hauptgutachten/hg2007/pdf/wbgu_jg_2007_kurz.pdf (Accessed: 22 October 2021).
- Şirin, B. (2020) ‘Angela Merkel’s Chancellor Democracy and Leadership in Times of Crisis’ in: Erçetin, Ş., Açıkalın, Ş. (eds.) *Chaos Complexity and Leadership 2018*. Cham: Springer, pp. 107–121.
- Schmedding, T. (2011) *Environmental Migration: A Global Issue under European Union leadership?* MA thesis. Centre International de Formation Européenne.
- Schreurs M. A. (2016) ‘Is Germany Really an Environmental Leader?’, *Current History*, 115 (779), pp. 114–116.
- Street, A. (2021) ‘Angela Merkel’s Record on Immigration and Gender’, *German Politics*, 31 (1), pp. 137–156.
- Wennerhed, F. M. (2019) *The Discursive Construction of Climate Migration in the EU*. MA thesis. Wageningen University.
- ‘Wir müssen auch Klima-Flüchtlinge aufnehmen!’ (2019), *Bild* [Online]. Available at: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-ausland/rackete-im-bild-interview-wir-muessen-klima-fluechtlinge-aufnehmen-63280720.bild.html> (Accessed: 22 October 2021). (*Ограничен доступ на территории РФ).
- ‘World Migration Report’ (2020), *IOM UN Migration* [Online]. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/wmr_2020.pdf (Accessed: 22 October 2021).
- Zotti, A. (2020) ‘Germany’s ‘Atypical’ Leadership in the EU Migration System of Governance and its Normative Dimension’ in: Ceccorulli, M., Fassi, E., Lucarelli, S. (eds.) *The EU Migration System of Governance*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 225–258.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 22.04.2022

Статья принята к печати: 01.05.2022

ENVIRONMENTAL MIGRATION: GERMAN EXPERIENCE OF REGULATION

E. I. Matiukhova

E. I. Matiukhova, junior research fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

E-mail: lizamat@imemo.ru (ORCID 0000-0002-2782-4013. Researcher ID: ABE-9290-2022).

Abstract

The article analyses German policy regarding environmental migration, aiming to assess its success. The author focuses on the phenomenon and practices of environmental migration in general and its impact on various discourses in Germany and its policies in this regard. The article focuses exploring a range of foreign, predominantly German, sources via content analysis research method. The study uses systemic and institutional approaches, discourse analysis, that enable a comprehensive study of different levels of environmental migration regulation, as well as power, socio-political and scientific expert discourses on such migration.

The author concludes that whilst people who flee from climate and environmental change are not officially recognised as refugees in Germany, the country does actively support these individuals both internally and internationally. Germany is a key contributor in international aid when it comes to the most vulnerable countries. Moreover, German civil society, which considers migration one of the key problems of the country's development, has a significant influence on national and regional agenda within the European Union. Leading the way in the international community, including crisis situations, using various means Germany has proven in action its ability to regulate this type of migration.

Keywords: Germany; European Union; environmental migration; climate refugees; forced migration; crisis management; environmental alarmism; environmental scepticism.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-109-122

THE EFFECTS OF CORRUPTION PERCEPTION ON POLITICAL PARTICIPATION: EVIDENCE FROM AFRICA

S. Toklo

Toklo Sewordor, a Ph.D, Candidate in Political Science and Regional Studies.

National Research University Higher School of Economics.

E-mail: stoklo@hse.ru (ORCID: 0000-0003-1914-2706).

Abstract

Scholars have previously examined the relationship between corruption and political participation with mixed results. However, some citizens are aware of corruption but choose to tolerate it. How does this tolerance for corruption influence citizens' political conduct? This research contributes to the literature by examining whether citizens' tolerance for corruption affects their participation in political activities, particularly on voter turnout and protest. The study uses regression analysis to evaluate the relationship between corruption tolerance and these two indicators of political participation. Using round 3 of the Afrobarometer data for 18 Sub-Saharan African countries, I hypothesize that individuals' tolerance of corruption decreases their willingness to vote in elections and participate in protests. The findings corroborate this expectation and demonstrate substantial robustness to various model specifications.

Keywords: corruption perception; corrupt behavior; tolerance; voter turnout; participation; protest; substitution.

Introduction

Transparency International defines corruption as the 'abuse of entrusted power for private gain'. Similarly, in academic literature, corruption is defined as the misuse of public office to attain a private benefit (Rose-Ackerman, 1999). Corruption has many adverse effects, such as hindering the economic development of countries (Mauro, 1995), and is considered one of the principal causes of poverty in many developing countries (Otusanya, 2011). Corruption also affects the rate of foreign direct investment (Wei & Shleifer, 2000), and reduces citizens' trust in democratic institutions (Villoria, Ryzin and Lavena, 2013). The acts of engaging in corruption by officials can take many shapes and forms, from petty corruption such as bribes paid to police officers to avoid fines to large-scale corruption, which involves particularly significant and impactful abuses of power.

When public officials who are paid to carry out their duties professionally indulge in any form of corruption, the public is likely to form a negative perception of them. For instance, large-scale corruption may lead to the creation of certain beliefs about the country's political system as being designed to work against them, hence can translate into the way citizens participate in political activities (Gupta, Davoodi and Alonso-Terme, 2002).

Political participation can take many forms, from conventional voting in elections and signing petitions to unconventional forms such as insurgencies and mass uprisings. This study focuses on two forms of political participation: voter turnout and protest. Specifically, the paper addresses the question, does tolerance of corruption influence political participation? These topics are essential because voter turnout reflects whether a person considers voting a meaningful way to demonstrate preferences about how their country is run. Protests are also prevalent when citizens want politicians to solve serious social, economic, or political issues and often serve as the last conventional tool in the hands of citizens that they can use to impose pressure on the government.

Voter turnout and protest have been extensively studied in the previous literature. However, the effect of corruption perceptions on these activities is understudied. This paper investigates the impact of corruption perceptions on voter turnout and protests and attempts to fill this gap in the existing research. I seek

to clarify the theoretical mechanisms that govern the hypothesized relationship and provide an extensive empirical evaluation based on the Afrobarometer survey.

This paper makes an important contribution to the body of knowledge on corruption and participation. First, this study contributes to the literature on corruption by demonstrating the detrimental impacts of tolerance of corruption perceptions on people's willingness to vote and protest. Corrupt practices negatively impact the effective functioning of democracies, leading voters to abstain from voting or participating in protests against an underperforming and corrupt government. Second, this article contributes to the broader literature on participation by introducing an important variable, corruption tolerance, which should be considered when estimating voter turnout and protest models in future research.

I concentrate on Africa for a variety of reasons. To begin with, Transparency International has regularly rated most African countries as very corrupt. For example, the 2020 Corruption Perception Index reveals that, except for Botswana, Cabo Verde, Mauritius, Namibia, Sao Tome, and a few other nations that have made a relative success in the fight against corruption, many African countries continue to have high levels of corruption. Similarly, Global Financial Integrity in 2017 found that illegal outflows from Sub-Saharan Africa were the greatest in 2014, ranging from 5.3 percent to 9.9 percent of overall commerce (Global Financial Integrity, 2017). Also, concerns about nepotism and cronyism have turned corruption into a problem that stymies Africa's economic and political growth (Szeftel, 2000). This is also in line with the United States Department of State's Country Reports on Human Rights in 2021, which showed that most African countries' public agencies, including elected officials, engage in corrupt conduct with impunity. According to the report, all levels of government, including the court and security services, were compromised by massive, widespread, and persistent corruption (U.S. Department of State, 2021). Furthermore, political participation, such as voting and protesting, remains low in many African nations (Resnick and Casale, 2011). Having considered these, could there be a particular relation between corruption and political participation in Africa?

The subsequent sections discuss the literature of previous studies that directly address the relationship between corruption and voter turnout and protest. This is followed by an explanation of the arguments advanced in this research. Next, I discussed the methods which present the model estimates and the effects of corruption perception on voter turnout and protest. Finally, I offer a summary of the significant findings as well as potential future research directions.

Theoretical literature

This study focuses on two forms of political participation, voting, and protest. Below, I provide an overview of the relevant body of research on both these topics to identify gaps that this paper seeks to fill.

Voting

One of the long-standing debates among scholars is why individuals vote in elections (Verba, Scholzman and Brady, 1995). In this regard, voter participation is not just one of the most significant markers of democratic legitimacy but is also critical for connecting principals and agents regarding policy representation and public accountability (Franklin, 2004). There have been numerous academic theories for why citizens vote or do not vote. First, citizen voting has long been regarded as a civic responsibility, with some persons believing that if they do not vote in elections, others would think worse of them (Blais, Young and Lapp, 2000). Scholars have cited this line of reasoning as one of the primary causes for voter participation, in which voters see voting as a civic obligation (Riker and Ordeshook, 1968). Indeed, works confirming this have pointed out that individuals are more likely to vote when they see most of their peers voting.

Institutional and contextual factors such as compulsory voting (Blais, 2006), proportional representation (Diaz, 2014), the electoral district's size, voting age, and voting laws (Mishler and Rose, 2005), were also found to be significant predictors of voter turnout. Also, a more competitive election where the margin of victory is small will see a high voter turnout. Thus, when an election is very close, politicians make a concerted effort to reach out to people who are indecisive or who would not ordinarily vote to turn up and participate (Grofman and Selb, 2009).

In the specific case of Africa, there are several reasons why a voter decides to participate in an election. Voter decisions and acceptance of outcomes in Africa like in Ghana are co-partisan based (Toklo, 2021). However, Ninsin (2006) argues that for African citizens to engage in electoral participation, it may involve utilizing coercion, and financial incentives. This line of argument has been criticized by Cheeseman,

Lynch, and Willis (2021), who argue that elections in Africa allow politicians and voters to make moral claims and portray themselves as virtuous agents, which stimulates and strengthens citizen participation.

Compared to psychological, institutional, and contextual factors, the effects of the 'output' side of the political system on voter turnout, such as the effect of good governance on citizens' voting intentions (Olsson, 2014), received scant scholarly attention. A handful of studies analyzing differences in voter turnout have focused on people's perceptions of corruption, and even those that exist tend to focus mainly on advanced democracies (Karahan, Coats and Shughart, 2006; Escaleras, Calcagno and Shughart, 2012). At the same time, limited attention is given to emerging democracies, especially African countries. Generally, the research examining the relationship between corruption and electoral turnout is divided.

For instance, an empirical study on this relationship was conducted between corruption and voter turnout in established democracies. Results demonstrate that as corruption increases, so does the number of voters who attend the polls (Stockemer, LaMontagne and Scruggs, 2013). This is because public perceptions of corruption will infuriate voters; hence they will turn up on election day and vote for a non-corrupt official (Kostadinova, 2009). Also, corruption may increase the demand for voters on the side of incumbents who want to keep their political power (Karahan, Coats and Shughart, 2006). Hence, corrupt incumbents tend to mobilize electorates, particularly their supporters, to cast votes on election day. Given this, it is claimed that citizens who accept corrupt behavior will turn up to vote in an election (Bonifácio and Paulino, 2015).

On the other hand, certain studies posit that individuals' propensity to participate in the democratic process is reduced by corruption. The quality of government in an area has a favorable effect on regional turnout such that corruption reduces a citizen's chance of voting. When citizens see corruption as a sign that they cannot have confidence in the politicians, they are less inclined to turn out because corruption indicates that the authorities would not respond to their concerns (Sundström and Stockemer, 2015; Inman, and Andrews, 2009; Dalton and Weldon, 2005; Mishler and Rose, 2005). The entire political system appears bleak to voters who are disengaged. As a result, citizens have learned that staying at home rather than voting in inconsequential elections is a viable option. This then subsequently affects the entire voter turnout (Kostadinova, 2009).

What about citizens who are aware of corruption but choose to accept it? What impact does this tolerance have on their political conduct, such as voting? To the best of my knowledge, there is only one close scholarly research paper devoted to this subject. The authors claim that citizens who accept corrupt behavior will turn up to vote. To add to the literature, this paper investigates the relationship between perceptions of corruption tolerance and voting decisions and departs from the previous argument.

Corruption, in my view, serves as a substitute for voting. People who obtain their objectives through corruption are unlikely to vote for change. As a result, if people are more tolerant of corrupt activities, they do not think alternate methods of preserving their interests are as effective.

According to rational choice theory, individuals use reasonable assessments to make sound decisions and attain results that are consistent with their own individual goals. These outcomes are also connected to optimizing a person's self-interest. Despite the minimal options available, using rational choice theory can offer people the most utility (Blais, Young and Lapp, 2000). In rational-choice theory, agents are frequently believed to have selfish motives. As a result, the act of voting can be rational, with a rational voter deciding to vote based on an evaluation of the projected effects of not voting and the benefits of a corrupt regime.

It is indeed true that some citizens who benefit from corrupt behavior may turn out to vote for the incumbent regime (Karahan, Coats and Shughart, 2006), to continue enjoying the corrupt benefits. However, people who achieve their goals through corruption are unlikely to vote to change the incumbent. Thus, if people are more tolerant of corrupt practices, they do not believe alternative ways of defending their interests are as effective. Hence, those who do not believe corruption is a problem because they benefit from it will not see the need to vote to change the government. In this case, people's willingness to participate in elections is substituted by their willingness to tolerate corrupt behaviors.

Furthermore, a citizen may see voting as a civic obligation (Downs, 1957), or may see friends and co-workers voting (Huckfeldt and Sprague, 1995), or perhaps because he belongs to a particular identity group. However, people who are more tolerant of corrupt behaviors may simply assume that other methods of preserving their interests are ineffective, and hence may be willing to ignore all other factors that influence participation in the election. Voting is not a big issue for such a person, especially if he or she already benefits from the corrupt system. The eagerness of people to engage in voting is substituted by their propensity to tolerate corruption.

H1: People who are more tolerant of corrupt practices exhibit a lower propensity to vote in elections.

Protest

Protests activities aimed at exposing corrupt conduct are becoming more prevalent in many nations with high levels of corruption. Apart from Tunisia, Egypt, and Ukraine, which have recently seen large revolutions, different anti-corruption protests have occurred in Nigeria, Moldova, and India. Protesting is expensive, especially in terms of time, resources, and probable arrests. However, if individuals wish to voice their opinions on politics and policy problems, they continue to demonstrate (Leighley, 1995).

What factors influence why some individuals choose to protest while others do not? Scholars generally agree that group behavior such as identity (Opp, 2009; Van Zomeren, Spears and Leach, 2008), ideological convictions (Matebesi and Botes, 2017), and the desire to improve one's situation influence individuals' willingness to participate in protest actions (Klandermans, 2014).

Other scholars also believed that corruption significantly impacts protest activities. When citizens feel that corruption is to blame for their terrible economic situation, they may be mobilized to protest (Kostadinova, 2013; Brunori, 2017; Gimpelson and Treisman, 2018). According to studies, the continuous cost of bribe payments increases citizens' willingness to engage in protests (Gingerich, 2009; Monyake and Hough, 2019). Many individuals may feel compelled to express their dissatisfaction with selfish politicians (Leighley, 1995). Individuals who feel enraged by politicians' corrupt actions (Opp, 2009), or have significant societal incentives, according to collective action theories (Olson, 2012), might join others on the street and demonstrate against the government.

What about citizens who know about corruption yet choose to tolerate it? How does this tolerance affect their willingness to participate in protests? To the best of my knowledge, no systematic studies have provided empirical support for such correlations. In this study, I aim to contribute to the literature by looking at how likely those who are more tolerant or less tolerant of corrupt behaviors are to participate in protests.

The rational actor model at the individual level, explains why individuals cooperate when it benefits them (Chai, 2005). Consequently, joining a demonstration can provide personal advantages and the communal good that the protest aims to achieve (Oberschall, 1994). People's perceptions of corruption, I argue, influence their propensity to participate in protests to the extent that they weigh the benefits of corrupt behavior against the possibility of protesting. According to collective action theories, people are more likely to mobilize and participate in protests when they are dissatisfied and have significant societal incentives (Opp, 1990).

In this case, people who believe corruption is on the rise are more likely to protest if their economic realities deteriorate. Second, even if those who profit from corruption are dissatisfied with some aspects of the present system, engaging in protests increases the risk of losing corruption advantages. As a result, people who accept corruption are unlikely to join demonstrations. Most protests call for economic or political change, and those who profit from corruption are inclined to like the current system. Furthermore, protesting raises the danger of losing corruption advantages, even if individuals who benefit from corruption are dissatisfied with some parts of the current system. Hence, those who accept corruption are less likely to participate in protests.

Again, the substitution argument also holds for people's propensity to participate in a protest. A citizen's willingness to participate in protest is substituted by their willingness to tolerate corrupt behaviors. Those who do not feel corruption is an issue will not see the need to go out and protest the government because most protests seek to influence public opinion or call for laws against bad governance such as corruption. As rational choice arguments indicated earlier – people weigh their choices and choose the best that maximize their interest. For those who do not feel corruption is an issue, for them, corruption is acceptable behavior. This may especially be true if the citizen is a beneficiary of the corrupt regime in place. As a result, citizens' readiness to protest is replaced by their willingness to tolerate corrupt behavior.

H2: People who are more tolerant of corrupt practices exhibit a lower propensity to protest participation.

Methodology and Data

The data is from 18 African countries: Benin, Botswana, Cape Verde, Ghana, Kenya, Lesotho, Madagascar, Malawi, Mali, Mozambique, Namibia, Nigeria, Senegal, South Africa, Tanzania, Uganda, Zambia, and Zimbabwe from Round 3 of the Afrobarometer Surveys. The data was collected in 2005 and 2006. While there are recent rounds of Afrobarometer data, none of these rounds asked questions regarding tolerance of corruption. Therefore, I chose this set of data because it contains essential questions that measure corruption tolerance.

The data includes questions that ask respondents about their experiences and opinions on various governance subjects, such as bribery and corruption. It is a cross-national public opinion survey that assesses people's views and actions in response to a wide range of themes. This covers their reactions to different hypothetical instances of public corruption, whether they voted in the last election and their participation in rallies and demonstrations. Additionally, the data uses a standard questionnaire with identical or functionally equivalent terminology, making it appropriate for a cross-national study.

Models

The study employed regression analysis with various model parameters to derive inferences from the data. The dependent variables – vote, and protest are binary indicators; hence the study uses logistic regression with a random effect model to estimate the decision to participate. Like any other regression method, this method explains the relationship between the outcome variable and each of its predictors, making it appropriate for this paper. The results were analyzed using R. Additionally, the study tests these results using the logistic regression without random effect as a robustness check, corroborating the arguments made in this research. The paper also introduces instrumental variable regression analysis to address issues of possible reverse causality.

Dependent Variables

There are two dependent variables specified in the paper. The first dependent variable is voting, where respondents were asked if they had voted in the last general elections. In question (Q30) of the Afrobarometer specifically, respondents were asked whether, concerning the most recent national elections, they had voted or not. The scale point of the questions ranges from 1 to 7. The responses were labeled as; voted in the elections, decided not to vote, could not find the polling station, were prevented from voting, did not have time to vote, did not vote for some other reason, and were not registered. A few additional variables were also coded as; don't know and refuse to answer. Since the idea is to determine whether a citizen partook in the vote (or was willing to vote) versus a citizen who did not vote (or was not ready to vote), the responses were coded into dummy variables as; willing to vote versus not willing to vote (0= not willing to vote; 1= willing to vote).

The category of variables that were considered as willing to vote includes the following: 'You voted in the election, you could not find the polling station, you were prevented from voting' whereas 'you decided not to vote, you did not have time to vote, did not vote for some other reasons, you were not registered, don't know, and refused', were treated as not willing to vote (reference point).

Similarly, the second dependent variable is protest. The study measured propensity to protest using questions where respondents were asked in question (Q31C) to list specific actions that people take, including protest. 'Please say whether you have done any of these things during the past year. If not, would you do this if you had the chance: Attended a demonstration or protest march?'. The scale point for this question ranges from 0 to 4, where higher values imply a willingness to protest, and the lower value indicates not willing to protest. The responses were labeled as 'No but would do if I had the chance, 'Yes, once, or twice', 'Yes, several times', 'Yes, often', and these were considered willing to protest. The other responses: 'No, would never do this', 'do not know, refused' were considered unwilling to protest (reference point).

Independent Variable

The independent variable is tolerance of corruption. In question (Q58), respondents were asked to state whether specific actions were right or wrong. These are: (a) an official of government gave a job to his family member without having the necessary qualification, (b) an official of government sought favor or additional payment for services that are already part of his job, and (c) a public officer locates a developmental project to an area where his friends and supporters reside. The responses to these statements were coded as 'not wrong at all, wrong but understandable, or wrong and punishable'. A corruption index was constructed by summing up all corruption tolerance statements and dividing them by the total number of variables.

The main weakness of using this indicator is the inability to fully take into consideration the cultural dimension of corruption. Corruption in Africa has some cultural foundation that cannot be overstated. Nepotism, tribalism, and misappropriation of public funds are all inevitable outcomes of families' and communities' demands on a public official (De Maria, 2001; Chinweuba, 2018).

Therefore, I acknowledge that this measure may not adequately capture the concept of corruption. As a result, rather than straining the assertion that the measure accurately captures the concept of corruption, I prefer to situate corruption from the general political science definition, as the abuse of public office for private benefit (Rose-Ackerman and Truex, 2012; Nye, 1967). I did this by following Chang and Kerr (2017) that also built on the corruption tolerance index from the Afrobarometer data using the same indicator.

Control variable

Several control variables were added to guard against erroneous correlations. The individual controls include age, gender, education, and employment status. For the country level, the control variables GDP per capita and the democratic status of the selected countries were utilized.

Age

A control variable was created for age. The data excludes those who are below the age of 18.

Gender

Respondents were asked to indicate their gender in question (Q101). Gender is coded as a dichotomous variable. The responses were coded as (0 = male; 1 = female).

Education

The participant's level of education was the topic for questions (Q90). The original responses for education were recoded to 'no formal education (reference point), primary, secondary, and tertiary education.'

Employment

Question (Q94) asked the respondents, 'Do you have a job that pays a cash income?' I combined those who responded 'No' (but were not searching for work) with those who said 'No' (but were looking for work) as unemployed. Those who said 'yes, part-time but looking', 'yes, part-time but not looking', or 'full-time employees' were categorized as employed. This was coded as (0 = unemployed; 1 = employed).

Democratic status, which tends to be lower in less established democracies, is one influencing element that impacts levels of participation in politics in general (Kostadinova and Power, 2007). Data from the Freedom House Democracy Index is used to control for the democratic status of the countries to account for variations across nations. Based on this index, the countries were labeled free (reference point), partly free, and not free.

Previous research has also shown that more developed nations have higher levels of political involvement than less affluent countries (Inglehart and Welzel, 2010). As a result, I introduced GDP as an additional control variable which was obtained from the World Bank Indicators.

Results

This section presents the regression outcomes by investigating the association between political behavior and tolerance of corruption. *Table 1* presents a logistic regression of the corruption models predicting voter turnout.

Model 1 presents the corruption tolerance variable and how it affects turnout. As indicated in model 1, citizens who perceive corruption but tolerate it are less likely to vote. As a result, the log of the probability of voting against the probability of abstaining reduces by *0.31* for every step on the corruption tolerance variable, with a standard error (*0.04*).

Model 2 estimates the tolerance for corruption variables with the individual-level variables such as age, gender, education, and how they influence turnout. Upon the inclusion of these variables, the result of the estimate shows a robust effect of corruption tolerance on citizens' willingness to vote by reducing the log-likelihood of voting by *0.26* and a standard error (*0.05*). Models 3 and 4 also included economic and country-level variables, respectively, and the results all show a robust effect (*-0.26*, *SE = 0.05*) for both.

The findings also show that female individuals have lower voter turnout compared with individuals who are male. These individual-level effects on voter participation contradict findings (Dahlberg and Solevid, 2016), which found that female citizens exhibit a higher propensity to vote when compared to males.

Table 1

Showing the Effect of Tolerance of corruption on voter turnout

	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4
<i>Predictors</i>	<i>Log-Odds</i>	<i>Log-Odds</i>	<i>Log-Odds</i>	<i>Log-Odds</i>
(Intercept)	1.26 *** (0.11)	0.53 *** (0.12)	0.41 *** (0.12)	0.87 *** (0.25)
Corruption Tolerance	-0.31 *** (0.04)	-0.26 *** (0.05)	-0.26 *** (0.05)	-0.26 *** (0.05)
Age 31-50		1.48 *** (0.04)	1.43 *** (0.04)	1.43 *** (0.04)
Age 51+		1.69 *** (0.05)	1.70 *** (0.05)	1.70 *** (0.05)
Gender		-0.23 *** (0.03)	-0.18 *** (0.03)	-0.18 *** (0.03)
Primary Education		0.13 * (0.05)	0.11 * (0.05)	0.11 * (0.05)
Secondary Education		-0.01 (0.05)	-0.04 (0.05)	-0.04 (0.05)
Tertiary Education		0.39 *** (0.07)	0.29 *** (0.07)	0.29 *** (0.07)
Employment Status			0.43 *** (0.04)	0.43 *** (0.04)
Not Free				0.00 (0.28)
Partly Free				-0.30 (0.23)
GDP				0.05 * (0.02)
Random Effects				
ICC	0.06	0.06	0.06	0.04
N	18 _{country}	18 _{country}	18 _{country}	18 _{country}
Observations	25, 397	25, 397	25,397	25, 397
AIC	27761.965	25125.451	24987.650	24988.542
log-Likelihood	-13877.982	-12553.726	-12483.825	-12481.271

Standard errors in parentheses
 * $p < 0.05$ ** $p < 0.01$ *** $p < 0.001$

Table 2 presents the results of the logistic regression for protest with different model specifications. Model 1 depicts the tolerance of corruption and how it affects people's participation in a protest. The table shows that corruption tolerance is associated with decreased protest participation. Hence, the log of the probability of participating in a protest vis a vis not participating reduces by (0.19, $SE=0.04$) for each step on the corruption tolerance variable.

Several control variables were included in Models 2, 3, and 4, which guard against spurious effects and ensure a robust check. The effect for the relationship after the inclusion of additional variables in models 2, 3, and 4 also shows a robust outcome. For instance, in model 4, the log odds of citizens' propensity to participate in protest actions decreases (0.16, $SE=0.04$) when an individual is tolerant of corrupt activities.

Table 2

Showing the Effect of Tolerance of corruption on protest

	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4
<i>Predictors</i>	<i>Log-Odds</i>	<i>Log-Odds</i>	<i>Log-Odds</i>	<i>Log-Odds</i>
Intercept	-0.04 (0.12)	0.08 (0.13)	0.04 (0.13)	0.03 (0.30)
Corruption Tolerance	-0.19 *** (0.04)	-0.16 *** (0.04)	-0.16 *** (0.04)	-0.16 *** (0.04)
Age_31-50		-0.04 (0.03)	-0.06 * (0.03)	-0.06 * (0.03)
Age_51+		-0.57 *** (0.04)	-0.57 *** (0.04)	-0.57 *** (0.04)
Gender		-0.39 *** (0.03)	-0.38 *** (0.03)	-0.38 *** (0.03)
Primary Education		0.11 ** (0.04)	0.11 ** (0.04)	0.11 ** (0.04)
Secondary Education		0.31 *** (0.04)	0.30 *** (0.04)	0.29 *** (0.04)
Tertiary Education		0.44 *** (0.05)	0.39 *** (0.06)	0.39 *** (0.06)
Employed			0.16 *** (0.03)	0.16 *** (0.03)
Not Free				-0.55 (0.35)
Partly Free				0.03 (0.28)
GDP				-0.02 (0.03)
Random Effects				
ICC	0.07	0.08	0.08	0.06
N	18 country	18 country	18 country	18 country

Observations	25397	25397	25397	25397
AIC	33867.729	33243.702	33216.635	33219.429
log-Likelihood	-16930.865	-16612.851	-16598.318	-16596.714
Standard errors in parentheses * $p < 0.05$ ** $p < 0.01$ *** $p < 0.001$				

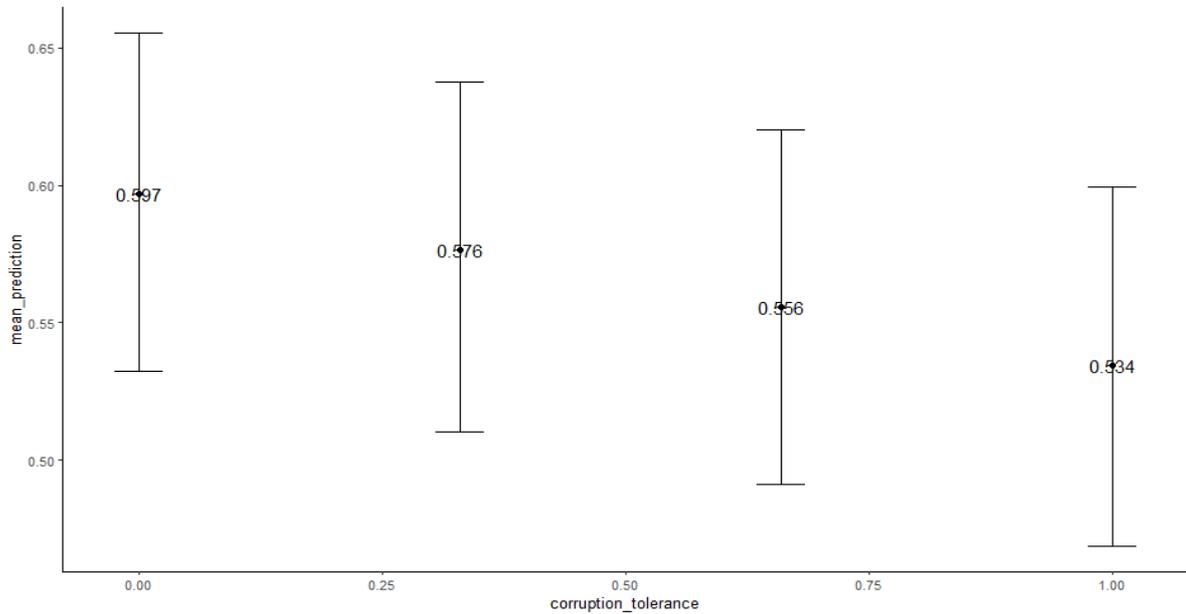
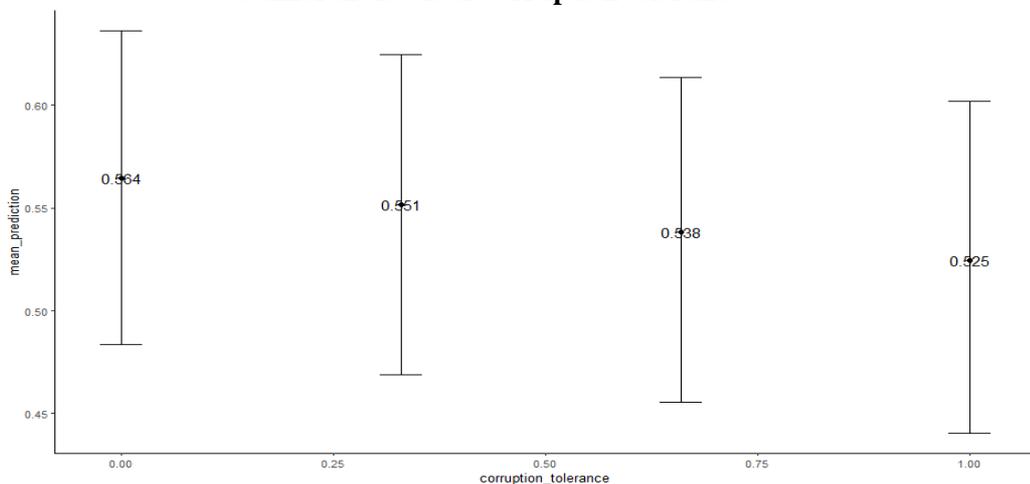

Figure 1. The graph shows the mean prediction for voter turnout at a different levels of corruption tolerance

In the graph above, I used a coefficient vector and covariance matrix to draw a sample of a normal distribution. I constructed the data where only corruption tolerance varies while other variables were held constant to see how the actual effect operates. As can be seen, the probability of participating in a vote decreases with a high level of corruption tolerance. From the graph, at '0' corruption tolerance, the probability of voter turnout is high with a mean prediction of '0.597'. However, an increase in corruption tolerance exhibits a lower probability of voter turnout. Specifically, holding all other variables constant, the probability of a voter being highly tolerant of corruption at '1'. This shows a mean prediction of voter turnout to decrease to 0.534.

The graph shows the mean prediction for protest turnout at a different levels of corruption tolerance

To understand how the actual effect of corruption tolerance affects people's propensity to protest, I created data where corruption tolerance varies while other variables remain constant, (*figure 1*). At '0' corruption tolerance, the probability of participating in protest is high at a mean prediction of **0.56**. Holding all other variables fixed, a high level of corruption tolerance reduces the likelihood of engaging in a demonstration. As can be observed, when corruption tolerance is set to **1**, the likelihood of citizens participating in protest falls to **0.52**.

There however is probable cause to think that endogeneity makes estimating the influence of corruption tolerance on political participation difficult. Furthermore, corruption tolerance and political participation (vote, and protest) are most likely to have the problem of reverse causality. Thus, those who are less likely to participate in protests and vote are also more likely to tolerate corruption. Instrumental variable estimation is one method for dealing with endogeneity and reverse causality problems. The paper utilized Acemoglu, Johnson and Robinson (2001) settler mortality instrument. Out of the 18 countries that were in the original data from the Afrobarometer, only 9 were captured in the settler mortality instrument developed by Acemoglu, Johnson and Robinson (2001). See appendix (*Table 8*) for the countries and settler mortality rates used for the analysis.

The paper takes the view that corruption tolerance is likely a function of institutions. Institutions, in turn, are a function of settler mortality. We can find a causal effect of corruption tolerance on participation by controlling for mortality. That is not to imply that there is a causal relation between settlers' mortality and their tolerance for corruption; rather, the two are correlated. Essentially, all that is required for the instrument to be useful is a correlation. There is a statistically significant association between mortality and corruption tolerance, as shown in Appendix (*Table 5*). Thus, a high mortality rate indicates a lower level of corruption tolerance. Corruption tolerance is first regressed on the instrument mortality and predicted corruption tolerance values are then used to estimate a causal effect of corruption tolerance on participation. This is done in different model specifications. The findings in the instrumental variable regressions (*Tables 6, and 7*) show that even after introducing the instrument, participation in both protests, and voting decreases as citizens tolerate corrupt behavior.

Discussion

H1: People who are more tolerant of corrupt practices exhibit a lower propensity to vote in elections.

In all four models, the independent variable, tolerance of corruption, was statistically significant in relation to the dependent variable, propensity to vote (*Table 1*). This is such that the more citizens tolerate corruption, the more likely they will abstain from voting. As argued in this research, corruption can substitute other activities such as voting. This is because people who are more tolerant of corrupt activities do not believe that other methods of safeguarding their interests are as effective. This finding contradicts previous claims that people who tolerate corruption are more likely to vote in elections (Bonifácio and Paulino, 2015). Again, the argument advanced in the study is also true in the graph (*Figure 1*). As can be seen at every level, the probability of participating in a vote decreases with a high level of corruption tolerance.

Stockemer, LaMontagne and Scruggs (2013) argue that voter turnout increases with corruption rise in advanced democracies, but this may not entirely be the case for many African countries. Citizens turned out to vote for or against a politician will be based on the extent to which such people accept corrupt behavior, especially where many African cultures allow for gifts and reciprocity.

H2: People who are more tolerant of corrupt practices exhibit a lower propensity to protest participation.

The dependent variable, protest is negatively correlated with corruption tolerance in all four models. As a result, the more citizens accept corruption, the less likely they will join protesters in opposing the government. Citizens' perceptions of corruption, as opined in the literature review section, may influence their propensity to participate in protests to the extent that they evaluate the benefits of corrupt behavior against the opportunity to protest. The argument is that most protesters want economic or political change, and those who profit from corruption are likely to be satisfied with the current system. This means the willingness to engage in protest does not necessarily happen simply because a person is identified with a group (Opp, 2009), and ideological beliefs (Matebesi and Botes, 2017).

Also, although bribe payments may influence protests (Gingerich, 2009), however, it may largely depend on how citizens generally accept or are against such behavior in the political system. For instance, African politics have many years been defined by patronage politics—using the state and its resources to stay

in power (Van de Walle, 1994). As a result, African political leaders have used public sector institutions to provide the advantages and patronage necessary to create patron-client support networks for themselves. Top administrators have been appointed almost everywhere based on personal and political relationships with people in positions of power (Mwenda and Tangri, 2005). This is likely to create an environment where persons who benefit from the existing political system do not participate in the protest. Therefore, long ago, Lindberg (2006) noted that the way patrimonial networks dominate and destroy official state institutions is frequently blamed for the problems that plague Africa's political system. Hence, Lindberg (2013) argues that eradicating patrimonialism is necessary for strengthening democratic structures and consolidating democracies.

Juxtaposing these findings and making a reflection on governance issues in many parts of the African countries raises a call for serious attention. Indeed, one of the most pressing issues in Africa for citizens is the issue of corruption. For instance, the 2021 Corruption Perceptions Index (CPI) report for sub-Saharan Africa revealed that amongst all the democratic turbulence, increasing corruption continues to worsen freedoms in the region. In addition, the reports further show that to keep corruption out of the public sphere and for the fear of being exposed, some of the authorities across the region have censored information and repressed critical voices who expose misconduct. This may suggest why some countries in Sub-Saharan Africa exhibit no significant change, making corruption one of the region's most pressing challenges. Similarly, according to a post-election survey report released by the Centre for Democratic Development-Ghana (CDD-Ghana, 2021), 62 percent of Ghanaians believe the administration will not be able to combat corruption. This perception by citizens may by extension play some key role in citizens' willingness to accept corrupt behavior as far as it benefits them and subsequent refusal to participate in the political processes.

The finding of the research highlights two main implications. First, this study establishes the detrimental consequences of tolerance of corruption on political behavior. Corrupt practices do not only impede economic development but also affect the efficient function of democracies, causing citizens to turn away from voting or from participating in a protest against a poorly performing and corrupt administration. Secondly, the common assumption among scholars is that cross-country variations in voting participation are primarily explained by institutional features that make turnout higher in some countries than others and for protests to be more common in some countries. To establish the robustness of the findings observed among developing and mature democracies, future studies should revisit research designs by including other important variables such as tolerance of corruption.

Conclusion

In many African countries, corruption is still a serious issue. While many African scholars agree that widespread corruption hurts economic and political development, there has been little research on the impact of corruption tolerance on citizens' participation in political processes. This research addresses the question of how tolerance of corruption influences political participation?

The findings of this research contribute new insights to the existing literature on voter turnout and protest, particularly in African countries. This study aimed to determine individuals' propensity to vote and protest when they tolerate corruption. The paper put forward a novel theoretical idea that viewed corruption practices as a substitute for participation in voting and protest. The research produced two key hypotheses that expected a negative effect of corruption tolerance on political participation.

First, I explored the argument that those who are more tolerant of corrupt behaviors will be less likely to vote in elections. The study established that tolerance of corruption decreases the log odds of people's willingness to vote in an election. This implies that those who are more tolerant of corruption will be less eager to engage in democratic activities such as voting. Secondly, the study investigates the idea that people who are more tolerant of corrupt behaviors are less likely to participate in protests. The results from the empirical work confirm this hypothesis.

One main concern in this study has to do with generalization. Instead of applying the findings to all African and developing countries, the study is limited to only democratic countries. This research acknowledges the necessity to expand the scope of the study to include a broader sample of other African countries. In Africa, however, there is relatively limited reliable data on public opinion. For example, Afrobarometer mainly focuses on democratic African countries. This suggests that extra caution should be exercised when extrapolating these findings.

References

- Blais, A. (2006) 'What affects voter turnout?', *Annu. Rev. Polit. Sci.*, 9, pp. 111–125.
- Blais, A., Young, R. and Lapp, M. (2000) 'The calculus of voting: An empirical test', *European Journal of Political Research*, 37(2), pp. 181–201.
- Bonifácio, R. and Paulino, R. (2015) 'Corruption and Political Participation in the Americas and the Caribbean', *Brazilian political science review*, 9, pp. 54–80.
- Brunori, P. (2017) 'The perception of inequality of opportunity in Europe', *Review of Income and Wealth*, 63(3), pp. 464–491.
- CDD-Ghana (2021) URL: <https://cddgh.org/62-of-ghanaians-say-akufo-addo-cannot-curb-corruption-cdd-ghana-survey/on-15/03/22>.
- Chai, S. K. (2005) 'Rational choice: Positive, normative, and interpretive', *Annual Meeting of the American Sociological Association, Marriott Hotel. Loews Philadelphia Hotel, Philadelphia, PA*, p. 2005.
- Chang, E. C. and Kerr, N. N. (2017) 'An insider–outsider theory of popular tolerance for corrupt politicians', *Governance*, 30(1), pp. 67–84.
- Cheeseman, N., Lynch, G. and Willis, J. (2021) *Why Do Elections Matter in Africa? Democracy, Voting and Virtue*. Cambridge University Press.
- Chinweuba, G. E. (2018) 'Culture and corruption: a critical analysis of the basis of Nigerian depraved experience', *UJAH: Unizik Journal of Arts and Humanities*, 19(2), pp. 112–130.
- Dahlberg, S. and Solevid, M. (2016) 'Does corruption suppress voter turnout?', *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 26(4), pp. 489–510.
- Dalton, R. J. and Weldon, S. A. (2005) 'Public images of political parties: A necessary evil?', *West European Politics*, 28(5), pp. 931–951.
- De Maria, W. (2007) 'Does African corruption exist?', *African Journal of Business Ethics*, 2(1), pp. 1–9.
- Diaz, F. and Lijphart, A. (2014) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. 2. Aufl. New Haven: Yale University Press.
- Downs, A. (1957) 'An economic theory of political action in a democracy', *Journal of political economy*, 65(2), pp. 135–150.
- Escaleras, M., Calcagno, P. T. and Shugart, W. F. (2012) 'Corruption and voter participation: Evidence from the US states', *Public Finance Review*, 40(6), pp. 789–815.
- Franklin, M. N. (2004) *Voter turnout and the dynamics of electoral competition in established democracies since 1945*. Cambridge University Press.
- Gimpelson, V. and Treisman, D. (2018) 'Misperceiving inequality', *Economics & Politics*, 30(1), pp. 27–54.
- Gingerich, D. W. (2009) 'Corruption and political decay: Evidence from Bolivia', *Quarterly Journal of Political Science*, 4(1), pp. 1–34.
- Global Financial Integrity 2017 (no date). Available at: http://www.gfintegrity.org/wp-content/uploads/2017/05/GFI-IFF-Report-2017_final.pdf.
- Grofman, B. and Selb, P. (2009) 'A fully general index of political competition', *Electoral Studies*, 28(2), pp. 291–296.
- Gupta, S., Davoodi, H. and Alonso-Terme, R. (2002) 'Does corruption affect income inequality and poverty?', *Economics of governance*, 3(1), pp. 23–45.
- Huckfeldt, R. R. and Sprague, J. (1995) *Citizens, politics and social communication: Information and influence in an election campaign*. Cambridge University Press.
- Inglehart, R. and Welzel, C. (2010) 'Changing mass priorities: The link between modernization and democracy', *Perspectives on politics*, 8(2), pp. 551–567.
- Inman, K. and Andrews, J. T. (2009) 'Corruption and political participation in Africa: Evidence from survey and experimental research', *Midwest Political Science Association*, 3(6).
- Karahan, G. R., Coats, R. M. and Shugart, W. F. (2006) 'Corrupt political jurisdictions and voter participation', *Public Choice*, 126(1), pp. 87–106.
- Kostadinova, T. (2009) 'Abstain or rebel: Corruption perceptions and voting in East European elections', *Politics & Policy*, 37(4), pp. 691–714.
- Kostadinova, T. (2013) *Corruption and Political Participation: Testing Models of Voting and Protesting*.
- Kostadinova, T. and Power, T. J. (2007) 'Does democratization depress participation? Voter turnout in the Latin American and Eastern European transitional democracies', *Political Research Quarterly*, 60(3), pp. 363–377.
- Leighley, J. E. (1995) 'Attitudes, opportunities and incentives: A field essay on political

- participation', *Political research quarterly*, 48(1), pp. 181–209.
- Lindberg, S. I. (2006) 'Opposition parties and democratisation in sub-Saharan Africa', *Journal of Contemporary African Studies*, 24(1), pp.123–138.
- Lindberg, S. I. (2013) 'Have the cake and eat it: The rational voter in Africa', *Party Politics*, 19(6), pp. 945–961.
- Matebesi, S. and Botes, L. (2017) 'Party identification and service delivery protests in the Eastern Cape and Northern Cape, South Africa', *African Sociological Review/ Revue Africaine de Sociologie*, 21(2), pp. 81–99.
- Mauro, P. (1995) 'Corruption and growth', *The quarterly journal of economics*, 110(3), pp. 681–712.
- Mishler, W. and Rose, R. (2005) 'What are the political consequences of trust? A test of cultural and institutional theories in Russia', *Comparative Political Studies*, 38(9), pp. 1050–1078.
- Monyake, M. and Hough, D. (2019) 'Citizens, bribery and the propensity to protest', *Commonwealth & Comparative Politics*, 57(3), pp. 282–302.
- Mwenda, A. M. and Tangri, R. (2005) 'Patronage politics, donor reforms, and regime consolidation in Uganda', *African affairs*, 104(416), pp. 449–467.
- Ninsin, K. A., (2006) 'Introduction: the contradictions and ironies of elections in Africa', *Africa development*, 31(3), pp. 1–10.
- Nye, J. S. (1967) 'Corruption and political development: A cost-benefit analysis', *American political science review*, 61(2), pp. 417–427.
- Oberschall, A. R. (1994) 'Rational choice in collective protests', *Rationality and Society*, 6(1), pp. 79–100.
- Olson, M. (2012) 'The logic of collective action 1965', *Contemporary Sociological Theory*, 124.
- Olsson, S. A. (2014) 'Corruption and political participation', *QoG Working Paper Series*, 11(12), pp. 1–53.
- Opp, K. D. (1990) 'Postmaterialism, collective action, and political protest', *American Journal of Political Science*, pp. 212–235.
- Opp, K. D. (2009) *Theories of political protest and social movements: A multidisciplinary introduction, critique, and syntheses*. Routledge.
- Otusanya, O. J. (2011) 'Corruption as an obstacle to development in developing countries: a review of literature', *Journal of Money Laundering Control* [Preprint].
- Resnick, D. and Casale, D. (2011) *The political participation of Africa's youth: Turnout*. WIDER Working Paper.
- Transparency International (2021) URL: <https://www.transparency.org/en/news/cpi-2021-sub-saharan-africa-amid-democratic-turbulence-deep-seated-corruption-on-15/03/22>.
- Riker, W. H. and Ordeshook, P. C. (1968) 'A Theory of the Calculus of Voting', *American political science review*, 62(1), pp. 25–42.
- Rose-Ackerman, S. (1999) 'Political corruption and democracy', *Conn. J. Int'l L*, 14, p. 363.
- Rose-Ackerman, S. and Truex, R. (2012) *Corruption and policy reform*. Yale Law & Economics Research Paper.
- Stockemer, D., LaMontagne, B. and Scruggs, L. (2013) 'Bribes and ballots: The impact of corruption on voter turnout in democracies', *International political science review*, 34(1), pp. 74–90.
- Sundström, A. and Stockemer, D. (2015) 'Regional variation in voter turnout in Europe: The impact of corruption perceptions', *Electoral Studies*, 40, pp. 158–169.
- Szeftel, M. et al. (2000) 'Clientelism, corruption & catastrophe', *Review of African Political Economy*, 27(85).
- Teorell, J., Sum, P. and Tobiasen, M. (2007) 'Participation and political equality: An assessment of large-scale democracy', in: *Citizenship and involvement in European democracies*. Routledge, pp. 408–438.
- Toklo, S. (2021) *Book review: The moral economy of elections in Africa: democracy, voting and virtue* by Nic Cheeseman, Gabrielle Lynch and Justin Willis. LSE Review of Books.
- United States Department of State (2021) URL: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/on-27/04/2022>.
- Van de Walle, N. (1994) 'Neopatrimonialism and Democracy in Africa, with an Illustration from Cameroon', *Economic change and political liberalization in sub-Saharan Africa*, pp. 129–157.
- Van Zomeren, M., Spears, R. and Leach, C. W. (2008) 'Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage?',

British Journal of Social Psychology, 47(2), pp. 353–372.

Villoria, M., Van Ryzin, G. G. and Lavena, C. F. (2013) 'Social and political consequences of administrative corruption: A study of

public perceptions in Spain', *Public Administration Review*, 73(1), pp. 85–94.

Wei, S. J. and Shleifer, A. (2000) 'Local corruption and global capital flows', *Brookings papers on economic activity*, 2000(2), pp. 3.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 23.04.2022

Статья принята к печати: 01.05.2022

ЭФФЕКТ ВЛИЯНИЯ ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КЕЙС АФРИКИ

С. Токло

С. Токло, кандидат политических наук,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: stoklo@hse.ru (ORCID: 0000-0003-1914-2706).

Аннотация

Взаимосвязь коррупции и политического участия является актуальной темой в современных политических исследованиях. Тем не менее, у ученых нет консенсуса относительно характера данной связи и её направленности. В частности, граждане часто осведомлены о фактах коррупции, но предпочитают игнорировать их. В связи с этим возникает вопрос: как толерантность к коррупционным практикам влияет на различные формы политического участия? Данное исследование предполагает, что толерантность к коррупции понижает вероятность голосования на выборах и участия в протестах. Для оценки эффекта используется регрессионный анализ на данных третьего раунда опроса "Афробарометр", проводившегося в 18 странах Африки, расположенных к югу от Сахары. Результаты анализа подтверждают основную гипотезу и демонстрируют высокую устойчивость к различным спецификациям моделей.

Ключевые слова: восприятие коррупции; коррупционное поведение; голосование; протест.

Обзоры и аналитика

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-2-123-126

POLITICAL AND NATURAL SCIENCES: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

К. А. Пунина

Пунина Ксения Александровна, доцент кафедры политических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». E-mail: puninaka@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4146-6398).

Аннотация

Трансформация понимания и реализации экологической политики в современной России выводит на первый план необходимость междисциплинарного подхода к подготовке специалистов, работающих в данной сфере. По мере развития природоохранной деятельности стала очевидной необходимость включения в процесс принятия решений гражданского общества – тех людей, которых негативные последствия экономического роста касаются непосредственно. В качестве объединяющего начала для политики и экологии в учебном процессе – организации новой магистратуры – выбрана еще только формирующаяся в России общественная экология. Она предполагает активное включение общества в генерирование, решение и оценку этих решений в политических, социальных и экологических сферах. В Пермском крае нередки случаи интеграции экспертов из сферы экологии и политики для инициирования и принятия управленческих решений по природоохранной повестке и в рамках устойчивого развития. Данное экспертное сообщество приняло решение объединить усилия и разработать в Пермском государственном национальном исследовательском университете совместную магистерскую программу «Общественная экология и публичная политика». Ее выпускники смогут работать в органах государственной и муниципальной власти, ответственных за экологическую обстановку. Они станут разносторонне развитыми специалистами и будут влиять на принятие управленческих решений, аргументированно их обосновывая. Кроме того, смогут применить свои знания в сфере экологического консалтинга, маркетинга и коммуникаций, а также журналистики, раскрывающей экологические проблемы современного общества.

Ключевые слова: экологическая политика; публичная политика; общественная экология; экологический GR; экологическая повестка; магистратура; политология.

В современной России происходит трансформация понимания и реализации экологической политики. Экологическая политика как направление глобальной и национальной политики возникла в 1960-е гг., когда негативные последствия стремительного индустриального развития стали иметь явное негативное воздействие на биосферу, в том числе и на ноосферу. В таких условиях человечество впервые столкнулось с кризисом роста, и ему пришлось предпринимать меры по сдерживанию дальнейшей антропогенной нагрузки на окружающую среду. Изначально экополитика рассматривалась как явление политического поля, в котором действовали государства или их органы, как в случае внутренней политики. Однако по мере развития природоохранной деятельности стало ясно, что подобные меры не будут действовать эффективно без вмешательства гражданского общества – тех людей, которых негативные последствия экономического роста коснулись непосредственно. Уже с 1970-х гг. в ряде европейских государств появились «зеленые» политические партии, которые принимают активное участие в выборах национальных парламентов. Решение экологических проблем стало происходить не только между государствами и/или международными организациями, но и в рамках гражданского общества.

Учитывая научный и общественный запрос, кафедра политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета открывает новую магистерскую про-

грамму «Общественная экология и публичная политика». Программа будет реализовываться по направлению подготовки магистратуры 41.04.04 «Политология», однако будет включать блок экологических дисциплин, которые реализуются кафедрой биогеоценологии и охраны природы ПГНИУ. Для такого междисциплинарного подхода есть целый ряд причин.

В Прикамье экологическое движение активно политизируется на протяжении последних 15 лет. Костяк лидеров природоохранных организаций и экологических инициатив составляют выпускники биологического и географического факультетов ПГНИУ. Вместе с тем их деятельность не ограничивается проведением лекций по отдельному сбору отходов, мастер-классами по изготовлению домиков для насекомых или круглыми столами по антропогенному влиянию на долины малых рек города. Кандидат биологических наук, выпускник биологического факультета ПГНИУ, председатель совета регионального отделения Всероссийского общества охраны природы Ю. Н. Хохлов входит в состав экологического совета при губернаторе Пермского края. Декан географического факультета ПГНИУ А. А. Зайцев возглавлял региональный список политической партии «Зеленая альтернатива» на выборах в региональный парламент в 2021 г. Доцент кафедры биогеоценологии и охраны природы Д. Н. Андреев целый созыв проработал помощником депутата Пермской городской думы от партии Яблоко, а затем возглавил управление экологии и природопользования администрации города Перми. Старший преподаватель кафедры биогеоценологии и охраны природы ПГНИУ Д. Н. Слащёв руководит проектом партии «Единая Россия» в регионе «Чистая страна». Выпускница этой же кафедры Е. Н. Овчинникова долгое время возглавляла региональное отделение Общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры», впоследствии стала директором ГБУ «Дирекция ООПТ Пермского края».

Вместе с тем наблюдения показывают, как в экологические инициативы активно подключаются политологи и правозащитники. Например, такие инициативы, как «Зеленая коалиция» по спасению Черняевского леса Перми или «Липам жить» по запрету вырубке лип на центральном проспекте Перми во многом оказались политически успешны благодаря участию бывших сотрудников кафедры политических наук Пермского университета.

Эти и другие примеры демонстрируют, насколько часто происходит интеграция экспертов из сферы экологии и политики для инициирования и принятия управленческих решений по природоохранной повестке и в рамках устойчивого развития. Политические решения зачастую принимаются без учета геоэкологии и урбоэкологии, а специалисты в области биоразнообразия терпят фиаско из-за непонимания политических институтов и правил принятия решений.

В качестве объединяющего начала для этих сфер выбрана еще только формирующаяся в России общественная экология. Она предполагает активное включение общества в генерирование, решение и оценку этих решений в политических, социальных и экологических сферах. Границы, которые приписываются как социальным, так и экологическим системам, проницаемы и динамичны. Политики, экономисты и экологи должны работать с гражданами вне культурных, организационных, институциональных, политических и географических границ. Базы знаний, роли экспертов, динамика государственной и местной власти меняются таким образом, что мы вынуждены осваивать новые способы сосуществования. Экология, как и политика, становится все более публичной и принимает разные формы. Понимание экосистем должно учитывать и уважать ценности затронутых сообществ, а не просто полагаться на утверждения научных экспертов. Профессионализация участников этого процесса и понимание специфики каждой из этих сфер лежат в основе магистратуры «Общественная экология и публичная политика».

Для реализации программы собран пул экспертов и аналитиков с опытом работы в органах власти, НКО и экологических компаниях. Среди ее преподавателей – представители четырех факультетов: историко-политологического, географического, юридического и экономического. У каждого факультета есть опыт проведения научной экспертизы политических решений и социально-экономических программ, так, преподаватели экономического и историко-политологического факультета принимали участие в разработке ряда Программ социально-экономического развития Пермского края. Преподаватели Университета представлены в Общественной палате Пермского края, общественных советах, комиссиях, экспертных и рабочих группах при органах государственной и муниципальной власти Пермского края, что позволяет им адекватно реагировать на вызовы и запросы среды.

Совокупность дисциплин новой образовательной программы формирует весь необходимый перечень универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, предусмотренных ФГОС ВО. В программу включены дисциплины, раскрывающие сущность актуальных на сегодняшний день общественно-политических тем, практик и процессов: public ecology: ценности, дви-

жения, лидеры; политические стратегии и технологии развития сообществ, публичная политика и политический анализ, проектное управление в государственных и муниципальных органах власти, экологический GR и PR-менеджмент, экологическая политика и управление, устойчивое социально-экономическое развитие территории, управление государственными программами и приоритетными проектами. Кроме того, программа содержит такие важные для понимания специфики деятельности дисциплины, как геоэкология, урбоэкология, управление климатическими рисками, правовые основы природопользования и охраны окружающей среды, правовые основы экологической безопасности.

Образовательная программа направлена на формирование следующих компетенций: «Способен применять разнообразные современные методы политических исследований для реализации исследовательских проектов», «Способен осмысливать политические явления под углом зрения различных теоретических подходов, сложившихся в социальных науках, проводить исследования на основе комплекса теорий, получивших развитие в современной политической науке», «Способен осуществлять экспертно-аналитическую деятельность в сфере публичной политики», «Способен работать в рамках политико-управленческого проекта в качестве организатора».

Выпускники, освоившие программу магистратуры, могут осуществлять свою профессиональную деятельность в сфере образования и науки, проектной деятельности, в сфере экспертно-аналитической деятельности и взаимодействии с органами государственной власти и управления, негосударственными и международными организациями, что отвечает запросам ведущих работодателей Пермского края (экспертные организации, органы государственной власти и местного самоуправления, медиа, некоммерческие организации). Выпускники магистратуры смогут работать в органах государственной и муниципальной власти, ответственных за экологическую обстановку. Они станут разносторонне развитыми специалистами и будут влиять на принятие управленческих решений, аргументировано их обосновывая. Кроме того, смогут применить свои знания в сфере экологического консалтинга, маркетинга и коммуникаций, а также журналистики, раскрывающей экологические проблемы современного общества.

В реализации программы будет учтен международный опыт экологического образования, формирования экологического сознания и экологической идентичности.

Структура программы

Модуль 1. Дисциплины.

Политико-управленческий блок:

Политические стратегии и технологии развития сообществ

Публичная политика и политический анализ

Проектное управление в государственных и муниципальных органах власти

Экологический GR и PR-менеджмент

Теории и механизмы современного государственного управления

Экологическая политика и управление

Устойчивое социально-экономическое развитие территории

Управление государственными программами и приоритетными проектами

Public ecology: ценности, движения, лидеры

Геоэкологический блок:

Геоэкологические основы природопользования.

Урбоэкология

Управление климатическими рисками

Правовой блок:

Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды

Правовые основы экологической безопасности

Блок методологических дисциплин:

Методы социологических исследований

Информационно-аналитические методы обработки данных

Научно-исследовательский семинар

Блок общих дисциплин:

Управление конфликтами в профессиональной среде

Основы переговорного процесса

Иностранный язык

Преподавание политической науки в высшей школе

Модуль 2. Практики, в том числе научно-исследовательская работа.

Модуль 3. Государственная итоговая аттестация.

References

- Christie, B. A., Miller, K. K., Cooke, R. & White, J. G. (2015) 'Environmental sustainability in higher education: What do academics think?', *Environmental Education Research*, 21(5), 655–686.
- Clayton, S., Opatow, S. (eds.) (2003) *Identity and the Natural Environment*. Cambridge: MIT Press.
- Devall, B. and Sessions, G. (1985) *Deep Ecology: Living as if Nature Mattered*, 266 p. Salt Lake City: Peregrine Smith Books.
- Hornung Johanna (2022) *Social identities in climate action*. Hornung Climate Action. 1:4
- Suárez-Perales, Inés. Educating for the future: How higher education in environmental management affects pro-environmental behavior, *Journal of Cleaner Production*.
- Thomashow, M. (1995) *Ecological identity: Becoming a reflective environmentalist*, Cambridge: MIT Press Volume 321, 25 October 2021.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 30.04.2022

Статья принята к печати: 24.05.2022

POLITICAL AND NATURAL SCIENCES: TRANSDISCIPLINARY APPROACH IN TEACHING PROCESS

K. A. Punina

K. A. Punina, Associate Professor, Political Science Department,
Perm State University.

E-mail: puninaka@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4146-6398).

Abstract

The transformation of the understanding and implementation of environmental policy in modern Russia brings the need for an interdisciplinary approach to the training of specialists working in this field to the forefront. Civil society is actively involved in the decision-making process on environmental protection. As a unifying principle for politics and ecology, the public ecology that is still being formed in Russia has been chosen. It actively involves society in generating, solving and evaluating these decisions in the political, social and environmental spheres. In the Perm Region, there are frequent cases of integration of experts from the field of ecology and politics to initiate and make management decisions on the environmental agenda and within the framework of sustainable development. This expert community decided to join forces and develop a joint master program "Public Ecology and Public Policy". Graduates of the program will be able to work in state and local authorities responsible for the environmental situation. They will become versatile specialists and will influence management decision-making, justifying them in a reasoned manner. In addition, they will be able to apply their knowledge in the field of environmental consulting, marketing and communications, as well as journalism that reveals the environmental problems of modern society.

Keywords: environmental policy; public policy; public ecology; environmental GR; environmental agenda; master program; political science.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearchID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) '*Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights*' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*: дис. ... докт. ист. наук. Москва. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2022. Том 16. № 2

Bulletin of Perm University.
Political Science
2022. Vol. 16. № 2

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 20.06.2022.
Выход в свет 24.06.2022.
Формат 60x84/8. Усл. печ. 15,46.
Тираж 500 экз. Заказ 107.

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте
«Пресса России. Объединенный каталог» <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/i41006/>
Подписной индекс 41006